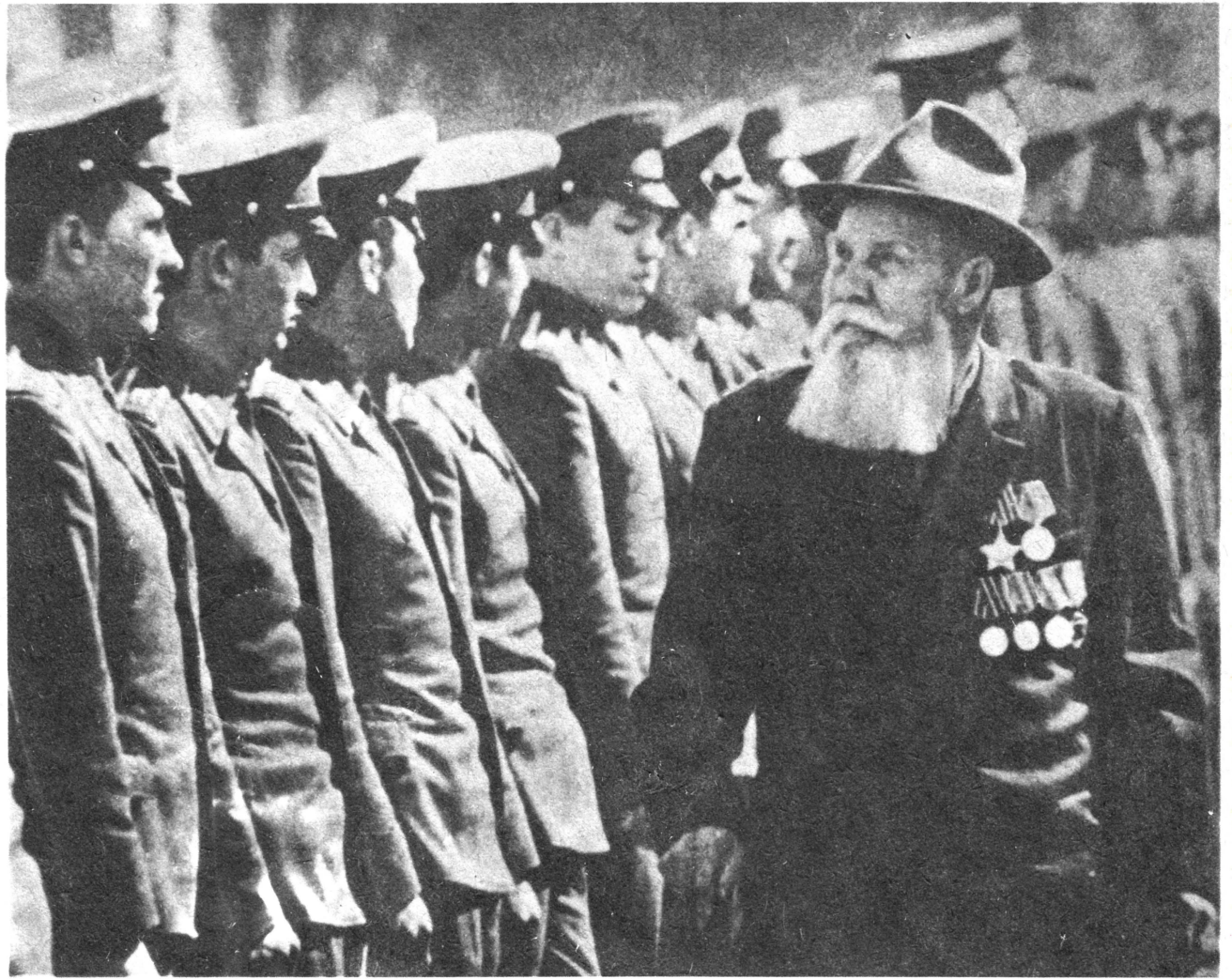

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ-84

11
2

ФЕВРАЛЬ

Заплавлено в медали

пламя мая,

И гордый звон,

и горький стон слышны...

Минувшая война,

седая и святая,—

На смотре молодых,

не ведавших войны.

Л. Румянцев

Фото А. Лысякова

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ.84

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главный редактор
Станислав МЕШАВКИН

Редакционная коллегия:

Муса ГАЛИ
Спартак КИПРИН
Владислав КРАПИВИН
Юрий КУРОЧКИН
Давид ЛИВШИЦ,
заместитель главного редактора
Геннадий МАШКИН
Николай НИКОНОВ
Анатолий ПОЛЯКОВ,
заведующий отделом краеведения
Лев РУМЯНЦЕВ,
заведующий отделом прозы и поэзии
Константин СКВОРЦОВ
Владимир СТАРИКОВ,
ответственный секретарь

№ 2 ФЕВРАЛЬ

Небо — трудная работа...

**Александр
КЕРДАН**

ЭТИ СТИХИ НЕ НУЖДАЮТСЯ В КАКОМ-ТО ОСОБОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ. ОНИ О СЛУЖБЕ АРМЕЙСКОЙ, О ЕЕ ТРУДНОСТЯХ И РАДОСТЯХ. ОБЪЯСНЯЕТСЯ ЭТО ПРОСТО: АЛЕКСАНДР КЕРДАН ПИШЕТ О ТОМ, ЧТО ЕМУ ОТЛИЧНО ИЗВЕСТНО — ОН ЗАКОНЧИЛ ВЫСШЕЕ АВИАЦИОННОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ, КАДРОВЫЙ ВОЕННЫЙ, АВИАТОР И ПОЛИТРАБОТНИК.

Я ВНИМАТЕЛЬНО СЛЕЖУ ЗА ТВОРЧЕСТВОМ КЕРДАНА, ЗАМЕЧАЮ, КАК КРЕПНУТ ЕГО ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРОЧКИ. АЛЕКСАНДР МОЛОД, У НЕГО ВСЕ ВПЕРЕДИ — И В ЖИЗНИ, И В ПОЭЗИИ.

НА СМЕНУ НАМ — ФРОНТОВЫМ ПОЭТАМ — ПРИХОДЯТ ПОЭТЫ СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.

Венедикт СТАНЦЕВ

Авиаторы

Авиаторы — народ особый:
Сплав ума, отваги, доброты.
Любят шутку, но всегда без злобы,
Уважают «вы», но больше —

«ты».

Подвигами здесь не козыряют,
Пышными словами не сорят.
Потому, наверно, и летают
Лучше, чем об этом говорят!

В курсантской казарме

В мужском неуютке казармы
Живем мы, как в отчем дому.
Безуслы командармы
Нам снятся в огне и в дыму.
Мы сами кристальны и юны,
И все у нас впереди.
...Качается маятник лунный,
И полночь в окошко глядит.
Рассвет прогремит по казарме
Старшинским:

— Подъем! —
А сейчас

Нам снятся еще командармы,
Похожие чем-то на нас.

* * *

Шло партийное собрание
в каземате.

Три патрона оставалось
в автомате.

Две винтовки со штыками
И граната —
Все оружие гарнизона...
Три солдата
До собрания
Две атаки отразили...
«До конца стоять!» —
Постановили.

«До победы бить врага,
До тишины!...»
Продолжался
первый день войны.

* * *

Миши Птицина вдова —
Двадцати двух лет от роду.
За ночь,
Словно бы за годы,
Поседела голова.
Мы — друзья — не утешаем,
Мы сейчас молчать должны...
Фотография большая —
Миша смотрит со стены.
Вместе с ним вчера сидели
И курили на крыльце...
Плачет дочка в колыбели.
Может, тоже об отце?..
— Небо — трудная работа,—
Кто-то вставил невпопад.
«Не вернулся из полета...»
Так об этом говорят.
Ночь сиреневою шторой
Занавесила окно.
Как всегда — режут стартеры,
И уходит ввысь звено.

Едут летчики с полетов

Едут летчики с полетов,
Катит «Пазик», не спеша.
Запевает песню кто-то —
Развеселая душа.
Кто-то спорит, кто-то курит,
Кольцами пуская дым...
И не верится, что бури
Покорялись нынче им.
И они о том ни слова,
Видно, так заведено...
Степь за окнами сурова,
Как шинельное сукно.

Рисунок В. Ганзина

Человек я от природы независтливый. А если и завидовал кому в детстве, то это вполне можно объяснить моей тогдашней глупостью. Очень завидовал я Лехе Ваутину, его умение пронзительно свистеть, не прибегая к помощи пальцев; завидовал Володе Воротилову, поскольку его отец был знаменитым планеристом и героически разбился во время авиационного праздника в Тушино; завидовал киноартисту Алейникову, потому что девчонки нашей улицы все поголовно были влюблены в него; и наконец, Витьке Пухову: он был сильнее меня.

Что и говорить, зависть — черта отрицательная во всех отношениях. Кроме разве одного: она заставляет человека выискивать средства, мобилизовать волю, прилагать старание, чтобы самому приобрести те качества, которые составляют предмет твоей зависти.

Конечно, как бы я ни лез из кожи, отцу моему — рядовому конторскому служащему — ни в жизнь не подняться до уровня значимости Володиного родителя. Это я понял еще в третьем классе и убедил себя, что зависть к Вовке-Воротиле беспочвенна.

Насчет Алейникова тоже со временем сгладилась острота. Я здраво рассудил: торопиться не надо, ибо у меня в запасе по крайней мере целая пятилетка. Вот кончу десять классов, выучусь на актера, тогда посоревнуемся.

С Лехой Ваутиным вскоре мы меняемся ролями: он мне стал завидовать, поскольку я научился так оглушительно свистеть, что во всем Тушино не знал конкурентов. Я и сейчас еще не утратил формы в этом виде звукотворчества, и когда на стадионе во время футбольных матчей требуется выразить свое возмущение, я свищу. И в радиусе двадцати метров удивленные болельщики разом поворачивают лица в мою сторону. Раньше я был бы рад такому вниманию, а теперь смущаюсь: годы не те!

А вот что касается преодоления зависти к Витьке Пухову, тут все оказалось куда сложнее. Если бы в те предвоенные годы кто-нибудь у меня спросил, что я больше всего хочу на свете, я бы, не раздумывая, ответил: отлупить Ушастого. Так мы звали Витьку Пухова за его оттопыренные уши. Желание это настолько глубоко засело в мое сознание, что даже во время коротких перемирий я все время искал случая, чтобы как-то напасть на этого ненавистного типа. Витька это чувствовал и отвечал мне той же монетой.

В словесных пикировках я его побеждал запросто. Но посрамленный интеллектуально, он провоцировал меня на кулачную стычку, которая заканчивалась, увы, не в мою пользу. Я чувствовал, что для победы мне не хватало чуть-чуть... А чего? Я и сам не знал. И ведь что обидно: по всем косвенным признакам я не уступал ему в силе: пудовую гирию, как и он, поднимал одной рукой, на турнике тоже подтягивался две-

ЗАВИСТЬ

Виталий
ПАШИН

Рисунок
А. Туманова

надцать раз. Правда, плавал он быстрее меня, зато я мог заплывать дальше и дольше держался на воде. И в играх я был ловчее его. А начинали бороться, я оказывался внизу, о драках уж и не говорю.

Так в чем тут дело, ломал я голову, почему такая несправедливость?

Однажды в руки мне попала книжка Миллера «Моя система» с многообещающим подзаголовком: «Как стать сильным». Бросив все дела, я принялся за чтение. Предисловие меня окрылило, в нем автор рассказывал, как он, благодаря выработанной им системе физических упражнений, превратился из болезненного слабосильного существа в атлета, не знавшего поражений на борцовских коврах Европы.

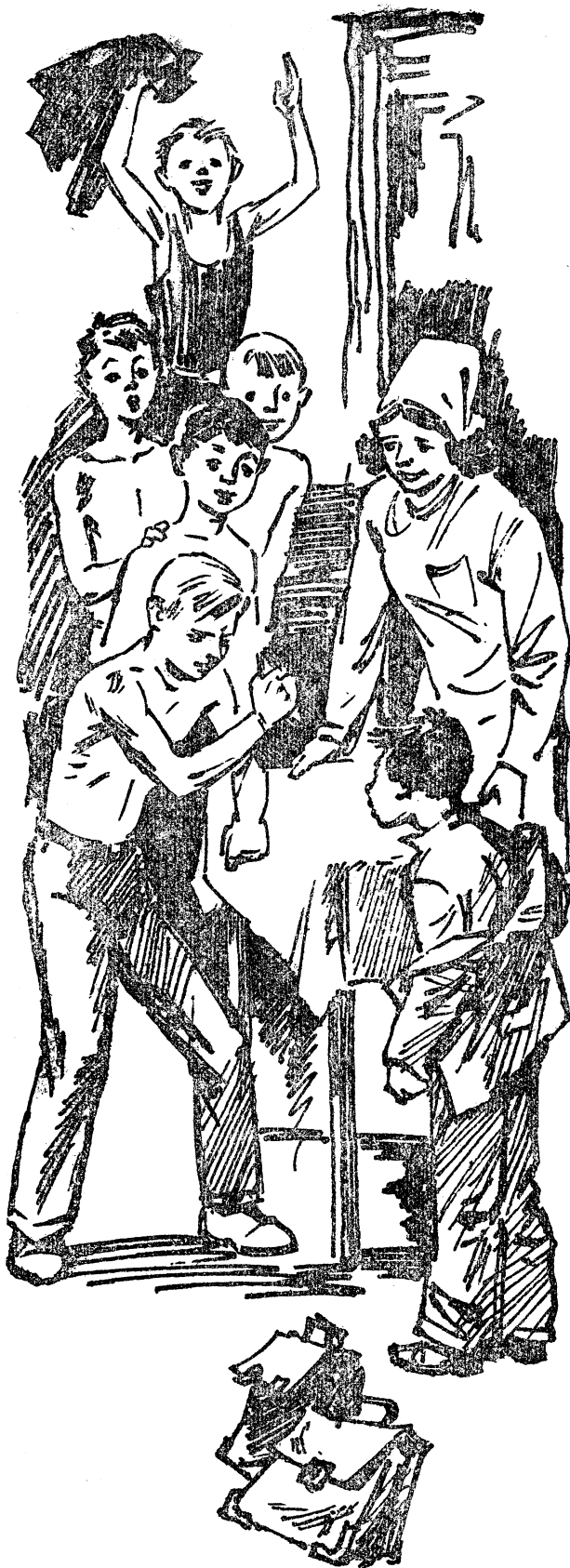
И самое главное, Миллер гарантировал успех всякому, кто будет прилежно заниматься по его методу в течение ста сорока дней. Значит, если я начну упражнять свои мышцы с завтрашнего дня, то... Сняв со стены отрывной календарь, я отсчитал нужное количество листочков и остановился на семнадцатом июня.

Ну что ж, это меня вполне устраивало: как раз начнутся летние каникулы, вся наша дворовая братва будет в сборе, вот тогда-то мой триумф над Ушастым приобретет особую значимость.

Домашние задания я в тот день, разумеется, не выполнил: как засел после обеда за Миллера, так, пока не прочитал до конца, и не встал из-за стола. Бабушка была очень удивлена, видя мою необыкновенную усидчивость. Заходил Илья Минаков, звал кататься на лыжах. Но я отказался, что еще более удивило старушку.

— Да то ли ты учишь-то? — насторожилась она. — Ну-тко, дай посмотрию.

Прочитав фамилию автора, бабушка успокоилась: не Дюма, не Жюль Верн, не Вальтер Скотт — значит, книга деловая. Правда, ее несколько смутила изображенная на титульном ли-

сте античная скульптура обнаженного метателя диска. Бабушка сказала «срамота», но оставила меня в покое.

Ни один из приключенческих романов не читал я с таким упоением, как книгу Миллера. На каждой странице ждали меня удивительные открытия. О пользе физкультуры и спорта я, конечно, слышал сотни раз, но чтобы вот так убедительно, так обнадеживающе, как Миллер, никто со мной не говорил.

На следующее утро я еще больше удивил бабушку, вскочив с кровати после первой пробудки. Такого на ее памяти со мной еще не бывало. И отец изумился, увидев, как я самозабвенно, с полной отдачей сил, выполняю какие-то совершенно бессмысленные упражнения.

— Это что за фокусы? — спросил он, дождавшись паузы.

Ни слова не говоря, я протянул ему книгу Миллера.

— Ах вот оно что! — улыбнулся отец. — И долго тебя хватит?

— На сто сорок дней! — твердо ответил я.

Так началась для меня новая, наполненная смыслом жизнь. К распорядку дня, рекомендованному Миллером, я привык быстро. Вставал в половине седьмого, открывал форточку и двадцать минут делал гимнастику, состоявшую сплошь из силовых упражнений, доводивших меня до изнеможения. Потом я умывался по пояс холодной водой, растирался полотенцем, завтракал овсяной кашей и шел в школу, чередуя широкий бег с пробежками.

Теперь постоянно в руке у меня был маленький мячик, который я усердно мял, развивал мышцы кистей. Голова моя тоже теперь не знала покоя. Давая нагрузку шейной мускулатуре, я старался как можно чаще вертеть башкой, наклонять ее вперед-назад, вправо-влево. Учителя вначале делали мне замечания, но потом привыкли к моим конвульсиям и даже жалели меня.

Возвращаясь из школы домой, я заходил в единственный на все Тушино шестиэтажный дом и поднимался по лестнице на верхнюю площадку, стараясь шагать через две ступеньки. Вниз сбегал на цыпочках, вприпрыжку. Все это делалось, разумеется, в целях развития четырехглавой и икроножной мышц.

На обед мне бабушка подавала кусок полусырого мяса. Съедая его, я получал двойную пользу: обеспечивал первоклассным «строительным материалом» мышцы и попутно тренировал мускулатуру челюстей.

В конце апреля произошло событие, которое стало поворотным в истории моего соперничества с Витькой Пуховым. В школе проходил обычный весенний медосмотр: нас прослушивали, простукивали, обмеривали, взвешивали. Раньше этим и заканчивалась процедура. Но на сей раз было продолжение. Медсестра давала нам металличе-

ский эллипсоидный обод со шкалой и стрелкой внутри — динамометр. Нужно было что есть мочи сжать упругую пружину одной рукой, и стрелка покажет величину твоей мышечной силы.

У всех моих одноклассников стрелка проходила едва треть сектора и останавливалась напротив цифры «30». А у меня рванула аж за половину. Медсестра сначала не поверила показаниям силомера, велела еще раз сжать обод, убедившись, что с моей стороны нет никакого жульничества, сказала торжественно:

— Вот это я понимаю! Не каждый взрослый мужчина может выжать шестьдесят.

И она красным карандашом подчеркнула мою фамилию в списке.

На следующий день вся школа знала о моем рекорде. Пацаны из младших классов во время переменок приходили снизу на наш этаж и показывали меня друг другу. Старшие, как я заметил, тоже проявляли определенный интерес к новоявленному Гераклу. Узнал о моем достижении и Витька Ушастый.

Я летел с занятий, а он плелся на уроки. Бывало демонстративно проходит мимо, будто не замечает, да еще норовит локтем зацепить. А теперь смотрю, прижимается к правой стороне, улыбается и даже пытается заговорить:

— Географичка не заболела?

— Нет,— отвечаю коротко.

— Жалко... Я контурную карту не начертил — кол влечит.

В другой раз протягивает кулек с тянучками.

— Я,— говорит,— рубль в подъезде нашел, угощайся.

Однажды вечером приходит к нам прямо домой, чего раньше никогда не бывало. Бабушка зовет в комнату, но он машет мне рукой, чтобы я вышел в коридор.

— Чего? — спрашиваю.

Сует он мне в руки сборник задач и упражнений по алгебре и просит помочь ему пример решить на приведение подобных. Мне, конечно, это лестно, с одной стороны, а с другой — вроде бы и нежелательно выручать человека, которого я в скором времени собираюсь отлупить. Ну да ладно, одно другому в сущности не помешает. Показываю я Витьке решение, а он мне и говорит, что в будущем воскресенье детей работников канала Москва — Волга будут катать по Химкинскому водохранилищу на новом теплоходе «Иосиф Сталин», так что если захочу, у Витьки есть лишний пригласительный билет.

Конечно, захочу. Этот трехпалубный белоснежный красавец только-только появился в Северном порту столицы. О нем писала «Вечерняя Москва». Мы ходили смотреть на него издали, с тушинского берега. Своими размерами он превосходил все те пассажирские суда, которые обычно

курсировали по каналу мимо нашего Тушина. Кто же откажется поплавать на таком замечательном теплоходе?

У меня сердце колотится от радости. И тем не менее соглашаюсь я не сразу. Долго раздумываю. Витька терпеливо ждет.

— Ну ладно,— говорю, стараясь придать голосу оттенок равнодушия.

— Тогда пошли ко мне,— предлагает Пухов,— билет у меня дома.

Нет, я не иду за Витькой, я говорю ему, чтобы он принес билет завтра в школу. И он приносит, находит меня в пионерской комнате, где я с Сережей Потаповым занят выпуском стенгазеты, и кладет билет передо мной. Я сдержанно благодарю Пухова и продолжаю заниматься своим делом. Витька, покрутившись возле стола, исчезает.

В воскресенье рано утром Пухов заходит за мной, мы идем пешком в Покровское-Стрепнево, садимся на один трамвай, доезжаем до Коптева, пересеживаемся на другой и едем на Химкинский речной вокзал. Разговор не вяжется. Всю дорогу меня мучает мысль: а как же быть с возмездием? Я чувствую, что во мне произошла какая-то метаморфоза: нет прежней злости на Ушастого. И вовсе не потому, что он «подкупил» меня билетом. Нахального, самонадеянного Ушастого я бы отлупил, а такого, каким я сейчас его узнал...

Нет, рука не поднимается съездить такому по сопатке: никакого удовольствия.

...Поединок так и не состоялся.

Честно говоря, я не пожалел об этом, хотя в душе все-таки досадовал, что не удалось продемонстрировать перед ребятами всего того, что дали мне сто тридцать два дня занятий по системе Миллера. Восемью дней до ста сорока я не стал дотягивать. Какое это теперь имело значение?

● В 1923 году над Северным Донцом, где утопают в зелени меловые горы, стояли палатки первого на Украине пионерского лагеря. Отдыхали в нем сорок ребятишек из города Бахмута (ныне Артемовск). Следопыты Артемовского Дома пионеров разыскали место, где он размещался, обнаружили старую фотографию первого пионерлагеря.

● Отряд краеведов Сосьвинской средней школы на Урале два года занимается сбором материалов для вновь открывшегося школьного краеведческого музея. Богатая уральская старина не скупится на находки: то медный самовар отыщется, то прясло или чугунная заслонка, лапти, старая икона... Одним из экспонатов музея стала санитарная сумка с лекарствами времен гражданской войны, обнаруженная в забытом подземном ходе, который идет из-под здания школы к берегу реки Сосьвы. Старожилы рассказывают, что в гражданскую здесь прятались партизаны.

● Школьный музей боевой славы авиаторов-балтийцев создан в 259-й школе Ленинграда. Особое внимание посетителей привлекает модель дальнего бомбардировщика «Ил-4», на этих самолетах в 1941 году советские морские летчики нанесли первый удар по Берлину.

● Немало экспонатов собрали учащиеся средней школы города Реутова для своего музея газеты «Правда». С редакцией следопытов связывает давняя дружба. Они побывали во многих семьях погибших журналистов и собрали документы, снимки, фронтовые письма.

● В школе № 72 Краснодара — один из лучших в стране музеев космонавтики. История ракетостроения, международное сотрудничество в изучении космоса, космическая медицина — эти и другие экспозиции представлены в музее.

● Сто восемь кирпичей собрали юные краеведы клуба «Алый парус» Ленинского района Свердловска. Необычная коллекция рассказывает об истории строительства города, о создании строительных материалов. Следопыты, обошедшие множество старинных построек, нашли кирпичи с клеймами Густомесова — первые кирпичи, изготовленные 260 лет назад, в год основания Свердловска, огнеупорные кирпичи братьев Пименовых, продукцию с меткой заводов отца и сына Кожуринных, Ермилова. Есть и современные образцы.

● В Курском партийном архиве, в «орловских» документах [Орел до 1937 года входил в Курскую область] обнаружено письмо А. П. Гайдара от 1935 года, которое исследователи творчества писателя безуспешно искали десятилетия. Оно было написано в ответ на приглашение орловских библиотек приехать на общегородскую читательскую конференцию. Гайдар сам подтверждал отправку: «Я послал вам длинное письмо...» В письме юным читателям библиотек, которое затерялось где-то по дороге в 1935 году, Аркадий Петрович писал о своих ближайших планах, просил внимательно прочитать только что вышедшую «Голубую чашку» и советовал лучше, глубже изучать родной русский язык.

● Часть экспозиции музея Васькинской средней школы в Подмосковье посвящена коммуне «Солидарность», сыгравшей важную роль в пропаганде коллективного хозяйства. Организатором ее был соратник В. И. Ленина швейцарец Фриц Платтен. Швейцарские коммунары жили в мае 1927 года в селе Васькино, в бывшем графском имении. Сейчас там Дом отдыха.

● Как был найден памятник

Упоминание об одном из первых памятников Владимиру Ильичу Ленину школьники из станицы Брюховецкой Краснодарского края нашли в книге Н. Черникова «Наша красная звезда». В ней говорилось, что «воздвигнут был памятник на территории детской трудовой колонии возле станицы Брюховецкой на Кубани», и даже была дана фотография памятника: пирамидальный монумент с нишами, в одной из которых установлен портрет вождя, припорошен снегом, рядом — покрытое же снегом непонятное сооружение...

Следопыты обратились в Краснодарский краевой государственный архив. И оттуда прислали такие сведения. 2 апреля 1924 года в газете «Советский станичник» была опубликована заметка без подписи, где автор конкретно называл местонахождение памятника: бывший Лебязинский монастырь, в котором в начале двадцатых годов размещалась сельскохозяйственная коммуна «Набат».

Да, была такая коммуна на Кубани. При нападении белой банды все коммунары погибли. Банду разгромил отряд ЧОНа. На месте коммуны возникла детская трудовая колония. Когда умер Ленин, колонисты воздвигли памятник любимому вождю... После колония была преобразована в сельскохозяйственную школу имени В. И. Ленина.

Адрес, указанный неизвестным корреспондентом в 1924 году, оказался точен: в поселке Лебязжий остров есть памятник. Следопыты из станицы Брюховецкой следили его со старым фотоснимком — с той точки, с которой памятник был снят, он копия изображения на фотографии, а непонятное сооружение оказалось водонапорной башней, сохранившейся и до сегодняшнего дня.

Мало того, ребятам удалось установить имя фотографа и даже найти одного из бывших колонистов, Ивана Ивановича Уколова, который участвовал в постройке памятника.

● Клуб в самолете

Самолеты тоже уходят на пенсию. Пришло время расстаться с небом и лайнеру «ТУ-104Б» с бортовым номером 42474. Два года назад он совершил свой последний авиарейс и теперь встал на вечную стоянку в центре парка имени В. П. Чкалова в Днепропетровске.

Но... каждый день сюда приходит новый «экипаж» — члены следопытского клуба «Поиск» и одетые в форму стюардесс девочки-гиды. В первом салоне ребят, юных жителей города, знакомая с устройством самолета, рассказывают его рабочую «биографию», демонстрируют кинофильмы об авиаторах.

Во втором салоне размещен авиамузей. Здесь можно познакомиться с историей авиации, посмотреть фотографии, проспекты, модели летающих машин, значки, марки, рассказывающие о том, как начиналось отечественное самолетостроение, и о его сегодняшнем дне.

ВЫБИРАЙ ДЛЯ ПОИСКА

Многие из экскурсантов, нынешних «пассажиров» бывшего воздушного лайнера, становятся членами поискового клуба, который работает на борту самолета: они включаются в розыск ветеранов-летчиков, ищут новые экспонаты, чтобы пополнить необычный музей.

● Следопытский фильм

В управлении речного флота ребята частые гости. Нередко они приходят сюда с фотоаппаратами, кинокамерами. Капитаны, матросы, докеры, механики знают: это следопыты клуба «Бригантина» из поселка речников.

Два года собирали ребята материалы по истории развития речного пароходства на Амуре: рылись в архивах, сидели по библиотекам, разыскивали снимки первых судов, во время летних каникул отправлялись в дальние рейсы. И вот итог: снят фильм «Голубые дороги».

Детям и внукам дальневосточных речников очень помог бывший рулевой парохода «Колумб» П. Слесарев. Как известно, «Колумб» весной 1932 года высадил в Комсомольске-на-Амуре первый десант комсомольцев-строителей. Ветеран стал не только консультантом фильма, но и одним из его героев.

● Нашли могилу брата

Имя краеведа Герберта Кнетса широко известно в Латвийской республике. Не один трудный поиск завершен его следопытами — воспитанниками Пилтенской средней школы. В числе многих имен советских солдат, чье место захоронения не было известно и обнаружено спустя годы следопытами-школьниками, — имя эвенка Лазаря Увачана. Как выяснили ребята, он погиб в феврале 1945 года на территории Вентспиллского района и похоронен на братском кладбище в поселке Попес.

О могиле война следопыты сообщили его брату, Василию Увачану, доктору исторических наук, профессору, советнику Совета Министров РСФСР. Братья родились в охотничьем чуме, в эвенкийской тайге. Оба еще до войны успели окончить Ленинградский институт народов Севера.

Война прервала жизнь заместителя командира разведгруппы Лазаря Увачана. За себя и за брата, отдавшего жизнь за Родину, «доучивался» Василий Увачан: окончил Академию общественных наук, стал специалистом по истории северных и восточных народов, автором многих работ по национальной политике.

Ребята-следопыты не только показали Василию Увачану могилу брата, но и рассказали ему о последних неделях жизни Лазаря, которые удалось восстановить с помощью оставшихся в живых однополчан.

● На праздник, к ветеранам

Давняя и крепкая дружба связывает латышских ветеранов революции с учащимися трех школ: средней школы города Апе, Югльской санаторно-лесной школы и рижской школы № 3.

Их-то и пригласили к себе бывшие участники революции и гражданской войны на праздник елки, который по традиции состоялся в Музее красных латышских стрелков.

Гости-следопыты подготовили концерт. А еще ребята привезли с собой целый сундук — настоящий сундук! — в котором были припасены подарки для ветеранов. Новогодние сюрпризы приносят радость в любом возрасте...

● Имени геолога

Далеко Магадан от Дагестана, где родина геолога кавалера двух орденов Трудового Красного Знамени Азиза Хаджиевича Алискерова. В последние годы жизни он руководил всей здешней геологической службой: площадь, на которой шел поиск полезных ископаемых, занимала три миллиона квадратных километров — в шестьдесят раз больше территории его родной республики.

Азиз Алискеров родился в семье буровика-нефтяника, и первые его шаги в геологии после окончания института были связаны с разведкой нефти. А потом — Крайний север: сопки, пурга, коварная наледь на реках и жестокая, яростная, как бой, работа разведчика земных недр. Известно, что профессия геолога одна из самых труднейших, тем более если эта работа связана с севером.

Всего сорок два года прожил Азиз Хаджиевич Алискеров, лучшие из них без остатка отданы любимой профессии и геологической службе северо-востока страны, которая была поставлена его руками и опытом, его умом и профессиональной интуицией.

Рабочий поселок Алискерово... Школьный музей Алискерова... Северяне помнят своего знаменитого геолога.

ХЛЕБОМ ЕДИНЫ

**Борис
ЕФРЕМОВ**

*Рисунок
Е. Пинаева*

Поначалу все шло как нельзя лучше... Бывают у механизаторов минуты, когда машины словно вбирают в себя стремление и мысли человека, делаются предельно послушными.

Вот такое-то время и наступило для Владимира Федорова. Комбайн понимал любую его задумку: захочет Федоров пустить агрегат на самой малой скорости — он так и идет, ни больше, ни меньше; захочет предельно быстро развернуться на краю поля — комбайн почти на месте круг сделает.

Вечером, закончив пересменку, механизаторы лежали около костра, ждали, когда учетчица отделения Октябрина Федоровна Писарева объявит о результатах. Он даже задремавшим прикинулся: знал, что разговор о нем обязательно пойдет. И точно. Раскрыла блокнот Октябрина Федоровна, хитровато прищурилась:

— Я вам, мужики, так скажу. Кто шибко работает, тому пустые разговоры на ум не идут. Видите, Федоров-младший спит давно, а между тем у него самый высокий показатель.

Все оглянулись на Владимира, который разместился на телогрейке, положив под голову руки. Можно было подумать, что спит человек, если бы не одна деталь: почти не дышал Владимир, прислушиваясь к словам учетчицы.

— На десять центнеров у него больше, чем у Константина Федорова. Эй, Володь, слышишь?

Сосед Владимира усердно потряс его за плечо:

— Вставай-ка, самое интересное проспичь.

А тем временем механизаторы брали на прицел уже самого чемпиона жатвы:

— Ну, Костя, и выучил ты себе на беду брательника! Он и сегодня пятки тебе отдал прилично, а что завтра будет?

...В прошлую осень Федоровы, младший и старший, работали на одном агрегате. Так получилось, что приехал Владимир на практику, а свободных комбайнов в совхозе «Каменский» не оказалось, просили повременить недельки две. Но тем же вечером в гости к младшему брату пришел Константин. Подождал, когда мать накроет на стол, придвинул тарелку с густыми щами, взял ломоть домашнего хлеба, улыбнулся:

— Ну, мать, и хлеб у тебя! Обьедеенье.

Мать, довольная тем, что выпала та редкая минута, когда братья вместе сидят за родительским столом, покачала головой:

— А как же, сынок? Чтобы в хлеборобской семье да хлебов не испечь? Это нынче модным почему-то стало все из магазина приносить. А я уж по старинке... Свой-то хлебушек ничем не заменишь.

По сосредоточенному виду Константина мать поняла, что пришел он по делу, что ее присутствие мешает началу разговора, и словно спохватилась:

— Что-то я, старая, совсем забыла сметанки вам предложить. Пойду принесу из погребушки...

И действительно, когда мать вошла в горницу с банкой сметаны, Федоровы уже рассуждали о деле.

— А может, комбайн и через месяц не придет, — говорил Константин. — В «Сельхозтехнике» не очень-то с ремонтом разгонятся.

— Возможен такой вариант, — младший заметно тяготел к книжным оборотам.

— Ну, а раз возможен, значит, нечего и ждать, — Константин принялся за еду, поглядывая на брата: поймет его намек или не поймет. Младший намека не понял, а может, не захотел понять:

— Мне, братишка, надо практику проходить. При том желательнее на «отлично».

— А я что говорю? — продолжил Федоров-старший. — У меня до сих пор помощника нет. Давай ко мне подручным.

Владимир даже ложку в сторону отложил.

— Ты, значит, командуй, а я — выполняй... Нет уж, спасибо. Я лучше подожду.

— Как знаешь, — насупился Константин.

Ужин продолжался в молчании.

Мать, скрестив руки на груди, с затаенной печалью подумала: «Вот так всегда. И чего мир не берет?»

И как-то само собой стали припоминаться ей уже забытые случаи.

Садил как-то Федоровы картошку в огороде. Константину досталась лопата, Владимиру — ведро с «резанкой». Старший, стало быть, лунки копает, а младший следом за ним картофельные половинки разбрасывает. Поработали немного. И вот младший заупрямился. «Давайте, — говорит, — я буду копать, а Костя пускай с ведром походит». Копать лунки, понятно, труднее — дело старшего, но Владимир как взял в руки лопату, так и не уступил ее, пока весь огород картошкой не засадили.

Или еще такое было. Перегораживали забор. Константин орудовал молотком, прибывал к жердинам ровно выпиленные доски. Подгонит одну к другой, чтобы щели не было, — гвоздь в дерево вобьет. Затем Фе-

доров-младший выпросил молоток. Сноровки ему не хватало — забор зубчатым стал получаться. Константин вернул себе прежнюю «привилегию», после чего младший со старшим даже садиться за один стол не хотел.

«Эх, мальчишки, мальчишки! — вздохнула мать. — Прямо петухи. Все-то вам в первых ходить надо. Никак не меньше...»

Когда началась жатва, Владимир не выдержал, согласился на «меньшее». Сам сходил к Константину.

Разумеется, обязанности между братьями разделились по старшинству. Константин возглавил комсомольско-молодежный агрегат, Владимир стал его помощником. И хотя уборкой хлебов занимались на равных — спали по три, четыре часа в сутки, за штурвалом сидели одинаковое время, — слава все же, как и предполагал Владимир, перепала старшему.

Однажды в разгар страды Федоров-старший приехал на пересменку в меховой куртке и теплом свитере.

— Ты чего? — удивился Владимир. — Зиму, что ли, ворожишь?

— Простыл где-то. Морозит.

Вид у него действительно был больной: спал с лица, потемнел как-то. Владимир руками на него замахал:

— Ну ты даешь! Еле стоишь, а туда же — на комбайнерский мостик. Давай-ка поезжай с нашей смелой да в баньку к матери сходи. Понял?

Константин хотел отшутиться, мол, перемелется — мука будет, но младший уступки не дал:

— И слушать ничего не хочу. А я тут за тебя. Да и надо же мне попрактиковаться вволю! А то и практику не зачтут. Скажут: все, мол, брательник за тебя сделал.

До ночной росы не выпускал Владимир из рук штурвала. Устал дьявольски. Не запомнил, как до кровати добрался. Тем «приятнее» было прочитать возле гаража «молнию»: «Поздравляем победителя жатвы Константина Федорова, звеньевого комсомольско-молодежного звена, с 6-тысячным намолотом! Это лучший показатель не только в совхозе, но и в Каменском районе. Равняйтесь на чемпиона!» О Владимире — ни словечка.

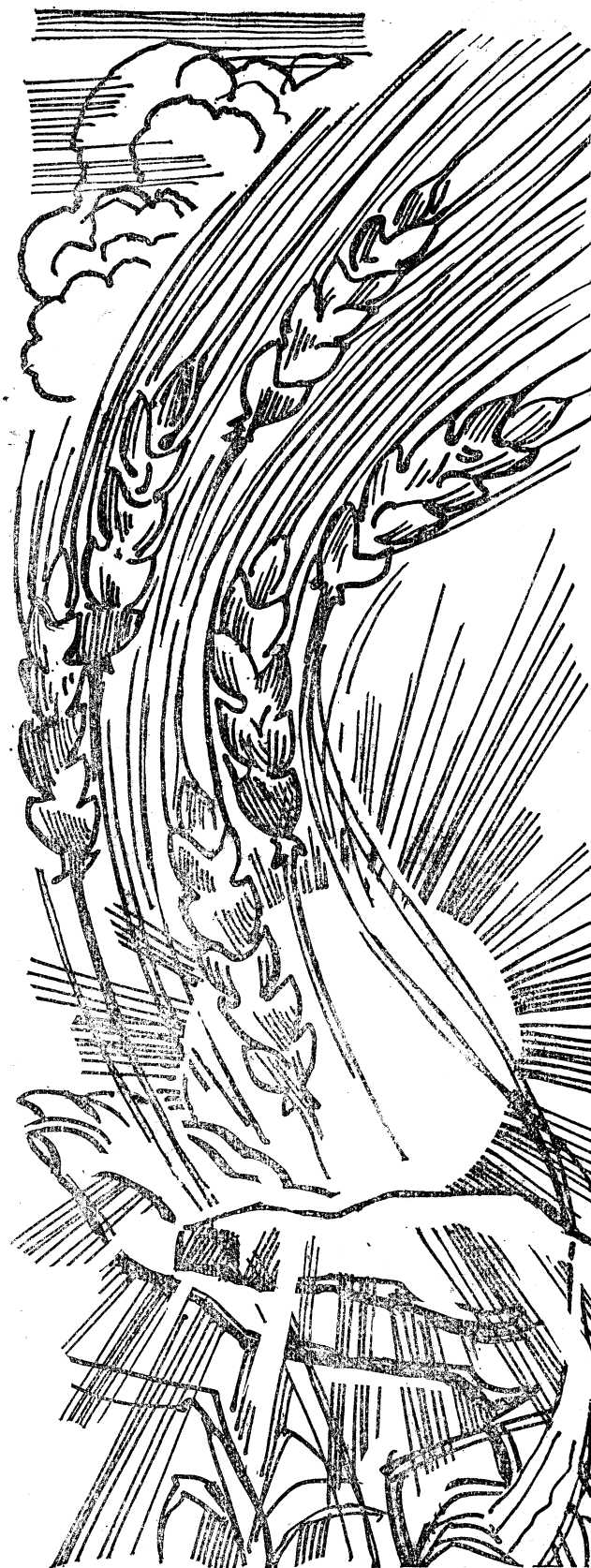
И когда в совхозе появился «Сибиряк», тот самый, который с запозданием отремонтировала «Сельхозтехника», старенький, многосезонный, Владимир взял машину с великим удовольствием.

В следующую практику Владимир Федоров ремонтировал комбайн в одно время с братом. Нет-нет да подходил к нему Константин, подбирал нужные ключи, рядом с братом пристраивался. Однажды не выдержал:

— Напрасно ты с этой колымагой связался. Работал бы со мной, горя не знал. Это не машина — это черт-те что!

Потом, полчаса спустя, за ту же мысль принимался:

— Разве плохо мы в прошлом году поработали? Восемь тысяч центнеров намолотили. Отличную ха-

рактеристику в вуз получил. А нынче, судя по лету, не меньше десяти тысяч взяли бы...

Владимир лишь прищуривал глаза.

И вот они убирали хлеба — каждый на своем комбайне. Как и в прошлую осень, несмотря на то, что штурвальным был новичок, студент Свердловского сельхозинститута Володя Майстречок, Константин к жатве приступил уверенно, по-федоровски. Пока обменивались механизаторы утренними новостями, выкуривали традиционные сигареты и папиросы, он шел к комбайну, осматривал его: подкручивал гайки, смазывал детали и, когда осмотром начинали заниматься другие, забирался в кабину, запускал двигатель.

— Эй, Костя! — кричали ему. — Наш-то хлеб оставь! Только свой убирай, понял?

В первые дни лидерство Федорова-старшего не таким уж и заметным было, но сэкономленные минуты дали о себе знать. И еще одно сказалось. Работали комбайнеры по настроению — когда по 40 тонн зерна, когда по 20 намолотят за смену, а у Константина выработка, как по счетчику, всегда одинаковая. Вышел, значит, вперед Федоров-старший, на тысячу центнеров обогнал остальных механизаторов уборочного отряда.

— Как колымага твоя? — спрашивал после смены у брата, когда тряслись в грузовике по проселку.

— Привет тебе передает, — отвечал Владимир, двигая желваками. — Да еще интересуется, надолго ли запала у тебя осталось. — Так и подначивали друг друга.

А Владимир тем временем присматривался к работе брата, кое в чем копировать начал, и вот время наступило — машина как бы им самим стала. Вот когда пошло дело! В некоторые дни Владимиру удавалось вывести в поле комбайн пораньше Константина, намолотить побольше. Приезжала к концу смены учетчица Октябрина Федоровна Писарева, официально закрепляла победу Федорова-младшего, и тот уже орлом поглядывал на брата, начинал издали:

— Что-то перед обедом движок мой зачихал...

Брат откликнулся:

— Ну вот! За форсункой надо получше смотреть. Я же говорил тебе...

Владимир сгонял с лица озабоченность, и хитрые искорки проступали в его глазах:

— Да не-е... Прочихался движок-то, значит, и говорит: пороху, дескать, давай старшому отсыпем малость.

Все шло как нельзя лучше. И вдруг «Сибиряк» сдал, остановился. «Хорошо, что брат на другом конце поля, — подумал Федоров-младший. — А то засмеял бы». Но не успел он под машину забраться, как услышал голос Константина.

— Ты давай заводи комбайн, я послушаю.

«Ишь ты, слушатель», — подумал про себя Владимир, но в кабину забрался, стал запускать двигатель. Комбайн самым настоящим образом чихал — и только. Константин, взобравшись на мостик, остановил брата:

— Кажется, двигатель разбирать надо. В поле с этим не справиться. Стационар нужен.

Больно задела младшего эти слова. Он смерил

брата недоверчивым взглядом: тоже, мол, специалист!

Владимир еще часа два возился с машиной — то капот с двигателя снимал, то под колеса залазил. Ничего не помогало. Приуныл Владимир. Но не на столько, чтобы сидеть сложа руки. Как только поставили комбайн на «яму», полдня возился возле «Сибиряка» с мастером-наладчиком. В конце концов бросил в сердцах гаечный ключ, сплюнул, присел на растеленный брезент... Никак не ожидал, что в эту самую минуту появится в боксе Константин.

— Ну что? Двигатель?

— Двигатель.

Знал Константин, что всему виной одно из поршневых колец, но сделал вид, что ничего не знает об этом.

— Двигатель-то, он, брат, большой... Я вот в поле послушал, а так толком и не понял, что барахлит.

— Ишь ты! С ходу захотел определить. Я полдня потерял и то кое-как догадался... С поршнями что-то.

— Ты смотри! — удивился Федоров-старший и замолк, чтобы не переиграть.

— Так я ж, Костюха, по материальной части на пятерку экзамен сдал!

— Ага. Молодец. То-то я замечаю, трудновато с тобой тягаться стало. Изю всех сил стараюсь, а не получается...

Слова эти пришлись Владимиру по душе, он заулыбался, затянулся дымом больше обычного и раскашлялся до слез. Константин посчитал, что заводить разговор в самое время.

— Я, знаешь, что подумал? Студент мой завтра уезжает. Так ты валяй ко мне!..

Владимир изменился в лице, загасил папиросу.

— Опять помощником?

— Ну да.

Владимир энергично отмахнулся: пустой, мол, разговор.

Федоров-младший и следующий день потерял на ремонте. Ни на минуту не отходил от «Сибиряка», подрубившего все его планы под самый корень. Даже на обед не пошел — попросил начальника отряда Павла Александровича Парфенова, заглянувшего в мастерские, подбросить на обратном пути бутербродов. Правда, к вечеру понял, что жатва его к завершению подошла, с двигателем дело затянется до холодов.

Следующим утром засобирился Владимир в мастерские. Сначала внимания не обратил, что мать как-то по-особому присматривается к нему. Подливая сыну молока, Александра Петровна как бы между прочим заметила:

— Погода чтой-то портится... А неубранных хлебов в совхозе много. Как бы под снег не ушли...

— Не уйдут, мать. Народу у нас хватает. Все, как один.

Мать грустно посмотрела на сына, присела к краю стола.

— Ты бы, сынок, Котыку-то послушал бы. Что вам думать друг на друга? Убирали бы хлебушко вместе...

— Ладно, мать, — ответил Владимир. — Что, брат

без меня, что ли, не справится? А если без помощника окажется — желающих много.

— Много-то много, — согласилась мать. — Желающих всегда много бывает. А вот умеющих-то...

Александра Петровна замолчала, наморщила лоб, припоминая о чем-то, улыбнулась легонько:

— Ты вот кушай, а я тебе былицу одну расскажу. Вы с Котькой еще маленькие были, когда одна осень выдалась мокрющая, страсть. Только, значица, хлебо убирать пора настала — пошли дожди. И пошли, и пошли. Поля так размочило, что никакая техника пройти не может. И так-то ее не много было, а тут и эта не идет. Что делать?

Пришел к директору один наш старожил да и говорит: «Давай, мол, старую гвардию собирай. Серпами хлебушко скосим». Усомнился тогда директор, но все мы на другой день собрались у правления. Земля, как мед, вязкая, рожь осыпается, вязали ее в снопы. Поясницы, руки ныли. Но рук не жалко, когда хлеб спастись надо.

— И ты, что ли, была, мама? — спросил Владимир. Мать тихонько засмеялась.

— А что же, я хуже других? Выросла в крестьянском доме. И серп, и цепи знакомы.

— Так и что дальше? — спросил Владимир.

— А и все, сынок. Хлебушко убирали. Мест между собой не делили. А хлеб на нас в обиде не остался...

С плохим настроением шагал Федоров в мастерские. А тут еще, действительно, и погода испортилась. Заморосивший с утра дождь на глазах расходился, становился холоднее и гуще, неожиданно перемешался со снежными хлопьями, и уже трудно было определить, что делается на улице — местами белыми шапками снег лежал, местами парили свинцовые лужи.

Перед входом в мастерские Владимир столкнулся с наладчиком, собиравшим «летучку» в поле. Разговорились.

— Черт-те что делается! — ворчал тот. — Хлеб еще убирать да убирать, а тут снег повалил. Достанется сегодня ребятам, будь здоров.

— Федоров-то с помощником?

— Какое там! Студент вчера уехал...

Вдруг отлегло как-то с души у Владимира.

Он подумал, подумал и открыл дверцу грузовика, поудобнее устроился на сиденье:

— Давай заводи, в отряд поеду.

Владимир представил, как удивится брат, увидев его возле своего комбайна. Но когда «летучка» развернулась возле Костиного агрегата, почему-то в одиночестве стоявшего посреди поля, удивиться пришлось не старшему, а младшему. Вокруг Константина суетились какие-то люди: поправляли на нем кепку, поворачивали из стороны в сторону, просили улыбаться. В руках одного из них Владимир заметил фотоаппарат и тут догадался, что к чему. Корреспонденты. И судя по всему — из области.

Наконец Федорова-старшего сфотографировали, но к комбайну не отпустили, а, вытащив из карманов блокноты и авторучки, стали расспрашивать. Однако

и после этого в покое не оставили. Подошел невысокий, коренастый мужчина с небольшой книжкой в руках.

— Стихи читать любите? — спросил он.

— Жена литературу в школе преподает, — смутившись, ответил Федоров. — Так что приходится.

Мужчина заулыбался, протянул книжку:

— Тогда разрешите вручить... От кого — там, в книжке, написано.

Константин открыл книгу: с фотографии смотрел на него тот же самый, стоявший перед ним, мужчина, и Федоров-старший, еще больше смутившись, не знал, куда положить сборник, чтобы не запачкать. Впервые лицом к лицу довелось видеть поэта.

Владимир стоял в стороне и не было в душе его зависти. Он подосадовал на фоторепортеров, что не вовремя они, снег всюю разошелся, взялся за поручни и стал подниматься на мостик комбайна. По мере того как он поднимался, все больше и больше пространства занимала пшеница. Хлебное поле расширялось, смыкаясь вдаль с ненастным горизонтом. И щемящее беспокойство овладело Владимиром...

*Совхоз «Каменский»,
Свердловская область*

ВСЕМУ ГОЛОВА

Юрий
КУРОЧКИН

Время в философском смысле — форма существования материи. И потому, как утверждают философы, время вечно, как вечно сама материя.

Время в бытовом смысле — измерение долей вечности, моментов, слагающих ее и переводящих настоящее в прошлое.

Вечно время, но не вечны способы и приборы, измеряющие его, даже самые современные, самые совершенные и хитроумные. А неточный отсчет времени — это не просто опоздание на свидание или на сеанс в кино, это иногда причина катастроф и тяжелых, необратимых потерь, это хаос в налаженной системе жизни общества. Трудно представить себе, что произошло бы, если бы в один прекрасный момент все часы мира вдруг остановились бы... Даже фантасты не решались затрагивать такую тему.

И потому приборы времени всегда необходимо было контролировать и исправлять — чинить, попросту говоря. Сами они, конечно, не исправлялись, чинили их люди, мастера своего дела, — целители времени. И поскольку счетчики времени существовали с незапамятных времен, то можно сказать, что профессия часовщика одна из самых древних на земле. И, быть может, одна из самых вечных.

Часовщики были и тогда, когда человечество пользовалось только солнечными часами, до которых люди додумались еще пять тысяч лет назад, а может, и ранее. Они рассчитывали и конструировали клепсидры — водяные часы — и, естественно, чинили их в столь же далекой древности, разве что на тысячелетие позднее солнечных. Без часовщиков не обходились и после, в век часов механических — колесно-гиревых и пружинных, — знакомых, во все более совершенном виде, и поныне.

Тем больше числом и выше мастерством потребовалось целителей времени для ухода за детищами XX века — электрическими, кварцевыми, электронными, атомными и прочими...

Каков был облик древнего мастера, скажем, специалиста по солнечным часам во времена Александра Македонского, какой была его мастерская теперь представить трудно, а вот облик мастера пружинных часов — карманных или наручных, появившихся, кстати сказать, в XVI столетии, дошел почти неизменным до наших дней: склонившийся над столиком немолодой обычно человек с лупой-трубочкой в орбите глаза. В руках его пинцет или миниатюрная отверточка, перед ним в коробочках и блюдечках россыпь крохотных деталей, годных разве что для блошиной пядьковы. А вокруг стоят,

висят и лежат, тикая и такая громко и еле слышно, приборы времени, что мы называем общим словом часы: пузатые будильники и отчаянно жестикулирующие маятником ходики, вычурные композиции из бронзы и фарфора, нашейные брелоки и часы-кольцо, секундомеры и морские хронометры, разнообразные наручные и карманные, разных эпох и стилей, разного назначения.

Возьмет мастер ваши часы, привычно вскроет крышку и, снова вооружившись третьим глазом, начнет копаться в хитросплетениях колесиков и пружин, переставших двигаться и вращать стрелки, по расположению которых вы строите свой день, свою работу, свою жизнь.

Часов в мире выпускается все больше и больше. Теперь трудно, пожалуй даже невозможно, встретить человека, у которого на запястье левой руки не сверкнул бы циферблат обычных или сверхмодных, простых или сложных (с календарями, репетирами и еще с бог знает чем) часов. Если до войны этот прибор времени был признаком достатка, солидности или служебной необходимости, то теперь можно нередко встретить знакомый кружок циферблата и на рученьке первоклашки (до ясельников, правда, еще не дошло). Количество часов в обиходе людей гигантски возросло, а мастеров словно бы не прибавилось. Может показаться, что их стало даже, пожалуй, меньше.

Но их стало, конечно, не меньше, а больше. Просто время мастеров-одиночек прошло, чаще всего это только приемщики заказов, а сами мастера объединены в крупные мастерские и специализированные цеха, а то и специальные заводы. Работа их там вроде бы мало чем отличается от той, что они занимались в одиночку, — часы приходится чинить теми же самыми инструментами, теми же руками. Новая техника пока еще робко входит в эту область. Но все же входит: вот уже детали моют теперь с помощью ультразвука, а точность хода часов проверяют с помощью хитроумных электронных ППЧ — приборов проверки часов. Завтра, несомненно, придет еще что-то новое — лазерное, атомное, плазменное...

А пока профессия целителей времени живет, как и тысячелетия назад, и, видимо, будет жить вечно, как вечно время и его измерители.

И все же, каков он, часовой мастер нашего времени, как им становятся, что влечет к этой профессии тех, кто избрал ее своей судьбой?

Признаться, никак не ожидал, что первым из мастеров, с которым довелось познакомиться поближе, окажется человек со специальным военно-техническим обра-

зованием, много лет, до самой пенсии, прослуживший в авиации. Мог бы служить еще, в близкой области техники, но...

— С детства тянулся к мужскому рукоделию. И — что посложнее, то и казалось интереснее. Ну, знаете, как это бывает: все разобрать хочется, хитрость устройства понять или, наоборот, что-то испорченное вернуть к жизни, волшебником себя почувствовать. Вообще-то говоря, не только механизмы какие-то, но и хромой стол на ноги поставить, сапоги подшить, а то и кроить да шить себе что-то, например, штаны. Руки чешутся? Может быть... А все же это не аномалия какая-то, скорее — обостренная тяга к труду творческому, что ли, если не бояться громкого слова. Привычное, ввевшееся в кровь трудолюбие и неизменная любознательность: смогу ли, сумею ли? Таких людей много в самых разных сферах деятельности.

Юрий Федорович Хренков — подтянутый, как и полагается бывшему офицеру, молодежавый, никак не поверишь, что под шестьдесят — не просто мастер на все руки, здесь он высокий специалист часового дела, мастер ОТК на заводе «Рембыттехники». Это ему определять, все ли сделано правильно, нет ли скрытых дефектов, так что отвечает не только за себя, но и за весь цех.

Глядя на него, я прикидываю — типичный или нетипичный часовщик нашего времени этот бывший авиатор? И что, увлеченность механикой с детства — непременное условие будущего мастерства, преданности профессии? Неужели все мастера таковы? А если нет, то — кто типичный?

Оглядываю часовой цех — просторный, светлый, высокий, в таком грохотать мощным станкам, сновать конвейерам и электрокарам, а тут неестественная тишина и неподвижность, будто в сонном царстве из сказки Андерсена: молчаливо склонившиеся над рабочими местами неподвижные фигуры людей в белых халатах (только присмотревшись, заметишь шевеление локтя или поворот головы). Это, пожалуй, и понятно — работа требует сосредоточенности, лишние движения здесь противопоказаны, они просто неестественны в данных условиях.

Ну, так кто же из нескольких десятков сидящих тут мастеров типичный?

Вон тот, уже изрядно седой, степенный? Годы — это опыт, а опыт и мастерство — спутники...

Или вот эта девица с модной, в кренделях, прической? Кренделя мастерству не помеха, сколько их, красавиц, героев труда мы видим на обложках «Огонька»...

Может, тот дядя с профессорской бородакой, хоть и не стар еще? Солидность внешняя почти всегда залог основательности, а она для специалиста не последнее дело...

А возможно, и этот спортивного вида молодой человек с копной кудрявых и модно длинных волос, конечно же, в джинсах с блямбой на заднем кармашке. Блямба не обязательно признак легкомыслия, это всего лишь мода, а о моде еще Пушкин сказал: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей...»

А если начать с краю, не выбирая? Знакомимся...

— Савельев. Ян Амфилохиевич.

Не стар, но и не молод. Ничем внешне не примечателен, разве что пробивающаяся седина при юношески

стройной фигуре, поджарой, как у профессионального бегуна-стайера.

— Часы — увлечение? С детства?

— Да нет, какое там увлечение у парнишки из захудалой зауральской деревушки, где часов-то — раз-два и — обчелся... Детство в нелегкие предвоенные годы, жизнь, как говорится, без разносолов. Увлечение... И о слове-то таком, пожалуй, тогда не слышал. Купаньем вот увлекался.

И мы, прикинув в уме, согласно приходим к выводу, что редко (ой как редко!) у кого детские увлечения сохраняются не только до седых волос, но и до поры сознательного выбора пути в жизни. Конечно, всегда были и будут люди, для которых путь к профессии определен, иногда и неосознанно, с детства (гены, что ли...), но ведь таких единицы на сотню, а то и на тысячу. А как быть остальным? Равняться на детское увлечение — летчик, космонавт, полярник, артист, футболист, — не имея к тому никаких объективных показателей? Выбор профессии методами проб и ошибок слишком дорого обходится и государству и самому выбирающему. Так называемая профориентация часто оборачивается дезориентацией, ибо иногда ее понимают как рекламу профессии, расписывая ее прелести и умалчивая о жестких требованиях, которые она предъявляет к человеку.

Но напрашивается каверзный вопрос:

— А как же тогда живут с профессией, выбранной не по любви, не по увлечению?

И, опять поразмыслив, приходим к одному мнению: все зависит от человека, от его способности уважать человека, уважать дело, труд. Бывает, что любовь приводит от уважения к человеку, с которым свела судьба. Иногда такая любовь сильнее и крепче, чем «любовь с первого взгляда».

— А что же вас свело с профессией?

— Брат свел. Он работал на Уралмаше, перед самой войной привез меня к себе из деревни, взял за руку и привел к знакомому часовщику: возьми мальчика учеником. С тех пор вот я и лупоглазый — с лупой в глазу.

— Непростое, наверное, это дело — научиться исправлять такие хитрые механизмы? Сколько объяснений и поучений выслушать пришлось!..

— Да нет, Абрам Львович рассказывал мало, больше показывал. Сначала заставлял детали мыть, чтобы привыкнуть к ним, знать каждую не по названию только. Потом доверил будильники разбирать, а затем и собирать их. Следом пошел часы посложнее и посложнее. Года через полтора доверил мне мастер и самостоятельную работу. Но учить продолжал. И не только часовому делу, но и жизни, уважению к труду, к профессии. Часто повторял: «Учись работать хорошо, а плохо-то всегда успеешь». Навек запомнил это, теперь вот другим толмачу. Или еще вот такое: смотрю, взял он как-то у клиента в ремонт часы до того дряхлые, что впору выбросить. И сказал я ему об этом. А он так сердито посмотрел и говорит: стыдно выбрасывать то, что еще может послужить людям, в эту вещь труд людской вложен, а труд уважать надо всегда. Мне это особенно на душу легло — детство прошло без особых достатков, вещи дома служили долго, ко всему относились бережно, цену

всему знали — трудовую цену. Деньги что — они лишь плата за труд.

И мы опять сворачиваем на тему, от которой никуда не денешься, — труд. Всему хозяин, всему голова. В том числе и профессии. Ну, увлечен, скажем, кто-то автоделом, даже любит его, а на труд ленив — машина у него грязная, гайки не подтянуты. Ну, какой он шофер, он — потенциальный аварийщик и кандидат в калеки. Или еще хуже — бракодел, халтурщик. Любая профессия требует прежде всего уважения к ней и осознанной ответственности. Ответственности, которая не в тягость человеку, а потребность его.

— А не появлялось когда-нибудь желания сменить профессию? Ведь в любой другой можно найти интерес и честно трудиться.

— Наверное, можно. Но у меня желания не возникало. Теперь уж никакой другой специальности и не мыслю. Прикипел к ней.

— Так ведь однообразная работа, скучная, — пробую я занозить собеседника.

— Да вы что?! — удивляется Савельев. — Никак с вами не согласен. Да тут каждый день новая загадка. И решений у нее может быть несколько. Можно, например, просто заменить дефектную деталь, а можно выправить, восстановить так, что будет лучше новой, еще не протершейся в механизме. Нет, без головы тут нельзя, иначе давно бы мастеров заменили машинами. Может, когда-нибудь так и будет, но пока в нашем деле таких думающих машин еще нет.

Уважением к труду, к делу, за которое берешься, у Савельева, смотрю, пронизана вся его жизнь и вне мастерской. Взять спорт. Тридцать пять лет назад знакомые ребята уговорили как-то Яна выручить их: сегодня соревнования, а в их команде бегун на длинные дистанции заболел, без него всю команду снимут с соревнований. Побегай, говорят, хоть для виду, чтобы комплект в команде был. Пошел. Побегал. И не только для виду — хорошее время показал. Осенью его уже взяли в Харьков на междугородные соревнования — и там показал одно из первых мест. Так и пошло — спорт вошел в жизнь всерьез и надолго. В 1968 году, когда ему шел уже 44-й, стал мастером и двенадцать лет удерживал это звание. Не забывает дорогу на стадион и теперь, хотя уже вот-вот на пенсию.

Так и во всем: один из лучших производственников завода, коммунист, четверть века член завкома. А все — от уважения к труду, к делу, за которое берется, к обязанностям человека и гражданина.

Итак — два хороших (отличных!) мастера. Который из них типичнее в современных условиях? Трудно дать бесспорный ответ. А если взять еще человек пять на пробу, не выбирая?

Я оставил в цехе на крайнем столике пять бумажек с вопросами и попросил взять их, кто захочет, а завтра положить на то же место с готовыми ответами. И вот что получилось...

Для начала — коллективный портрет отвечающих:

Возраст — от 25 до 36 лет (но в цехе сидят и более молодые и более старые).

Стаж — от полутора лет до десяти.

Образование: у троих обыкновенное среднее, у одного ГПТУ (слесарь) и еще у одного... медицинское.

Прежняя специальность — есть слесарь, есть аппаратчик, есть даже врач, правда, зубной.

Картина пестрая. Но теперь послушаем, что их привлекло к этой профессии, когда они избирали ее: двое — «интересная работа», еще двое — «увлечение механикой», склонность, а один ответил откровенно — «заработок выше, чем на прежней работе». И ничего зазорного в этом нет, если все же не это главное в его жизни.

Это — то, что привлекло к профессии, а что увиделось потом? Что удерживает в этой работе?

Ответы любопытные — в них суть утверждения в избранном пути, в специальности.

Первый отвечает: «увлекся», второй — «интересное дело», третий — «творческая работа», четвертый — «вижу результат своих трудов», пятый — «необходимость людям». Несколько выпендренно, но сомнения в искренности здесь неуместны — человек работает уже восемь лет, а есть ведь, к счастью, немало таких наших сограждан, которым доставляет радость возможность делать приятное людям, быть им полезным.

Примечателен и ответ на другой вопрос: не думает ли переменить профессию, а если нет, то какие перспективы видит перед собой? Все пять ответов единодушны: совершенствоваться в своем деле.

Вот так. Значит, профессия стала частью судьбы.

Стоит рассказать и еще об одном заданном вопросе: каких качеств требует профессия часовщика и какие ей противопоставлены?

Требуется, считают, вроде бы разное: усидчивость, внимание, терпение, собранность, ответственность, аккуратность. А противопоставлены — лень, невнимательность, безответственность. Названо разное, а суть, по-моему, одна — требуется уважение к труду.

А может, это и есть главное во всякой профессии, даже в том случае, когда она избрана с детства, когда ее любишь и не мыслишь жизни без нее?

Но есть любовь слепая и любовь осознанная. И тут к месту будет привести слова, прозвучавшие на широком обсуждении проблем НТР на Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина. Бывший рабочий (кузнец) этого предприятия, ныне писатель В. Кугузов убежденно сказал: «Никакая НТР не создаст таких условий, чтобы каждый в каждую минуту делал то, что ему хочется. Да и не нужно, наверное, этого. Даже в самом прекрасном будущем труд останется трудом. А мы еще не всегда умеем говорить о труде как о необходимости... Мир вообще держится на необходимости, а не на прихоти».

А вот когда труд — и необходимость и «прихоть», это и есть счастье рабочего человека.

В ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ...

**Владимир
СОКОЛОВСКИЙ**

В селе Марково Березовского района Пермской области стоит памятник юному герою Ване Карасову, павшему от рук белогвардейцев 27 декабря 1918 года. Его имя носит дружина Березовской средней школы.

Поздней ночью, когда все уже спали, застучали возле дома копыта, заржала у ворот лошадь. И стихло.

«Ой, кто это тамока?!» — проснулась и растревожилась мамка Фекла. И ребята проснулись: зашумели, завозились. Она подняла двух старших — Гришку и Петьку. Мальчики накинули одежду и выбрались на улицу.

Лошадь беспокойно фыркала, задние ноги нестойко подрагивали — устала. Поверх крупа распластался бесформенный темный куль. «Тпру-ка, тпру-ка, Игренья», — успокаивали ее ребята, приближаясь. А куль оказался мужиком, намертво обхватившим руками лошадиную шею, вцепившимся в ее шкуру скрюченными, заостренными на морозе пальцами. Гришка зашел с одной, другой стороны, глянул в лицо: «Тягька, мам!» — «Охти мнешеньки! — заголосила Фекла. — Околел он, ли че ли? А сани-то где?» — «Вроде живой», — ответил мальчик, прикинув ухом к отцовскому рту.

Снять отца с лошади оказалось непросто, да он еще и сопротивлялся, лишь приходил в сознание. Наконец сняли, втащили в избу, где семилетняя Анька уже раздувала самовар. Игренью отвели в конюшню, кинули сена.

Долго оттирали руки, ноги, лицо, торгали отца, очумелого. Наконец он стал отходить потихоньку, осмысленно поглядывать вокруг, ругаться на нерасторопных ребят и бабу. Только сил еще не было, тело крапивно жгло недавним морозом. Лишь когда принялся пить чай, обливая крутым кипятком бороду, заговорил окончательно, но тогда уж было не до орудия на ребятшек: такое пережил прошлым днем Петро Карасов, что и сам ойкал, рассказывая, и ребята ойкали, а мамка Фекла тихонько подвывала из угла.

Десять дней назад по их деревне Марково прокатились красные, отгоняя на восток белогвардейские части, — и вслед за передовыми отрядами по селу заходили обозные и тыловые команды, мобилизуя мужиков с подводами. Кто шел с охотой, кто скрывался с лошадьми в лесах, на

заимках. Петро Карасов все думал да раздумывал, как ему поступить, и предумал свое время, по обыкновению. Пришли на двор два красноармейца: «Отец, запрягай подводу, поехали!» Что ж делать тут — поехал. Возили то солому, то снаряды, то раненых. Дело приказное.

А вчера и нынче утром был большой бой под Тулумбасами. Пошло в наступление большое войско. И трофеев, и пленных белые в том бою взяли немало: кроме подводчиков, мобилизованных мужиков (их было человек с тридцать), еще и с полтысячи красноармейцев — раненых, ошеломленных натиском. Их сначала сгрудили в одну общую кучу, а потом разделили на группы, человек по пятьдесят в каждой. И заходили между ними офицеры, пристально вглядываясь, выспрашивая, кто кем, по какой причине служил у красных. Кой-кого уводили после таких расспросов в штаб. Кой-кого отправляли сечь. Некоторые нацепляли тут же выданные погоны.

Высокий пожилой офицер подошел к обмершему от страха Петру Карасову, метнул угрюмый взгляд из-под лохматых бровей: «А ты кто такой?» Тот еще больше забоялся, хоть и видом меньше всего походил на служивого: зипун, драная шапка из котла, лапти, портки в заплатках... «Подводчик, подводчик я! Мобилизованный». «Ладно, ступай. Толку с тебя, я гляжу... Да в другой раз не попадай, а то...» И напоследок, вдогонку, так круто стеганул Петра нагайкой, что прожгло зипун, тело.

Да не до обид, какое там! Добраться бы скорее до лошади, вон их согнали там, у краешка села. Плюхнулся Карасов в сани, огляделся: нет, сразу не уйти, снова можно влипнуть, надо выждать момент. Притих, затянулся вонючей махрой.

Тут сортировка кончилась, и снова пленные и взовишиеся вокруг них люди пришли в движение. Оставшихся — человек четыреста — снова согнали в одну кучу, а затем стали выравнивать. Отвели подальше от села, поставили в одну цепь. Раненые висли на плечах товарищей. Некоторые срывались, падали, тех колчаковцы добивали прикладами или штыком. Наконец, пленные встали густой, плотной темной стеной. Тут раздалась команда, и со стороны леса вышел также растя-

нутый в цепь петлий отряд вооруженных солдат. От деревни офицеры, покрякивая, выстраивали такую же цепь. Подводчики возле своих лошадей следили за происходящим, ждали, что будет дальше. «Какую опять ерундовину затеяли?» — подумал Петро Карасов, дотягивая сигарку, и только подумал, как стоящие на окраине деревни солдаты закричали что-то недружно, серая лента шевельнулась и, убыстряя шаг, с винтовками наперевес побежала на пленных. «Ойе!» — в ужасе охнул кто-то в толпе подводчиков. А там уже кололи, добивали раненых, догоняли бегущих к лесу. Тех, кто успевал оторваться, встречали другие солдаты, — наткнувшись на их цепь, человек сваливался темным кулем на белый, истонченный снег. И конечно было все в маленькие считанные минуты. Поле очистилось, только мертвые лежали на нем. Все время избиения Карасов просидел на санях, словно окаменелый: уж и повидал, кажись, войну, и смерть-то близко видел, но чтобы вот такое... И когда солдаты, только что коловшие пленных красноармейцев штыками, валом, безо всякого строя, пошли мимо него, посмеиваясь или подавленно молча, или обсуждая какие-то свои дела, он еще сидел тычком на клочьях соломы, охолоделый и сосредоточенный. А потом кобыла вдруг дернулась, визгнула от укуса игривого жеребца, и подводчик свалился на снег мерзлой кокорой. И, вскочив, сразу закричал: «Восподи, восподи, помилуй... помилуй...» Стал быстро распрягать Игренью, соображая: теперь самое главное — уйти. А то мало ли что...

Остальные подводчики серыми мышами крутились возле своих саней, чмокали, дико взгикивали и тоже — дальше, дальше отсюда... Петро верхом обогнал всех. Сначала он еще ехал бойко, глядел и вперед, и по сторонам, и назад — не догоняют ли? — но как накатилась темнота, накатил и страх, осознание происшедшего, и Петро оцепенел понемногу, свесившись лицом на лошадиную гриву, обхватив шею Игрени...

Детишки, растыкавшись по углам, пугливо слушали отцовский рассказ. Ой, страхи, страхи! Фекла билась головой перед божницей — молилась за убиенных.

Кончив говорить о побойце, отец помолчал, внимательно оглядел себя и, убедившись еще раз, что жив-здоров, вдруг рассмеялся и сказал уже совсем другим тоном:

— А ведь я, мать, нашего Ваньшу видел. Ну, мужик-ник наш Ваньша!..

Сын ушел из дому не так давно. Тогда в Марково стояли красные, и у них в доме квартировал немолодой уже красноармеец Михай. Был он родом из северной губернии, говорил немножко чудно, но с Ванькой они отлично ладили, подолгу разговаривали. Дома, в деревне, у Михея осталось четверо детей. Он, провоевав всю герман-

скую, вернулся к ним ненадолго, а в начале восемнадцатого, оставив дом, снова пошел воевать — уже за новую власть. А иначе, как объяснял Михай, ему было нельзя: он большевик, стал им еще в окопах на германской. У красных он служил немножко и взводным, и ротным командиром, а осенью как-то застудил своих лошадей, они у него пали. Дело обошлось без трибунала, только из командиров он снова стал рядовым бойцом. Держался Михай солидно, говорил мало, но веско, никакое слово у него даром не пропало. Чем уж он приворожил к себе четырнадцатилетнего Ванюшку Карасова — сказать трудно. Только скоро они стали друзьями — не разольешь водой. Когда наступал вечер, кончались все воинские и крестьянские дела, они уходили на огород и о чем-то подолгу толковали. Или шли к новым Ваиным друзьям, Михеевым сослуживцам.

Однажды, когда младших ребят не было дома, Ваня подошел к сидящим за столом отцу с матерью, низко им поклонился, сказал:

— Тятка, мамка, отпустите к красным гвардейцам.

— Чего-о? — отвесил Петро на грудь бороденку, потом выбежал из-за стола, схватил сына за волосы и начал волтузить. Отлупил, прогнал с глаз, покрестился и снова сел пить чай.

И все-таки Ванька ушел. Исчез, пропал вскоре после того, как красные части покинули село.

Но вот как раз под Тулумбасами, будучи у красных подводчиком, Петро подъехал к избе, куда был определен на постой. Глядь, бежит к нему красноармеец в шинелке, папахе, лапотках и кричит еще издали: «Тятка, тятка-а!» «Ванька!» — ослабели у отца ноги. Обхватил он колку, жесткую шинель и стал тереться бородой о щеку сына: «Ванюша! Сынушко-о... ох, родной ты, лихоманка ты забери, ты куда это задевался-то, а? Уж мать выла, выла... Драть бы тебя да драть, ведь вона что учудил...» Сказал так и забоялся: ладно ли? Все-таки сын уже не так просто, а при амуниции, с винтовкой. Ошеломленные и обрадованные встречей, они так и не поговорили толком в тот раз: Ваня торопился на службу, он стоял при полковом штабе. А когда пошел прочь, отец еще долго не мог опомниться, беспокойно смотрел вслед. Вот так Ванька! Давно ли, кажись, и баловал, и сек его, и брал на сенокос, и возил ему гостинцы из Березовки или Кунгура, если случалось там бывать, а теперь — поди-ка!

Батальонный командир товарищ Шунейко наотрез отказался записать Ваню в свое подразделение. Вместе с комиссаром они вызвали бойца Михея Голохвастова, на которого ссылался мальчик, и дали ему добрую взбучку. Велели гнать парня домой, война — не детское дело. «Так эть

я что ж? — оправдывался Михай. — Он сам явился, да меня нашел. Мальчонка неплохой, полностью на наших позициях, а что не детское дело — это вы тоже постоите-подождите. Революция, она разве ж спросит? Домой обратно его гнать — сами с этим разбирайтесь, у меня язык не поднимается, привык я к Ванюшке. Да и парень здешний, глядишь — сгодится для военного вопроса...» Однако начальство оставалось непреклонным, и Михай грустным вернулся в свой взвод. Густо окая, сказал парнишке: «Ничего с тобой, Ваньша, не выходит. Ладно, не печалуйся, что-нибудь да придумаем...»

Поступать согласно приказу командиров — отсылать Ванюшку обратно — Михай не стал и пытаться. Знал характер паренка, упорство его, — если уж что решил — не отступит...

Михай был мужик умный, бывалый, немало коверканный жизненными передрыгами. Большевиком он стал по твердому убеждению, что только их партия способна установить на земле полную справедливость для прежде бесправных людей. А четырнадцатилетний человек всегда желает точно знать свое место в мире! И Ваня слушал, слушал да мотал на ус слова нового друга. Они были гораздо интереснее и серьезнее, без всяких глупостей и ужасов, каких он наслышался про «комиссарское господство» от братьев Ромкиных. «Конечно, — рассуждал теперь Ваня, — Петре Ромкину со своими семейственниками, да Борисовым, да другим богатым как не ругать красных! Красные-то им мешают людей объегоривать. А мы-то с Санком Ерашковым бедные, да и сидим глазами лупим, их слушаем! Нет уж, пуцай-ко дождутся, как я их слушать буду!»

Затруднение с Ванюшкой разрешилось просто и быстро. Ведающий разведкой помощник начальника штаба полка Тиняков, доставляя в штаб пленного офицера, слишком разогнал лошадь, и сани перевернулись. Возчика отбросило в снег, он барахтался в нем и чертыхался, самому Тинякову сильно зашибло ногу, а пленный беляк, несмотря на связанные руки, быстренько очухался и, скидывая длинные худые ноги, прытко бросился в сторону леса. Тиняков стрелял ему вслед из маузера, но бесполезно. И тут подбежали тоже следовавшие в штаб Михай с Ванюшкой. Разобравшись в чем дело, Михай потащил с плеча винтовку. Стукнул выстрел — офицер вскрикнул, опрокинулся на спину. По глубокому снегу Михай с Ваней добрались до него и потащили, раненного в бедро, обратно к саням. А когда и сани были на месте, и упряжь исправлена как следует, и возчик вскарабкался на облучок, сидящий в санях Тиняков сказал Ивану: «Забирайся сюда, паренек. Как он — подойдет ко мне, а, Голохвастов?» — «Мальчонка справный, — степенно ответил Михай. — Берите, не пожалеем...»

Так Иван стал бойцом полковой разведки. Он еще привыкал к новому обличью, радовался, ба-

хвалился перед местными ребятишками, что он-де не кто-нибудь — настоящий боец-красноармеец. Как вдруг, совсем неожиданно для него, через пару дней после зачисления, нагрянула страшная весть: убило Михея. Убило на позиции, разрывом от снаряда, осколком прямо в сердце.

Батальонный командир Шунейко, возле которого Ваня стоял на похоронах, после прощального залпа обнял его, пососал мокрый свой ус: «Ну вот, Иван, теперь видишь, каковы военные дела... Хотел Михея снова на роту ставить, да вот не вышло, вишь. А ты его не забывай, это такой был мужик... большевик, одним словом».

Вскоре Ванюшка ушел в разведку. Это было первое его задание, и собрал его, и отправлял в тыл к врагу тот же помначштаба Тиняков, Иван Егорыч. Молодой, русский, кудрявый и крепкий, он все еще чуть похрамывал. Расстались они темной морозной ночью, и Тиняков, вздохнув, промолвил на прощание: «Ну, с добром. И рад бы не посылать тебя, да не могу — всяк боец, сам знаешь, должен быть при деле, иначе ему и на копейку цены нет. Ты уж тихонько там как-нибудь, что ли, на глаза-то не лезь, по боевым порядкам тоже не рыскай. Приходи... приходи, слышь, а, Вань?» — почти жалобно, пытаясь глянуть мальчику в глаза, попросил он. «Да приду я, не бойтесь вы!» — грубовато ответил Ваня. Ему не понравилось, что взрослый человек, такой большой начальник, товарищ Тиняков сомневается в том, что он может что-то не сделать, почему-то не вернуться.

В темноте лесом он пошел параллельно дороге. Снега было еще немного, в самых глубоких местах — по колено, поэтому путь не составлял особого труда. И следов не встречалось почти, не было тропок, — редко кто отваживался ходить по лесу в грозное время. И Ваня тоже соблюдал осторожность: мало ли, вдруг засада за кустом, за деревом — могут кликнуть, а могут и стрельнуть. Поэтому шел он, останавливаясь и осматриваясь. Медленно шел. Ладно, хоть не было холодно. Иногда мальчик доставал из-под зипуна флягу с остывающим чаем, прикладывался. Вкусно, с сахаром... Хорош мужик, товарищ Тиняков! Ну, да за ним тоже служба не пропадет.

К утру, к серому рассвету он спустился в низинку, где притулилась за речкой небольшая деревня. Перешел речушку и, сторонясь спешащих уже за водой к польням и оглядывающихся ему вслед баб, зашагал к домам. В селе чувствовалось присутствие военного отряда — много саней, часовые перед кой-какими домами. Когда Ваня проходил возле одного, он вдруг вспомнил строгий тиняковский наказ, а вспомнив, впервые почувствовал такой страх, что у него закололо сердце и пятки зачесались, — так и дал бы деру. Ведь что было сказано: первым делом, подойдя к деревне, еще издали выбрать приметное себе место, оглядеться и спрятать фляжку из-под чая.

А ну как сейчас задержит часовой, и у него найдут фляжку военного образца. Эх ты, Ваня-разведчик! Однако ни этот, ни другой часовой его не окликнул, посчитав, видно, за местного мальчишку, но прежней свободы Ваня уже не чувствовал, шел и побаивался. Найдя дом, описанный ему помначштаба, постучал в окошко. Отодвинулась занавеска, баба шевельнула губами: «Чего тебе?» — «Кузьму Иваныча!» — ответил Ваня. Женщина взглядела, — мальчик был незнакомый. Затем сосукала дверь, и хозяйка сказала уже из сеней: «Нету его! Где-то офицера возит, уж третий день. И не почует. Сказывали — нонче вечером должен быть». — «А я-то как же?» — тоскливо подумал Ваня, поворачиваясь, чтобы идти обратной дорогой. Он уже замерз. И опять — мимо часовых у домов. Мимо вяло жующих солому лошадей, мимо полыньи — в лес. Он углубился в него, но настолько, чтобы проглядывалась деревня, и сел возле высокой, толстой, смоляной снизу елки. Холод кусал через лапотки, хоть ноги у Вани и были тепло укутаны. Так ведь не навечно хватит такого тепла! Достал фляжку, побулькал — чаю оставалось еще половина, вытащил из-за пазухи пропахшую зипунчиком краюху хлеба, шматок соленого сала и умял все дочиста, запивая. От этого немного согрелся, расслабился, задремал. Проснулся: холодно! Поднялся и стал бегать возле елки. Но холод, однажды забравшись, уже не уходил, хватал сильнее и сильнее. К полудню Ванюшке уже казалось, что и силы кончаются, не высидеть больше на этом месте.

Когда короткий зимний день начал гаснуть потихоньку, Ваня все же не выдержал: оторвался от елочного комля и направился в деревню. Теперь уже без фляжки. Он бродил, бродил по деревне, дрожа от холода, нахохлившись, не обращая внимания на любопытных, заглядывающих ему в лицо, толкающих в бок и что-то кричащих вслед ребятишек. Наконец, чувствуя, что дело совсем плохо, он торкнулся без стука в первую попавшуюся избу. Там не было мужиков: только молодая баба в горнице кормила грудью ребенка да старуха сидела за прялкой. Остуженным, осипшим голосом Ваня поздоровался, поклонился, покрестился на божницу и сказал: «Подайте сирому мне, нищему, горемычному сиротине». И не хватило больше сил, шлепнулся на лавку. Старуха подошла, налила ему молока в кружку, он выпил — забылся сразу же, в холодном поту и слезах свалился со скамейки.

Проснулся на том же месте. В кухне горела лучинка, в горнице кричал ребенок. Молодая баба помогла ему подняться с пола, положила на стол перед ним хлеб, несколько теплых картошек: «Ешь, родимой. Что есть, уж не обессудь...» Он жадно съел все, запил молоком, поклонился хозяевам в пояс, благодаря, пошел на улицу. Голову покруживало, и он не сразу разобрался, в какую сторону дом Кузьмы Иваныча.

Стукнул, как раньше. На сей раз в окошко не выглядывали, а сразу вышел бородатый мужик, еще не старый, спросил: «Чего тебе?» — «Тетенька Фиса Ощепкова из Березовки, она вам родня будет, просила привет передать да с подарочком». Ваня отдал хозяину мешочек соли. Тот взял, ответил верно: «Тетеньку знаю, только она мне родня по бабе... Ладно, обожди меня здесь», — Кузьма Иваныч ушел в дом. И когда он открыл дверь, выходя, вслед ему послышался густой мужской голос: «Ты чего там зашастал, кого черти принесли?» — «Нищий, вашбродь, мальчишка, — подобоострастно ответил хозяин. — Ноне моего тестюшки покойного години, так надо подать: пуцай вознесет молитовку за душу за грешный!» — «Тащи в комендатуру! — прохрипело из-за двери. Там разберутся, что это за нищета такая развелась в расположениях». — «Так мальчик, мальчик, сирота, — снова заторопился Кузьма Иваныч. — Извольте глянуть, вашскородие». Он сбегал в избу, вернулся с лампой и осветил Ванино лицо. Отодвинулась занавеска, и толсторожий дядька с большими, переходящими в баки усами, в расстегнутом кителе с серебряными погонами, шальными глазами посмотрел, наморщился, рывкнул что-то, разинув рот. «Ступай... ступай скорее... — подталкивал Ваню к тропке Кузьма Иваныч. — Не видишь, что ли, каков мой-то дракон? Я бы в други поры и согрел, и накормил, и постелю тебе постелил, да вишь, кака пора... Наступленье, слыш-ко, они готовят, так и передай Тинякову... Ладно, вот хлеб бери. Да не съешь по дороге... Дуй давай!..»

Ох и трудно дался Ванюшке обратный путь. Мороз донимал и есть хотелось. Спасибо Ивану Егорычу Тинякову: ждал его на кошевке в том самом месте, где расстались сутки назад. Сгреб мальчика в охапку, бросил на сслому, понукал лошадь. А в избе усадил разведчика к самовару, сам ушел к себе, за отгороженное занавеской место, — ломать принесенную ковригу. Когда вернулся, Ваня уже спал, так и не сняв мокрых лаптей, положив на пол старенький зипунишко. Помначштаба бережно укрыл его своим полушубком, погладил жесткими пальцами по белым волосам и в трепаном, возимом еще со времен старой службы матросском бушлате отправился в штаб полка — докладывать донесение.

Как ни готовились красные к отражению удара, колчаковцы на сей раз взяли верх: прорвали оборону, захватили прифронтные селения и устремились дальше. Тогда-то и разыгралась трагедия с пленными, о которой рассказывал своей семье Ванин отец Петро Карасов.

Но ни сам Ваня, ни командование полка не узнали тем утром о приключившейся трагедии. Они отступили вовремя. Начштаба полка был убит в бою, и его должность исполнял Тиняков.

Раненный в плечо, он ехал на кошевке вместе с Ваней Карасовым, юным бойцом. Ваня сжимал свою винтовку и был горд, что сегодня сам стрелял из нее по белякам. Выстрелил раз семь или даже восемь. Дальше стрелять не пришлось, потому что Тиняков здоровой рукой сорвал его со снежного увала, за которым укрывался мальчик, и потащил в повозку.

Стали подъезжать к Марково, родной Ваниной деревне. Рану Тинякова перевязали, но Ваня видел, что новому начштаба сильно нездоровится: лицо его горело, губы обметало, он мучительно слатывал, и Ваня догадывался, что Ивану Егорычу хочется пить. Поэтому, как только въехали в Марково, он сразу велел вознице остановиться у крайнего дома. Это был дом Борисовых, дом Яшки, тот самый дом, где он еще недавно дулся со сверстником в карты.

И Борисов-старший, и сам Яшка, и хозяйка Офониha настороженно встретили явившегося к ним в солдатской шинелке, в папахе с красной лентой соседского мальчишку.

— Ваньша, ты ли? — спросил Яшкин отец.

— Он, он, анчутка, богов противник! — поддакнул забредший в гости и успевший уже натрескаться бражки отец Илларион. — Ох, Ваньша, Ваньша, мало об тебя батогов извели...

— Ладно, некогда мне! — сказал Ваня. — Дайко мне, тетка Аня, водицы, раненого командира напоить надо.

Офониha торопливо вынесла ему ковшик с водой, буркнула в спину:

— Хоть бы ковшик-то вернул, он ведь ишо не обчий!

Тиняков пил жадно, задыхаясь и постанывая, пришлось сбежать еще за ковшиком и потом отнести посудину хозяевам. Яшкина мать, завернув ее в холстину, отдала, будто бы опоганенную, пьяному батюшке: святить. Старший Борисов не удержался, спросил:

— При командире лакеем, значит?

— Раненый он, — мальчик сжал кулаки. — Когда ваш Яшка ногу на гвозде проколол, так я его две версты на себе волок...

— Ступай, ступай, милой, с боушком, — каркнула Офониha. — Мы тебя не забидели!

Ваня, нахохлившись, ехал дальше по деревне. У ворот его дома стояла мать с маленькой Анюткой и смотрела на текущих дорогой, отступающих красных. Мальчик сунулся лицом в дно кошевки, чтобы проехать мимо них незаметным. Ему не хотелось, чтобы мать бежала рядом, плакала. И еще — неудобно перед родней и знакомыми за то, что они, Красная Армия, самая что ни на есть народная, вынуждены отступать перед белогвардейцами...

На большое наступление колчаковцев все-таки не хватило. Откатившись, красные части остано-

вились и снова начали собираться с силами. Приходили люди из окрестных деревень, из Перми, из других городов и селений губернии, пополнялись роты и эскадроны. Снова полк, где служил Ваня, стал полнокровным. Целыми днями командиры учили бойцов обращению с оружием и разным военным приемам. Даже газетка стала выходить — хоть и на плохой бумаге. Повеселевший Тиняков много занимался с разведчиками, гонял их по окрестным лесам и полям, а Ванюшке, верному своему адъютанту, говорил: «Старайся, брат Ваня. Тот еще не боец, кто солдатских сухарей да каши не трескал, да дюжины подметок не носил!» — «Где они, ваши подметки-те?» — ворчал Ваня, показывая на лапти. «Ничего-о... потерпи маленько...»

И правда, однажды Тиняков поехал к складским и привез оттуда пару сапог, как раз на Ванину ногу. Радостный мальчик натянул их и аж застыл весь, не мог оторвать от них глаз. Еще бы! Сапоги-то первые в жизни. В карасовской семье сапоги были только у тятки. Сапогами у них в Марково парни обзаводились лет в девятнадцать-двадцать, когда начинали ходить на гулянки. Иной гармошку не купит, а сапоги — обязательно... Ваня походил по избе, покрутился на каблуках, поклонился с чувством Ивану Егоровичу.

— Ладно тебе благодарить, — пробурчал тот. — Мои, что ли, сапоги? Это тебе народная власть дает, которой ты служишь. И вот что... — он побарабанил пальцами по столу. — Это тебе, Ваньша, задаток. За предбудущую, так сказать, службу. В разведку надо идти, так что готовься давай. А вернешься — наносишься еще.

— Ну и подумаешь, беда какая! — бодро воскликнул Ванюшка. — Али не ходил я в нее, в разведку-то? Ну, и еще схожу.

— Ты, милоч, не равняй ту разведку с этой. Связника сыграть — что-то отнести, что-то принести, кого-то найти, передать — дело сложное, но не очень. Очень серьезное дело тебе поручаю. Думал, думал — кого, кроме тебя, послать? Ты местный, это очень важно. И по возрасту к тебе меньше подозрений... В Марково у вас — штаб колчаковского отряда. А какого? Что за численность, вооружение, есть ли артиллерия, сколько лошадей, кадровая или мобилизованная часть — неизвестно. В растопырку же бить не годится. Слушай теперь, как и что надо...

Время было дорогое. Через сутки Ваня, тщательно напутствованный Тиняковым и товарищем из разведотдела дивизии, уже топал по дороге, ведущей в сторону Марково. Первая остановка намечена была в Бородине, у тетки Агахи. Одинокая тетка, вдова, любившая всех карасовских детей, встретила его с преобладающей радостью:

— Ванюшечка-золотко-родимой-сладко-ой! Ты откудава набежал? Где был? Ой, возьму-ко я венчик! Ой, отлуцлю!

— Ты, тетка,— запыхтел намаившийся на морозе гостенек,— чем шуметь на меня, лучше напой-ко, накорми да спать уложи. А утро вечера, как говорится, мудренее.

— Ух, какой стал! — хохотала Агаха.— Как старичок мудрый. Недаром, видно, баяли про тебя, что большевиком стал. Давай ешь шаньги, Ванюшка.

Ваня наелся шанег, отогрелся и уснул на печке. Утром же, встав, поучал тетку:

— Ты сбегай в Марково, мамке с тяткой шепни: я, мол, здесь, пушай ждут. Да по дороге к Ерашковым загляни, я тебе чичас дай Санка штафет сочиню.

— Какой, Ваня, штафет?

— Это тебе пока не положено знать. Ты еще на службе не состояла, а тут строгое военное наименование. Дай-ко карандаш.

Агаха нашла карандаш, ворча, достала из-за божницы четвертушку чистой бумаги, и Ваня, помаившись над нею, сочинил посланье:

«Санко здорово есть большое дело но пока надо увидецца ты бежи и никому не говори даже матери своей и никому ребятам а мы тут договоримся вечно твой Иван Карас».

Эту бумагу он сложил, сам запрятал за подклад теткой плюшевой душегреечки и внушил:

— Это секретный тайный военный документ! Ты, если с ним все толком обладаешь, будешь у меня самая что ни на есть распрекрасная революционерка!

— Ладно, ладно! Растыркался, тоже мне... — посмеялась, уходя, тетка. Однако Ваню заперла крепко и наказала: — Ты, Ванюшка, смотри тут... тихонько! Люди-то, сам знаешь, разные бывают. Станешь тут по избе соваться без толку — кто-нибудь в окошко и узрит. Вот будет тебе тогда секретно-военно.

Агаха ушла, а вернулась уже в сумерках, вместе с другом Ваниным — Санком.

— Я к дедушке отпросился,— рассказывал Ивану Санко.— У меня дедушко в Бородино живет. А про тебя Яшка Борисов да ромкинские ребята баяли: дескать, ты состоишь услужником при красном комиссарине. Еще говорили, будто ты заезжал, когда красные отступали. А пошто ко мне не заглянул, а, Вань?

— Некогда было. А Яшка врет и ромкинские ребята тоже врут. Никаких услужников у красных нет. Есть адъютанты, ординарцы у большого начальства. Ну так это ведь совсем не то. А Тиняков Иван Егорыч, с которым я тогда был, мне завроде старшего товарища, хоть я и под его начальством. Мужик хороший, помначштаба по разведке, понял?

— Кто, кто? — вскинулся любопытный Санко.

— Ктокало!.. Скажу так и быть, как мужик мужику. Скоро начнется, Санко, наше наступление, и тогда уж колчаков погоним до самой Сибири, вот увидишь. А я послан красным коман-

дованием и лично товарищем Тиняковым, чтобы разведать беляцкие военные силы. Понял?

— Не.

— Да чтобы воевать-то, надо знать, поди-ко, с кем да с чем! Какая часть супротив твоей стоит, какое у нее вооружение, сколько пулеметов, орудий, где стоят... Где в Марково, например, колчаки главную позицию держат?

— Это я знаю! — сказал Санко.— Они у леса, за деревней, всю землю лопатами, ломками да кирками изрыли, день и ночь там солдатики попеременно сидят. Посидят-посидят да в деревню идут. А на смену им другие из домов топают.

— Молодец! — похвалил друга Ваня.— А где пулеметы, где пушки стоят, где основные, где запасные позиции, что за части, в каком доме штаб?

— Штаб-от ихний, Вань, у Ромкиных в доме, там и офицеры толкутся, и караул стоит целые сутки. Сеньке Ромкину, слышь, погон подарили, дак он его на грудь нацепил. Красу-уется!..

— Я ему покажу погон!

— Где пушки стоят, тоже маненько знаю,— вспомнил Санко.— Солдаты мужиков не пушают, а мы бегаем, нам хлеба иной раз дают да каши. Я уже и иную прислугу знаю: фийверкеры там, ездовые... Четыре пушки стоят. Пулеметов много. Солдат-то — штук триста, поди, а то и поболее.

— Сколь поболее-то? Может, пятьсот?

— Может, и пятьсот,— подумав, ответил Ерашков.— Может, и пятьсот двадцать. Хотя нет... пятьсот двадцать не будет.

Ваня задумался. Тинякову нужны точные сведения.

— Ну я пойду к дедушке, а то она задаст мне, если поздно явлюсь,— сказал Санко.

— Ладно. Завтра, когда еще не светло будет, забежишь за мной, понял? В Марково пойдем.

— Ку-уда? — всполошилась тетка.— Только там и ждали тебя! Схватят — только и был.

— Обожди. Ты мамке с тяткой сказала, что я здесь?

— Сказала, да тятки-то не было дома, а мать... Еле отвязалась от нее! Хотела сюда бежать, пришлось наврать, что ты не у меня почувешь, незнамо где. Уж не ходил бы туда, Ванюшка, солдаты с офицерами там, много их, прямо страсть!.. Вон Санько-то все разузнает, завтра вечером набежит опять да и расскажет.

— Санко... — Ваня покрутил пальцем возле носа, словно закручивая ус, глянул на одевающегося друга.

— Санко, конечно... Однако самому мне надо. Он перепутает что-нибудь, а мне потом перед товарищем Тиняковым ответ держать?

Санко покряхтел немного — обиделся — и сказал:

— Ты, Ванька, с утра со мной лучше не ходи. Увидит тебя кто-нибудь в деревне да и бежит в ромкинский дом, офицерам доносить. Знают ведь, с кем ты... Ты приходи вечером,

я тебя за нашей оградой ждать буду. А днем я по позиции на лыжах пробегу, еще раз пушки посмотрю. И у ребят поспрошаю, у кого по избам пулеметы стоят.

Ваня согласился. В самом деле, днем мозолить глаза в деревне не след, мало ли что.

— Ты только и вечером поосторожничай, Вань,— попросил его, уходя, Санко.— У нас в избе, слышь-ко, два солдата стоят, а у вас тоже солдат. Так что ты тихонько.

На другой день, лишь стало темно, Ваня Карасов отправился в Марково. Главной улицей проходить не стал, потому что заметил белогвардейский пост, а, увязая в снегу, забрал влево, к лесу, перевалил обносившую деревню изгородь. Дальше махнуть на улицу было пара пустяков. А вот и дом Ершаковых.

— Э-эй, Санко!

— Здесь, здесь я, Вань! Иди-ко быстрей.

Они зашептались за оградой, сблизив лица. Ерашков обсказывал все так толково, что Ваньша аж подивился вслух его наблюдательности и сообразительности.

— Да ты, глянь, совсем бедовый, Санко! Тебе бы самый след разведчиком быть.

Дружок гордо вздернул подбородок и вытащил из рукава латаной-перелатаной, расползающейся шубейки сложенную бумагу.

— Карандашиком, Вань, начеркал, как да чего. И где пушки стоят, и как окопы нарты. И где пулеметы по избам. Сколь офицеров у Рсмкинских, у кого сколь солдат на постое. Лошади да что да...

Ваня сунул бумагу себе в шапку, подал другу руку:

— Спасибо, Санко, побегу я. Мамке с тяткой надо показаться. Спасибо!

Сторожась, прижимаясь к домам, Ваня поспешил к своей избе. Зашел сбоку, отыскал чистое место в покрытом морозным рисунком стекле, глянул внутрь. Отец сидел на лавке, возил куском вара по скрученным суровым ниткам,— собирался, видно, чинить валенок. На кованом сундуке, на постланных тряпках спала сестра Анька. Братья Гришка с Петькой со страшным ревом возили друг друга по полу. «Ужо я вас!» — топала на них мать и замахивалась. Братья — ноль внимания. Младший, Васька, сидел в зыбке и сосал кулачок. От радости, что видит опять всех, у Вани слезы защипали глаза, и он сипло кашлянул, удерживая плач. Непослушной рукой застучал в окошко. «Кто там?» — мать метнулась к стеклу. Ваня махнул ей рукой и побежал на крыльцо.

— Ой! Ты ли, Ванюшка? — вскрикнула Фекла.

Они стояли, обнявшись, пока не вышел отец. Потом тоже растерянно стоял рядом, не зная, как вести себя с сыном.

— Ты откуль, Ванюш?

— Да откуль! От красных. Солдат-от ваш где? Сказывали — солдат у вас стоит, а я его не видел.

— Лешак его знат,— сказала мать.— Он не каждый раз почует у нас. А ноне сказывал, будто отправляют его куда-то, до завтрашнего дня. Пойдем в избу, сынушко!

— Нет, мамка. В избу я не пойду. Мало ли... ребята увидят, разболтают,— самим же плохо будет. В Бородино-то мне уж поздно теперь бежать, ты вынеси мне поесть чего-нибудь, я в конюшне с Игреной заночую.

— Ты надолго ли, Ванюш? — робко спросил отец.

— Я, тять, рано поутру убегу. А там — ждите с победой...

Утром стукнула, заглянула мать:

— Ой, Ванюш, да ты весь замерз! Идем-ко в избу хоть ненадолго, там самовар кипит, я тебе и сахарку к чаю дам, у меня есть маленько. Пойдем, пойдем, родимой.

Ваня колебался минуту, но соблазна преодолеть не мог. Да и как побежишь до Бородино такой стылый? И пошел в избу.

Сел на лавку возле стола в горнице, поглядел на спящих в разных углах избы братьев и сестер. О горячую кружку с чаем согрел пальцы. Скинув zipунчик, стал есть картошку с конопляным маслом. Вкусно! Ел и ел, настукивая ложкой по миске. Мать, посидев напротив, снова затопталась возле печки, готовя еду для семейства. Так, занятые каждый своим делом, они прослушали, как состукало на крыльце, кто-то пробежал по сенкам и торкнулся в дверь избы. «Охти, охти! — успела только рыднуть Фекла.— Ходила за водой, не закрыла дом-от, забыла! Прячься, Ванюшка!» Сын вскочил, опрокинув лавку, растерялся на мгновение и увидел: в избу с клубами пара вкатилась толстая Офониха.

— Ойе! — вскричала она. Аж присела — так удивилась.— У тебя тут, Феклуха, гостенек дорогой! А я за скалкой набежала: моя-то пропала, никак не могла найти — или Яшка куда задевал, или Ромкины угланы опять украли. Беда с ими, озорными!.. Ну, Ванюшка, да какой ты стал баско-ой. Вот она, военна-то служба. Да ведь все, поди-ко, у красных состоишь? При том комиссаре. Ага, Вань?

— Не болтай! — угрюмо сказала Фекла.— Не видишь — домой сынок пришел, тятку с мамкой проведать. И ни у кого он не служит теперь. Ну-ко скажи ей, сынушко!

Ваня промолчал, исподлобья сверкнул глазами на Офониху. Ведь экая пустая баба, а уж злющая и хитрая — такой поискать.

Уже не обращая внимания на Карасовых, Офониха стихла, мигая глазами на стену, что-то подумала, шлепая губами, и вдруг рванулась обротно в дверь.

— Скалку возьми! — крикнула ей вдогонку Фекла. Но та уже исчезла в сенях и дробно скатилась — тум-тум-тум — с крылечка.

В избе на короткое время словно замерло все. Мать и сын — каждый со страхом — глядели друг на друга. Завозился на полатах Петро, шумнул, свесив вниз голову:

— Эй, Ваня! Ты уходишь, что ли, сынушко? Давай-ко хоть оладей горяченьких, что ли, ему напеки, мать.

— Замолкни ты, идол! — взвопила с плачем Фекла. Побежала к стене, сдернула с колышка одежду. — Ты давай, Ванюшка, давай... чтобы ладно было... ладом все... Ух, змеина... выследила, вынюхала... Ты давай-ко, сынушко, скорее... скорее... Да бегом беги, не оглядывайся... чтобы ладом все было, ладом...

Мать застегивала Ванину одежду, а он рвался к двери. Вылетел из избы, кинулся на улицу. Было еще довольно темно, и он хотел так же, как вчера, — перед выходом из деревни уйти в сторону, огибая белогвардейский пост, перебраться через ограду и — на дорогу к Бородино. Шел быстро, не глядя по сторонам и не сторожась, и это подвело его: лишь только он минул дом батюшки Иллариона, как кто-то вдогонку ему отделился от стены, схватил сзади за локоть: «А ну-ка стой!» От крика этого, от внезапности, непоправимости случившегося Ваня ощутил цепкий льдистый ужас, — рванулся, но тут же другой солдат забежал вперед и, приставив к его груди штык, пробубнил: «Куды-куды, ты постой, товарищок...» Ваня остановился, оглянувшись беспомощно по сторонам и увидел ныряющий в сугробах, несущийся прочь от этого места темный ком: это Офониха бежала домой.

Ваня сидел в амбаре большого дома кулака Ромкина, где размещался штаб белогвардейского отряда, и ждал решения своей участи. Вместе с ним бедовал колчаковский солдат, арестованный за кражу валенок. Вор сначала заинтересовался соседом, спросил, нет ли еды и курева. Умял ковригу сунутого матерью Ване на дорогу хлеба, сыто отдулся. На вопрос, какого ждет наказания, ответил вяло: «Шомполков, поди-ко, пожалуют. Ну, да я уж бит. Как-нибудь бог даст...»

В амбаре было холодно — почти так же, как в конюшне у Игрени. Ванюшка чкал зубами, совал ладони в рукава, пытается согреться.

Не согрелся, задремал от усталости и отчаяния — и почти сразу был позван в избу конвойным солдатом. Его провели по длинненькому, похожему на сени коридорчику между большой печью и стеной, — Ваня думал, что окажется в комнате, где Ромкины обедали всей семьей, однако солдат велел подниматься на второй этаж. В обширной горнице за столом сидели, о чем-то пере-

говариваясь, два офицера: подпоручик и штабс-капитан.

— Подойди к столу, голубчик, — сказал штабс-капитан, отпустив конвойного. Он был значительно старше подпоручика, рыхл и голубоглаз, со вздернутым носом, и китель на нем был мятый, какой-то не шибко военный. Встретишь такого где-нибудь ненароком и подумаешь: добрецкий дядька! — Как тебя зовут-то, говоришь?.. Ну молчи, молчи, я все равно знаю. Ванюшка, верно? Имя-то какое хорошее, самое русское. Мне кажется, в нем даже есть какая-то музыка. Что ты на это скажешь, Серж?

Чернявый, подтянутый подпоручик неопределенно кивнул, дрыгнул ногой в тонком блестящем сапоге.

— Что-то есть интересное, Серж, в деревенских ребятишках, — продолжал старший. — Я всегда их любил. С детства. Приедешь, бывало, на лето в имение... Ах, не могу вспоминать, аж сердце колет. Как это там... «Пахнет сеном над лугами...» Нравится, Ванюша, стихок?

— Стишок ничего себя, — ответил Ваня.

— Ну вот, стихи нравятся. А кто же тебе, истинно русскому мужичку, мешает жить? Надо революцию делать? Господ свергать? По расположению войск шнырять?

— Ни по чему я не шнырял...

— Ну вот, еще и лжешь. Экая ты, братец, барабошка!..

Вдруг дикий вопль раздался под окнами избы. Толстая поморщица, а подпоручик встал, глянул: — Это, Юрий Палыч, Сидорова, вора-стервеца, порют. Орет, каналья!

— Так и драли бы его где-нибудь... На огороде, что ли... А то нашли место — прямо перед штабом!

— Нет, клянусь честью, это-то как раз и неплохо... Вид публично наказуемого устрашает колеблющихся и укрепляет дух твердых.

— Отпусти-ите, дяденьки-и... — жалобно протянул Ванюшка. — Не знаю никого, ничего-о...

— Вруша, вруша, голубчик... — штабс-капитан опять скривился от донесшегося с улицы неистового воя. — Нам доподлинно известно, что ты служил у красных, причем добровольно, а не по мобилизации. Впрочем, какая может быть мобилизация для мальчишки? Одного этого достаточно, чтобы расстрелять тебя без суда и следствия. Но мы гуманная армия...

Крики внезапно прекратились, и наступила тишина. За окнами стоял ясный, солнечный морозный день.

— ...Но мы гуманная армия, и если ты сейчас подробно ответишь на некоторые наши вопросы, мы сможем ходатайствовать о смягчении наказания...

Ванюшка шмыгнул носом.

— Вопросов у нас будет много: к какой части относишься, кто тебе дал задание, какое, крут

командиров, с которыми общался... Не молчи, не молчи, это тебе не на пользу. Может быть, ты дал присягу, или клятву, или вообще какое-нибудь слово, и теперь боишься его нарушить? Но те, кто послал тебя, сами являются хриstopродавцами и клятвопреступниками.

— Врете вы все! — сказал Ваня. — Все вы врете.

— Так-так-та-ак! — удивленно вскинул руки, словно тюлень ластами, штабс-капитан. — Ты слышишь, Сереженька, слова сего юноши? Что же это мы врем? Интере-эсно! Просим пояснить.

— Никакие они не клятвопреступники, вот! Что же им царю-то было служить, если он только и знал, что народ давить да губить? Если по-вашему — хоть он всю Россию погуби, а ему и слова не скажи?

— Э, да ты еще, братец, и агитатор?! Какую мы шуку заловили! Не могу стерпеть, надо поучить тебя...

Штабс-капитан вскочил со стула и, крихтя, кинулся к Ване. Мальчик отскочил к двери, толкнулся в нее, но она оказалась закрыта. Подбежавший подпоручик завернул ему за спину руки, а толстяк, ухватив мясистой рукой Ванино ухо, стал скручивать его. Топтался, орал. Едко дышал табаком. Ваня зажмурился — так велика стала боль. Что-то треснуло — и сразу стало жарко, кровь сильно торкнулась в виски — и только тогда он закричал. Штабс-капитан будто опомнился от этого крика — сразу отпустил, поглядел брезгливо на обрызганные кровью пальцы, достал платок и стал аккуратно вытирать их.

— Пойду я, Серж, — сказал он устало и подавленно. — Что-то... нехорошо мне стало. А этого малолетнего Робесьера возьмите уж на себя. Только я прошу — без этих ваших пытошных методов. Мы ведь не Малыты Скуратовы...

— Полагаю, решим все без формальностей, по законам военного времени? — спросил подпоручик за Ванinou спиной.

— Да, разумеется, голубчик! Составьте такую небольшую бумагу... для отчета. Я подпишу.

Когда за ним закрылась дверь, подпоручик выругался: «Ручки боится запачкать, адвокатское отродье, сволочь...» И жестоко избил Ваню, вытащил за шиворот в сенки, бросил на стылый пол, под ноги часовому.

Тот — пожилой, усатый — дождался, когда подпоручик ушел, сел перед мальчиком на корточки: «Ах, вашбродь, вашбродь... Ну, вставай ино, малой, потихоньку... Вот так... вот так...» — Обнял его, потащил по сенкам. Ваня мутно видел, как навстречу попались братья Ромкины. Они быстро, как мышата, метнулись вбок и принажи к стене.

Возле открытой двери в амбар сидел на чурбаке только что вышедший оттуда вор-солдат. Он корчился, качался от боли, но при виде мальчика

охнул. Строгий конвоир согнал его с чурбака: «Ступай отсель, Сидоров. Получил свое и иди, не мути людей». Солдат убрел, волоча за собой холщовый мешок. А Ваню солдат ввел в амбар, посадил возле стены, достал из кармана маленький, облепленный табачными крошками кусок сахара: «На, пососи маленько, легче станет». Вышел и стал запирать дверь на толстый деревянный засов. Ваня пососал сахар, но легче не стало. Он пополз в угол, где стояла маленькая бадейка с водой, наклонил над ней лицо, стал жадно пить, затем свалился на пол и уснул.

То ли во сне, то ли наяву появлялся в амбаре беркут-подпоручик, снова пинал его, орал: «Ну-ка рассказывай, краснопузое отродье, всю подноготную! А то перестреляю на глазах твою родню-блудню!» А он лежал перед офицером, распростертый, как кукла, и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Лишь к вечеру отошел, со стоном перевалился на живот, попытался встать. Заглянувший на шум часовой дал ему кусок хлеба: «Ешь, болезной». Он ел и чувствовал, что голова снова становится чистой и уже не так ноет тело. Нагреб в угол соломы, попробовал снова забыться — и не мог. Не добраться теперь по доброй воле ни до мамки, ни до тятки, ни до тетки Агахи, ни до товарища Тинякова... А как было бы хорошо! В то, что его казнят, Ваня не верил.

Самое главное — не нашли при аресте бумажку, спрятанную в шапку, — бумажку, где верный друг Санко Ерашков нарисовал расположение белогвардейских позиций и написал о вооружении и численности марковского гарнизона. Ваня эту бумажку успел свернуть и загнул в мох между бревнами. Теперь проверил: на месте ли бумажка? На месте-то на месте, да что толку? Не попадет она к товарищу Тинякову до того самого времени, покуда Марково не освободят красные войска и его не выведут из этого проклятого амбара на бел свет. Тогда подойдет к нему Иван Егорыч и скажет сурово: «Выходит, не получилось твое разведчицкое дело, боец Карасов. Жалко, жалко. А я на тебя понадеялся...» — И проедет дальше на лошади. Поди, пожалеет еще, что подарил такому нерадивому красноармейцу хорошие сапожки. Сапоги эти Ваня перед тем, как идти в разведку, сдал каптенармусу и взял с него слово, что тот никуда их не денет...

Возня, сдавленное фырканье послышались за амбарной стеной. Это братья Ромкины пробрались к амбару.

Часовой завозился на чурбаке, цыкнул, топнул на них: «Пошли отсель, шалаганы!» Ребята убежали. Вскоре притопал кулак Ромкин, прихватив для компании отца Иллариона и подкулачника Борисова. «Слышь, служивый! Открой нам амбар-от. Страсть охота Ваньку поглядеть — што он за такая стал птица?» — «Не положено!» — угрюмо отвечал солдат. — «Ты обожди! Их бла-

городие, господин штабс-капитан, эфто нам позволели. Давай, отпирай амбар-от, он в моем, поди, доме, или нет?» Солдат, ворча, отодвинул засов, и пречестная компания проникла в амбар. Офоня Борисов угодливо держал керосиновую лампу, а кривобокий пегобородый Ромкин с толстым батюшкой ходили вокруг пленника. «Што, Ваня, не глядишь на нас? — спросил поп. — Или стыд тебя одолел?» — «Ца! ца! ца! — покчал языком Ромкин. — Гляньте-ко, мужики: большевичок у нас Ванька-то, истинно большевичок! Ну-ко я его!» — и он сильно пнул мальчика в бок. «Вот я вас! — стукнул прикладом о землю часовой. — Не своевольничать мне тут!..»

Не помнил Ваня, когда ушли из амбара Ромкин и его прихлебатели. Очнулся — их уже не было. «Поди-ко, ночь уже», — подумал, услышав, что снаружи, перед амбаром, стали меняться часовые.

Что-то зашуршало у наружной стены амбара, и Ваня услышал легонький короткий тройной стук. Подполз к стене, тоже стукнул три раза.

— Ваньша, ты?..

— Санко, Санко! — обрадовался он. — Ой, Санко!.. Тебя не поймают?

— А темно! — тихо говорил Санко Ерашков, припкая к мерзлым бревнам. — Темно, кто увидит? Я тут огородом, незаметно... Ох, Карас, Карас, как плохо, что тебя заперли...

— Да чего теперь, раз попался... Как дома-то? Мамка, тятка как?

— К вам, Ваньша, белые солдаты с офицером днем приходили, все в избе порушили. Тятки-то дома не было — он, когда тебя поймали, куда-то смылся, спрятался. А мамку постращали... Тебе убежать нельзя?

— Как убежишь? Ты бы лучше к товарищу Тинякову...

— Куда?

— Они за Березовкой стоят... Ты слышишь меня?..

— Слышу.

— Найдешь — скажешь: так, мол, и так с Ванькой получилось, не смог он сам прийти, меня послал... Помнишь, что на бумажке-то писал?

— Как не помню?

— Давай торопись, Санко. Сегодня иди...

— Так ведь мне, поди-ко, Вань, не поверят?

— Поверят... Ты про меня расскажи... Беги, Санко!..

— Ты чего это там сипишь, беспшанный комиссар? — послышался суровый голос солдата-часового. Загремел отодвигаемый засов. Дверь скрипнула, солдат с фонарем просунулся внутрь амбара, поглядел на сторбившегося в углу пленника. — Сма-атри у меня...

Ваня слышал, как Санко Ерашков метнулся прочь от амбара, и ему стало так тоскливо и одиноко — хоть плачь. Да еще ночной мороз окреп — бревнышки начали потрескивать.

Под утро старый солдат пробудил Ваню от вязкого холодного полусна:

— Пойдем-ко, друг, в караулку. А не то застынешь напрочь — глянь, какой мороз на дворе! Я с их благородием договорился... Эх, ребята, вы, ребята! Сколь жалко вас. У самого ведь семеро по лавкам...

— А кто тебе велел меня караулить? — стуча зубами, спросил Ваня.

— Мобилизованные мы... — уклончиво ответил солдат, — давай, скорее собирайся...

В караулке было жарко натоплено — Ваня как сел на пол, так сразу и забылся. А проснулся оттого, что кто-то ударил его по ноге:

— Вставай, красивый выюнош! Ах, бес! Припекло, а? Сладко спать-то? Ну, мы те охладим-им!..

Ваня открыл глаза, поднял голову — над ним стоял офицер с выеденным оспой лицом, злыми глазами. Чуть поодаль, у двери он увидел толстого штабс-капитана. Тот подождал, когда Ваня поднимется, и сказал усталым голосом:

— В принципе насчет тебя решено, мальчик. И я мог бы не приходить сюда, не тревожить себя попусту. Но я пришел. Специально из-за тебя пришел... Так вот. Я повторяю вчерашнее условие. Ты отвечаешь мне на вопросы относительно твоей службы в Красной Армии, а также твоего теперешнего задания, потом — публично каешься перед всем селом и даешь слово не служить больше у преступников и хриstopродавцев. Тебя порют и отпускают домой. Понял? Иначе...

Ваня глубоко вдохнул спертый воздух караулки, словно перед броском в воду на глубину, и ответил хриплым голосом:

— Ничего я не скажу.

В караулку вошли еще двое: казак с расчесанной надвое бородой, в шароварах с лампасами и рыжий унтер-офицер на толстых ногах-тумбах. В руках они держали ременные плети.

— Раздевайся! — бросил офицер.

Мальчик не шелохнулся. Тогда подручные сорвали с Вани одежду, вытолкнули на мороз.

Прапорщик шел впереди, а сзади казак и унтер-офицер, подхлестывая пленника.

И сразу вокруг них начал собираться деревенский народ. Вот выкатился из своего дома отец Илларион, с матушкой под руку, и заблажил на все село:

— Возрадуемся, людие! Ваньку Карасова богоотступного ведут пороть.

Мужики и бабы скорбно молчали, следуя к речке за мальчиком и стегавшим его с двух сторон белогвардейцами. Ваня несколько раз падал, но его поднимали и заставляли идти дальше по трескучему морозу. Он нашел в себе силы оглядеть толпу и, к радости своей, не увидел в ней Санка Ерашкова: может, ушел все-таки к товарищу Тинякову! И тятки с мамкой не видно: удержали, зная-то, соседи, уговорили не ходить. Тоже ладно! А вон и Офониха побежала от тол-

пы прочь к своему дому,— деревенские бабы ее погнали, слышали, значит, что она Ваню предала.

Корявый прапорщик замерз: тер уши, хлопал руками в перчатках. Немного не дойдя до речушки на окраине села, возле огорода Ваниного дядьки, Митяя Карасова, процессия остановилась. Мальчик окостенел, уже не чувствовал боли.

— Кончайте! — махнул рукой прапорщик.

— А что, Фока,— сказал казак рыжему своему спутнику.— Не хошь ли поспорить, что засеку краснопузика единым ударом?

Казак отскочил немножко от Вани, перекосясь, махнул плетью. Скорчившись, юный боец упал. Прапорщик наклонился, повернул его к себе лицом.

— Готов.

Пошел вверх по склону, надраивая ладонями побелевшие щеки. Сзади заохали, запричитали бабы.

У тела Вани Карасова белые поставили часового и трое суток не давали хоронить.

Недолго стояли колчаковцы в Марково. Со стороны Березовки, Кунгура двинулись в наступление красные части. Ваниных палачей — рябого прапорщика, толстого штабс-капитана, всех других поразили в жестоком и правом бою красноармейские пули.

Ваню Карасова похоронили на окраине села, со всеми подобающими настоящему бойцу почестями. На прощальном митинге рядом с помначштаба полка товарищем Тиняковым стоял юный разведчик Санко Ерашков — Ванин посланец.

ТРИ НОТЫ В ШКОЛЬНОМ ХОРЕ

Ирина
КОРНИЕНКО

● Фартук... с оговорками

Я еще не научилась являться на встречи в строго назначенное время, а посему — стою под дверью одного из школьных кабинетов и жду, когда кончится урок. Но... Не ждала бы — не увидела этого.

Две длинноногие, с виду очень приткце девочки скрываются в туалете от третьей. Как только хлопнет дверь в конце коридора — спрячутся, переждут, пока маленькая пичуга отволочет очередную кучу мусора в бак, а потом снова выйдут и захихикают ей в спину. Заодно обсуждают чей-то новый костюм: «Уж не скажи, не лучше моего...» — и поправляют оборки на своих фартучках. У одной фартук — так прямо глаз не оторвать: весь ажурный, в воланах и фестончиках... Прелесть, что за фартук! Не в школу, а на демонстрацию мод.

Опять хлопает дверь, опять прячутся подружки, а маленькая пичуга на этот раз тащит ведро с водой... Ножки у нее тонкие, выгибаются под тяжестью; я бросаюсь к ведру, хватаю его, плещу мимоходом себе на платье и, вспыхнув, сердито говорю:

— Ты почему одна таскаешь? Кто еще дежурит с тобой?

Пичуга молчит. Сопит, но молчит. Понимаю. Вижу себя 12-летней, которую легко было обмануть словами о дружбе.

Тут звенит звонок, я отдаю уже пустое, злосчастное это ведро и вхожу в класс. Прошу остаться девочек минут на пятнадцать. Пытаемся наладить разговор. Я хочу добиться искренних ответов на вопрос: нравится ли девочкам домашняя бытовая работа — стирка, варка, мойка и прочее?

Мы плаваем в диалектике «с одной стороны» и «с другой стороны», но все-таки — все-таки (!) — приходим к выводу, что все собравшиеся здесь любят трудиться. Во всяком случае без уговоров и напоминаний помогают мамам, а за собой тем более все убирают. Такие открытые, милые лица. Много хохотушек. И я радуюсь. Я ободрилась: мне кажется, что все мои недавние подозрения надуманы и не верны в принципе. Под конец у нас получается коллективный чуть-ли-не-гимн труду.

И тут я замечаю фартук. Прелесть, что за фартук! С воланами и фестончиками, кружевной этот фартук сидит позади всех, но это не мешает ему вместе со всеми славить труд...

● Шерстяное плечико

Нет, главное обидно вот что: я послушалась Маришу, надела ее старую шубейку, отыскала старые валенки и отправилась на «эксперимент». А он оборвался в самом начале: надменного вида девицы, вероятно куда-то торопясь, сшибли меня у самого школьного крыльца с ног. И... не извинились! Некогда?

А Мариша говорит: не из-за чего. Вот если бы ты, как они, в дубленке была и в сапогах на «манной каше», тогда — да, тогда они бы выказали почтительность...

Мариша — учитель, молодой специалист. Два года всего работает в школе, а уже такие умозаключения!

— Да, — говорю, — хорошая моя, ну и педагог из тебя! Вместо того чтобы думать, как посеять в детских душах «разумное, доброе, вечное», ты стремишься перещеголять своих учениц в нарядах!

— Много ты понимаешь в детских душах! Приходика ко мне на классный час — у нас как раз по плану беседа о вещизме. Только не забудь дубленку надеть, а то они с тобой и разговаривать не захотят!

Я недоверчиво смотрю на подругу: всерьез она или заводит меня? Не может быть, чтобы она не знала очевидных истин. Однако дубленку надела, да и другого ничего нет.

Мариша меня не представила своим воспитанникам, но они сами оглядывались на заднюю парту, где я устраивалась, внимательно смотрели, как я снимаю дубленку — гардеробные после уроков закрываются.

Дети говорили удивительные вещи. Особенно один, который предлагал следующее: разделить учеников по принципу богатый или бедный и обучать обе группы отдельно, чтоб не было недоразумений и взаимных обид... А то вон Людка, — он кивнул куда-то вбок, — ну куда ей, забитой, до Оксаны? У Оксаны — папа большой военный, и платья школьные шьет ей из самой дорогой шерсти... Мама кружева плетет — от печего делать... А у Людки — одна мать, и та на двух работах — посудомойка да поломойка — что с нее взять? Даже не повар, чтоб около еды...

Оксана дернула плечиком — действительно, дорогой шерсти плечиком, фыркнула и удалилась...

Людка — скромная, серенькая, с нелепыми, тощими хвостиками волос — заплакала...

— Ну разве можно так?! — возмутилась я, не выдер-

жав. — Почему вы-то, честные да справедливые, унижаете себя и других, отдаетесь в плен вещизму? Где же доброта ваша?

— А что вы, собственно, нам мораль читаете? У нас сегодня запланирована не тема нравственности, а материальный вопрос и его разрешение...

— Вы приходите к нам на дискотеку, увидите, как там доброта ценится...

Так и посыпалось со всех сторон!

— А дискотека — это единственное место, где стоит жить? — отбивалась я. — Место, где проверяются все достоинства человека?

— Ну... Может быть, вам дискотека уже ничем не поможет, — как-то подробно и скептически осмотрев меня, заявляет какой-то смазливый, нахально-нисходительный. — А в нашем возрасте это не самое последнее дело...

В общем, я вела себя как самый натуральный «синий чулок». И почему это произошло? Я же поняла, что это они из принципа так дружно оппонируют мне, что я просто «завелась»... Мне бы остановиться, рассмеяться... Тоже еще, воспитатель нашлась! А еще Марину критиковала! А та сидит, поглядывает...

Я очень расстроилась. Даже не стала ждать, чем у них там все кончится. Я себе пошла, перескакивая через две ступеньки и прямо-таки налетела на Оксану-шерстяное плечико. Серьезно глядя мне в глаза из-под песка и запутавшись руками в другом песце на шее, она сказала:

— Знаете, так бы иногда и являлась в лаптях и холщовом сарафане... Только вот папа не позволит!

Поздно вечером мою головную боль прервал звонок:

— Ирина, мои олухи просят у тебя прощения... Просто они не знали, что ты журналист. А как узнала — полностью с тобой согласились.

В голосе Марины я без труда уловила ехидство.

● «Маленькое одиночество»

Пустынный школьный вестибюль. Под стендом с названием «Дисциплина и уроки в школе» одевается девочка лет десяти. Она нехотя, с большими перерывами шнурует левый сапожок, со вздохом переходит к правому. И тут по лестнице спускается достаточно молодая, но уже строгая дама. Сразу видно: человек не случайный в школе и даже не рядовой. Спускается, ищет глазами и находит. И прямо со ступенек начинает так:

— Ты опять позже всех уходишь? Собирайся живее!

Девочка как будто не слышит. Она всецело поглощена шнурком.

— Ты слышишь? — дама повышает голос, стараясь скрыть раздражение: — Что за манера такая — являться раньше всех и уходить позже! Тебе что, делать больше нечего?

— Нечего... — просто и улыбочиво отвечает виноватая.

— Как это нечего? Книжку возьми почитай!

— Я уже прочитала книжку.

— Еще одну возьми!

— Я пока не хочу...

— Как это «не хочу». Видали, она не хочет! А я не хочу, чтоб ты являлась сюда в двенадцать! Завтра, если придешь раньше, чем без пятнадцати два, я тебя выставлю за дверь. Слышишь?

— Ну, можно мне пораньше прийти, ведь Шахмудинов же приходит?..

— Так ты за Шахмудиновым бегаешь, что ли?

— Нет, зачем... — смущается та.

— Вот и я тебя спрашиваю — зачем? Ты мне можешь объяснить, зачем ты приходишь в школу на два часа раньше?

— Здесь интересно... — говорит малышка убежденно.

— Господи! — дама всплескивает руками. — Да что может быть интересного в школе, что?

— Ну, просто, — говорит девочка, запинаясь. — Интересно ходить по этажам, читать газеты, рассматривать плакаты...

— Ну, вот что... — говорит дама сурово, нетерпеливо перебирая каблучками. — Чтоб больше мне на глаза не попадалась в неподобающее время! Иначе я с тобой по-другому буду разговаривать! А сейчас — марш домой!

Дама, круто развернувшись, уходит вверх по лестнице. Походка уверенная, полная достоинства. Ее-то никто не прогонит.

Девочка также неторопливо, но уже честно одевается, оглядывается в последний раз на стенд и, вздохнув, открывает тяжелую входную дверь...

Она проходит школьной аллеей и в конце ее встречается с черной, с белыми обручами на лапах дворнягой. Девочка обнимает ее, собака лижет ей нос и щеки...

— Миленькая! — наконец произносит девочка. — Ты не могла бы приходиться чуть-чутьочку раньше?..

Легендарная

сопка

**Эдуард
МОЛЧАНОВ**

Уходят годы, десятилетия, гражданская война становится историей. Но сколько бы лет ни минуло, время не унесет живого дыхания той поры.

Выдыбленную над Волочаевской равниной сопку Июнь-Корань называют дальневосточным Перекопом. Именно здесь произошло одно из решающих сражений. Склоны, поросшие лесом, скрыли следы траншей и огневых точек. Сопка погружена в скорбную тишину, безмолвны у братских могил посетители.

На самой вершине — белокаменное двухэтажное здание мемориала. Стены и крыша его имитируют каменную осыпь крутого склона. Рядом с алым полотнищем, трепещущим на флагштоке, фигура красноармейца: правая рука с винтовкой вскинута в победном порыве, взгляд устремлен в сторону океана.

В декабре 1921 года вооруженные до зубов белогвардейские войска были брошены в нейтральной зоны, находящейся под контролем японских дивизий, на малочисленные части ДВР. Оказывая упорное сопротивление, Народно-революционная армия после жестоких боев в районе Ново-Троицкого отступала к Хабаровску, а затем оставила город и весь правый берег Амура.

Заброшенные в необитаемые районы Волочаевской равнины, плохо одетые бойцы Народно-революционной армии терпели лишения от холода и недоедания. Но был получен приказ: любыми средствами остановить продвижение белогвардейцев, разгромить их, заставить убраться восвояси экспедиционную армию самураев.

Первый отпор белогвардейцы получили в бою у поселка Ин 28 декабря. Это и заставило их командование превратить Волочаевку в укрепленный район.

Подступы к Волочаевке были

опутаны проволочными заграждениями в 5—6 рядов, простреливались перекрестным огнем. В укрепленном районе сосредоточились отборные соединения белогвардейцев, состоящие наполовину из офицерского состава.

План штурма укрепленного района, разработанный под командованием В. К. Блюхера, предусматривал фронтальную атаку в полосе железной дороги с глубоким обходным маневром и ударом по тыловым коммуникациям белых между Волочаевкой и Хабаровском. 9 февраля 1922 года были получены сведения о подготовке к наступлению белогвардейцев. Командование Народно-революционной армии решило предупредить вылазку врага. Волочаевское сражение длилось три дня и три ночи.

...Теперь, когда минуло более шестидесяти лет, из участников событий живы немногие. С одним из них, Никитой Семеновичем Ушаковым, награжденным боевым орденом Красного Знамени (номер ордена 1044), довелось встретиться на волочаевской земле. Почти до семидесяти лет Никита Семенович работал мастером производственного обучения в городе Петровске-Забайкальском.

«Штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни» — для ветерана не только песни, не только история. Гаубичные батареи и пулеметные гнезда, воссозданные на панораме «Волочаевский бой» лауреатов Государственной премии художников С. Д. Агапова и А. А. Гарпенко, боец Никита Ушаков видел наяву.

— Стояли сорокаградусные морозы, а одежка у нас была плохая, не зимняя. На ногах — у кого ботинки с обмотками, только у некоторых кожаные ичиги, — вспоминал Никита Семенович.

Особый Амурский полк, в котором служил Ушаков, должен был атаковать сопку с фронта в полосе железной дороги при поддержке артиллерии бронепоезда. На третий день штурма красноармейцы уже знали местоположение укреплений и огневых точек врага. Но последние 200 метров перед склоном сопки занимало промерзшее болото. Пространство открытое, полностью проматривалось. Выручили глубокий снег. Штурмующие ползли по-пластунски до самого проволочного заграждения. Пока они двигались к рубежу атаки, шел артиллерийский обстрел Волочаевки. Но вот он кончился, и Амурский полк поднялся. Лопатами, шашками, штыками бойцы прокладывали путь, набрасывали на проволоку шинели и полушубки.

В траншеях кипела рукопашная схватка. У вершины сопки Никита Ушаков был ранен. Однополчанин Козырев, сам раненный в ногу, об-

тер лицо оглушенного взрывом окованного Ушакова снегом, помог прийти в себя и выбраться из пекла боя.

Из полка уцелело 16 бойцов, все они были представлены к награждению орденом Красного Знамени.

Говорит Федор Плевако...

**Евгений
ДОРОШЕНКО**

О таланте Федора Никифоровича Плевако, выдающегося русского судебного оратора, наиболее правдиво рассказал В. В. Вересаев в своих воспоминаниях:

«Старушка украла жестяной чайник стоимостью дешевле 50 копеек... Защитником старушки выступил Плевако. Прокурор решил заранее парализовать влияние защитной речи Плевако. Сам высказал все, что можно было сказать в защиту старушки... Но собственность священна. Все наше гражданское благоустройство держится на собственности, если мы позволим людям потратить ее, то страна погибнет... Поднялся Плевако:

— Много бед, много испытаний пришлось перенести России за ее более чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары и поляки... Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний, но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник, стоимостью в 50 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно...»

После такой речи старушку, конечно, оправдали.

Или другой случай.

«Судили священника, совершившего преступление. После громовой речи прокурора выступил Плевако. Речь его состояла всего лишь из нескольких фраз:

— Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и в них создался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который 30 лет отпущал на исповеди все ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его

грех? И сел. Священника оправдали».

Федор Никифорович Плевако родился 11 апреля 1842 года на Южном Урале — в городе Троицке. Здесь прошли его детские и юношеские годы. По национальности он мордвин. Юридическое образование получил в Московском университете. В 1864 году вступил в адвокатуру и стал присяжным поверенным при Московской судебной палате. Постепенно, от процесса к процессу, он своими речами завоевывал признание.

Известный русский юрист и общественный деятель А. Р. Кони так рисовал социальный портрет оратора:

«Плевако во всей своей повадке был демократ-разночинец, познавший родную жизнь во всех слоях русского общества, способный, не теряя своего достоинства, подниматься до его верхов и опускаться до его «дна» — и тут и там все понимающая и всеми понятый, всегда отзывчивый и простой».

В своих судебных речах Ф. Плевако затрагивал острые социальные вопросы. Например, его выступление в защиту группы крестьян, вставших против бесчеловечной экзитуации, было по тому времени гражданским подвигом.

Умер Ф. Н. Плевако в 1903 году. Наследство его невелико: всего около 50 стенографических записей судебных речей. Сохранилось также несколько выступлений на публицистическом поприще. Он печатался в московских журналах под псевдонимом Богдан Побережный, лучшие из речей Ф. Плевако вошли в сборник «Судебные речи известных русских юристов», выпущенный в 1958 году.

На рентгене... «пермские боги»

**Юлиан
НАДЕЖДИН**

Произведения искусства... редко когда видно со стороны, как они сделаны. Мы, зрители (и читатели и слушатели), с легким сердцем уступаем такой вопрос исследователям.

Но и для них он далеко не всегда бывает простым. Вот знаменитая пермская деревянная скульпту-

ра. Из каких пород дерева ее резали? Из целых заготовок или по частям? Если по частям, то где и каким способом они скреплены? Сохранены ли в нынешнем облике фигур авторский замысел или были искажающие его поздние переделки? Как сохранились дерево и покрывающий его красочный слой? Ясно, все это не праздные вопросы. Не одно поколение искусствоведов ломало голову над ними. Как ответить на эти вопросы, не имея возможности заглянуть «внутрь» фигур?

Не попробовать ли рентген? — подумали однажды в отделе хранения Пермской галереи. Ведь известно, что, например, живопись таким способом изучается издавна — с конца прошлого столетия, когда один из друзей самого Рентгена, тайный советник из Дрездена Теплер с помощью рентгеновской трубки исследовал несколько картин. В наши дни рентгеновские кабинеты есть во всех крупнейших художественных музеях мира, в том числе и советских. Накоплена большая документация, позволившая искусствоведам сделать немало неожиданных, порой сенсационных открытий, имеющих отношение и к самому ходу воплощения авторского замысла, и к судьбам картин после того, как они покинули мастерскую художника.

Для начала из галереи позвонили в Москву, в реставрационный центр имени академика Грабаря, — обратились за консультацией по поводу рентгенографирования деревянной скульптуры. Выяснилось: в отработанном виде методики такой в нашей стране пока нет. Пермьякам удалось получить только чисто ориентировочные данные о некоторых технических условиях съемки.

Здесь, в Перми, врачи-рентгенологи замысел галереи встретили чистосердечной готовностью помочь. Энтузиазма, правда, поубавилось, когда узнали, что галерея намеревается отправить на рентген едва ли не всю коллекцию, а это около полусотни произведений. Все решилось после знакомства искусствоведов с кандидатом медицинских наук Алексеем Ивановичем Новиковым, сотрудником кафедры рентгенологии и радиологии Пермского медицинского института.

Он без долгих раздумий дал согласие провести съемки. Сел, сделал расчеты. Без его опыта галерее вряд ли удалось бы осуществить свое начинание.

Заместитель главного хранителя галереи Галина Александровна Тихова рассказывала, что дней, когда предстояло везти скульптуры на рентген, она ждала с трепетным нетерпением, с тревогой, даже страхом. Ведь дерево — это всего-навсего дерево, не камень и не металл, оно всего боится, да и красочный

слой на нем плохо выносит разницу температур.

Вспомнили, сколько было волнений, когда в 1973 году пришлось давать экспонаты для парижской выставки «Русское дерево с древних времен до наших дней». Организаторы просили двадцать пять скульптур, галерея нашла возможным отправить только пять. С великими предосторожностями упаковывали — в специальную бумагу, в ящики из многослойной фанеры с поролоновыми прокладками...

Первой решено было отправить на рентген «Параскеву Пятницу». Габариты у нее не слишком, можно на руках нести. Так и несли ее Тихова, завернув в несколько слоев бумаги и закутав в одеяло: дело было зимой.

...На кафедре «Параскева» произвела форменный переполох. Таких пациентов там еще не видели. Целый месяц шли съемки, больше трех десятков скульптур побывало на рентгеновском столе. Можно себе представить, сколько нервов это стоило и Новикову, и тем более Тиховой. Некоторые скульптуры не проходили в дверь, их вносили через окно. Каждый день возникали новые головоломки: как расположить фигуру на столе, чем ее надежнее закрепить, как подвести пленку, чтобы старания не ушли впустую.

Причем каждую фигуру приходилось снимать по меньшей мере в двух проекциях, а самые крупные — фрагментами. И это не говоря о технических проблемах. Разные проекции требовали своих условий — фокусного расстояния, выдержки, силы тока, напряжения...

Первые же рентгенограммы показали, что оказавшийся таким многотрудным замысел полностью себя оправдывает. На пленке были отчетливо видны композиция произведений, текстура дерева, его сохранность, подновления красочного слоя, подпалы от свечей, ходы жука-древоточца, восстановленные позже утраты, деревянные шпоны, стыки на клею, авторские кованые гвозди и поздние — рубленые, внешний орнамент, не совпадающий по рисунку с первоначальным, пустые полости там, где они и не подозревались, — все это давало искусствоведам веские поводы для раздумий.

Недавно в галерею доставили рентгеновский аппарат, тот самый, теперь уже списанный старенький РМ-7, на котором год назад получены первые снимки. Стараниями Алексея Ивановича Новикова аппарат передали на баланс галереи. Есть планировочные чертежи, собственноручно подготовленные все тем же Новиковым, есть помещение. Создается первый в периферийных художественных музеях страны рентгенкабинет.

Спутник М. Горького

Павел
КОВЕРДА

В письмах Максим Горький несколько раз упоминал об одном сравнительно небольшом своем рассказе «Мой спутник». Издателю С. П. Дороватовскому он писал в мае 1899 года: «Мой спутник» забраковали Вы? Ничего не имею против. Спустя пять месяцев Горький упоминает об этом рассказе в письме И. Е. Репину: «Мой спутник» — тоже приключение, плохо изображенное. Это жаль — хорошая тема. Большой писатель мог бы сделать из нее классическую вещь». В письме А. П. Чехову: «Решительно не согласен с тем, что «Спутник» — хороший рассказ, так ли нужно было написать на эту тему!»

И все-таки как ни самокритично относится писатель к своему детищу, чувствуется, что рассказ чем-то особенно дорог автору. Это «что-то» проясняется в письме к литературоведу, автору первой книги о М. Горьком В. Ф. Бояновскому. В сентябре 1900 года Горький сообщает ему: «Если Вас интересуют данные биографического характера — Вы можете почерпнуть их в таких рассказах, как «Мой спутник...»

Значит, ясно, почему этот рассказ был так дорог писателю, хотя и признавался им, как недостаточное совершенный.

И вот в переписке М. Горького находим еще раз упоминание об этом рассказе. В октябре 1903 года он делится с директором-распорядителем демократического книгоиздательского товарищества «Знание» К. П. Пятницким радостной новостью: «Посылаю очень интересный документ, полученный мною сегодня, 26-го октября, в день одиннадцатой годовщины моего писательства. Пишет — Шакро, «Мой спутник...»

Спустя несколько дней о письме Шакро стало широко известно в России. На Урале об этом узнали из публикации газеты «Уральская жизнь» чуть больше чем через месяц. Материал был так и озаглавлен «Спутник Максима Горького».

В герое рассказа М. Горького «Мой спутник» — кн. Ш. Итадзе — узнал себя кондуктор-грузин С-дзе. Вот что рассказал он редакции газеты «Циобис-Пурцели» о своих скитаниях с Горьким, с которым он встретился в августе 1891 года в Одессе, где к нему подошел «здоровый детина в изодранном платье и попросил у него пятак...»

«Как мне после рассказывал

Пешков, он прибыл пешком из Харькова. Дорогою, оказывается, он забрел в один монастырь, где какие-то два странника обобрали его до чиста. В тот день, как мы встретились, оба были сильно голодные. У меня была тросточка, которую Пешков продал за 30 копеек и купил хлеба. Ночевали в саду. На другой день искали работы, но не нашли, поэтому решили отправиться в Николаев. Путешествовали семь дней. Работы и там не нашли. Там сказали, что из Херсона отправляется пароход, который может из милости доставить нас в Батуми. Пришли в Херсон, но к пароходу не успели. Здесь Пешков продал мое пальто за 3 рубля 50 копеек. Далее отправились в Симферополь, но и там не удалось достать работы. Затем Пешков посоветовал отправиться на Кавказ пешком. Так и решили.

Здесь я должен заметить, что Пешков обходился со мной очень хорошо. С состраданием отзывался о том, что я не привык переносить такие трудности, и когда хлеба бывало у нас мало, большую часть уделая мне. Вообще во время всего путешествия ничего плохого от него я не видел. Много несчастий и горя пришлось вместе пережить. В одном месте мы заблудились и попали в дремучий лес. Чуть бы мы здесь не сделали жертвами кабанов; еле-еле удалось взобраться на дерево, где мы, голодные, просидели до тех пор, пока кабаны не разбежались.

Попали кое-как в Ялту. Здесь, к нашему счастью, Пешков нашел 3 коп. — сейчас же купил хлеба. Усталые и голодные, решили во что бы то ни стало пробраться на пароход и проехать некоторое расстояние. Это нам удалось. О том, что мы безбилетные, узнали только тогда, когда пароход уже отчалил...

В Керчи ночевали под мостом. Лодки не воровали, как рассказывается в повести. В Тамани много было лодок, грузили мукою; мы помогали таскать мешки, и за это нас перевезли на другой берег...

Рассказ в повести относительно женщины совершенно вымышлен: ни в одной станице я не знакомился с женщиною и никогда не обвинял Пешкова в воровстве пяти рублей; сам тоже ничего не воровал...

Из Владикавказа до Тифлиса путешествовали до 7 дней... У Пешкова в правлении железной дороги был какой-то знакомый. Он зашел к нему, я должен был пойти на базар, и условились встретиться около правления. Я скоро возвратился, но Пешкова не нашел: его и след простыл. Целый месяц я оставался в Тифлисе, но Пешкова видеть не удалось.

Его рассказ, будто я обманул его

и оставил у Верийского моста, представляет чистейший вымысел.

После о Пешкове я решительно ничего не слышал и не знал, что он переименовал свою фамилию».

Этот оригинальный и редкий случай — когда герой повести сам заявляется и указывает, что правдиво и что вымышленно автором, — во всяком случае достоин внимания для характеристики творчества писателя, — отмечала газета «Уральская жизнь».

Из рода Лермонтовых

Александр
РЕЗНИЧЕНКО

Тринадцать форм ископаемых животных кембрийского периода палеозоя названы в честь Екатерины Владимировны Лермонтовой. Она крупный советский палеонтолог и первый исследователь трилобитовых фаун на территории СССР.

Е. В. Лермонтова родилась 29 января 1889 года в Петербурге. Ее дедушка приходился Михаилу Юрьевичу двоюродным братом. В их семье всегда гордились родством с поэтом, впадшим в немилость царя.

Катя Лермонтова к 1912 году уже имела за спиной женский педагогический институт и Петербургский университет.

В 1924 году Лермонтова стала сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского геологического института. Все ее работы посвящены изучению фауны кембрия Южного Урала, Средней Азии, Казахстана и особенно Сибири. Большой объем геологических исследований и собранный материал позволили Е. В. Лермонтовой разработать первую стратиграфическую схему кембрия Сибири — стратиграфия, изучающая последовательность формирования горных пород, была ее основной специальностью.

Настойчивый поиск, постоянный кропотливый труд характеризовали ученого-палеонтолога из рода Лермонтовых. Она не прекратила своей работы и в годы войны. Екатерина Владимировна умерла в блокадном Ленинграде 9 января 1942 года.

Спустя почти пятнадцать лет у нас в стране была принята первая унифицированная схема кембрия Сибири, в основу которой легли многолетние труды родственницы великого поэта.

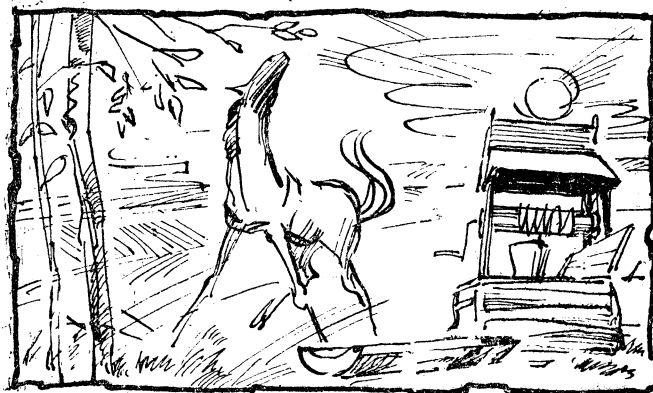
ЧЕРНОВИКОВ У ЖИЗНИ НЕ БЫВАЕТ

Жизнь пишется лишь раз и сразу — набело.
Черновиков у жизни не бывает.
Написанного тряские ухабины
За нас уже никто не заровняет.
Никто оплошных строк — увь! — не выкинет,
На новые другие не заменит,
И если родились они безликими —
Таковыми их в народе и оценят.
Неправда, что начать все можно заново:
Повторно дней со склада не получишь,
А потому, как видно, очень надо нам
Учиться с малых лет писать получше.
Чтоб каждый слог был до предела выверен
И буквы меньше прыгали в чечетке,
Чтоб ложная строка не висла гирею,
Сама же мысль была простой и четкой.
Как часто мы «обходим» эти правила.
И время нас за то сполна карает...
Черновиков у жизни не бывает,
Жизнь пишется лишь раз и сразу — набело.

ИДЕТ МИНУВШЕЕ ЗА МНОЮ ВСЛЕД

Былое, день за днем,
идет за мною вслед,
Идет, настойчивой
и неотступной тенью,
Идет, когда восход
торопит с пробуждением,
Идет, когда закат
струит прощальный свет,
Оно то прошумит
березкой на ветру,
То скатится к реке
мальчонкой босоногим,
А то вдруг минуя
шархнет по дороге
И тенью «мессера»
возникнет поутру.
Что минуло давно,
что было лишь вчера,—
На нитку памяти
нанизано, как бисер:
И журавлиный клин,
что прокурлыкал в выси,
И пушки на плотях
ревущего Днепра.
И зори вешние
родимого села,
И сизый ободок
последнего патрона...

Все, все — посписочно,
поденно, поименно —
В сусеках-закромах
мне память берегла.
Идет минувшее,
идет за мною вслед —
То скромной тропкою,
то бойкой автострадой,
То малой толикой,
то всей своей громадой,
И не в обиде я,
что мне покою нет:
Сопоставляя суть
и тех и этих дней,
Яснее разглядишь
все сущее земное,
И если ты сейчас
убьешь во мне былое —
Я вмиг погибну сам,
как нива без корней.

МУРЦОВКА *

Вы в жизни «мурцовку»
Когда-нибудь ели?
А слышали
Горькое слово «мурцовка»?
Спросите бойца
В пропыленной шинели,
Что рухнул на площади
В красной Каховке.
Спросите у тех,
Кто, раздетый и босый,
Громаду Магнитки
Плечом своим поднял.
Кто шел через голод,
И холод, и слезы
(Да, слезы!)
В рассветное наше сегодня.
...Хочу, чтоб столы
Под блинами трещали,
Чтоб в доме почаще
Бывали обновки.
Еще я хочу,
Чтоб порой вспоминали
О давней
о постной,
о горькой «мурцовке».

* Похлебка из воды и зеленого лука.

Кружева из бересты

Евгений
КОЛЕЗЕВ

Помните бажовский сказ «Огневушка-Поскакушка»?

«На месте костерка одни угольки остались, а старатели все сидят да на угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонькая. Вроде кукленки, а живая. Волосенки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже с голу́ба.

Поглядела девчонка веселыми глазками, блеснула зубенками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать. И так у ней легко да ловко выходит, что и сказать нельзя...»

На какой бы выставке ни экспонировались работы художника из Каменска-Уральского Владимира Федоровича Поспелова — на областной, зональной или республиканской, — больше всего посетителей собирается именно у скульптурки-сувенира «Огневушка-Поскакушка». Смотришь на развевающееся платье, раскинутые в озорном танце ручки девчонки-хохотуны и понимаешь: безгранична фантазия художника, его умение.

Чем творит мастер сказку? Может, инструмент у него какой особый?

— Инструмент, как говаривал Павел Петрович Бажов, известный — руки, — улыбается в ответ В. Ф. Поспелов. — Да еще, правда, твердый карандаш и скальпель.

Было время, когда руки художника держали традиционные кисть и мастихин. После окончания Нижнетагильского художественно-педагогического института руководил Поспелов изостудией во Дворце

пионеров города Березовского, что неподалеку от Свердловска. Тогда-то и смастерил он первую поделку из бересты, смастерил для нужд чисто житейских. Повертел-повертел ее в руках и решил украсить резьбой... А потом были долгие месяцы, за которые Поспелов проштудировал от корки до корки все, что написано о резьбе по бересте, о знаменитых шемогодских «плетельщиках деревянных кружев» — мастерах-умельцах из вологодских деревень, расположенных по реке Шемоксне, зачинателях единственного в своем роде промысла. По рисункам и фотографиям старался угадать художник секрет прелести такого простого и такого затейливого орнамента. Угадать, чтобы потом создать свой узор.

От сложного к простому шел Поспелов-художник в поисках «своего» материала. От простого к сложному искал он характерный «тугой», как говорит мастер, орнамент, по которому сегодня знатоки узнают работы члена Союза художников СССР В. Ф. Поспелова.

В его хитросплетениях узнаешь уральские лесные травы и луговые цветы. Потому и радуется он глаз и сердцу, потому и смотрится «как живой».

И еще один секрет простой прелести поспеловских поделок.

— Затейливый растительный орнамент, контраст светлой матовой бересты и темного в прорезях фона придает изделиям яркость и нарядность, — говорит о работах Поспелова заслуженный работник культуры РСФСР Д. М. Ионин. — Очень тактично вводит он в свои

изделия темное полированное дерево, которое не «спорит» с берестой, а подчеркивает ее природные качества.

Работу с берестой испокон веков называли ювелирной, однако делать из нее ювелирные украшения не решались. А Поспелов рискнул. И сотворенные его умением кольца, серьги, броши удовлетворяют вкус взыскательных знатоков.

Есть у Поспелова и свои ученики. Их даже не один десяток. Каждый вечер в учебном классе первой художественной школы Каменска-Уральского Владимир Федорович рассказывает ребятам о тайнах бересты, то отливающей янтаре́м, то манящей свежей голуби́зной зимних сумерек...

Кто он, Поспелов? Художник, обратившийся к исконно русскому материалу, или же народный мастер, поднявшийся до профессиональных высот? То ли работает уральский умелец в лучших традициях северной школы прорезной бересты, то ли становимся мы свидетелями рождения нового направления?

Пока спорят почитатели таланта, Поспелов продолжает творить. До глубокой ночи горит свет в его мастерской, точны в руках карандаш и скальпель.

*Фото и слайды на вкладке
Игоря Розина*

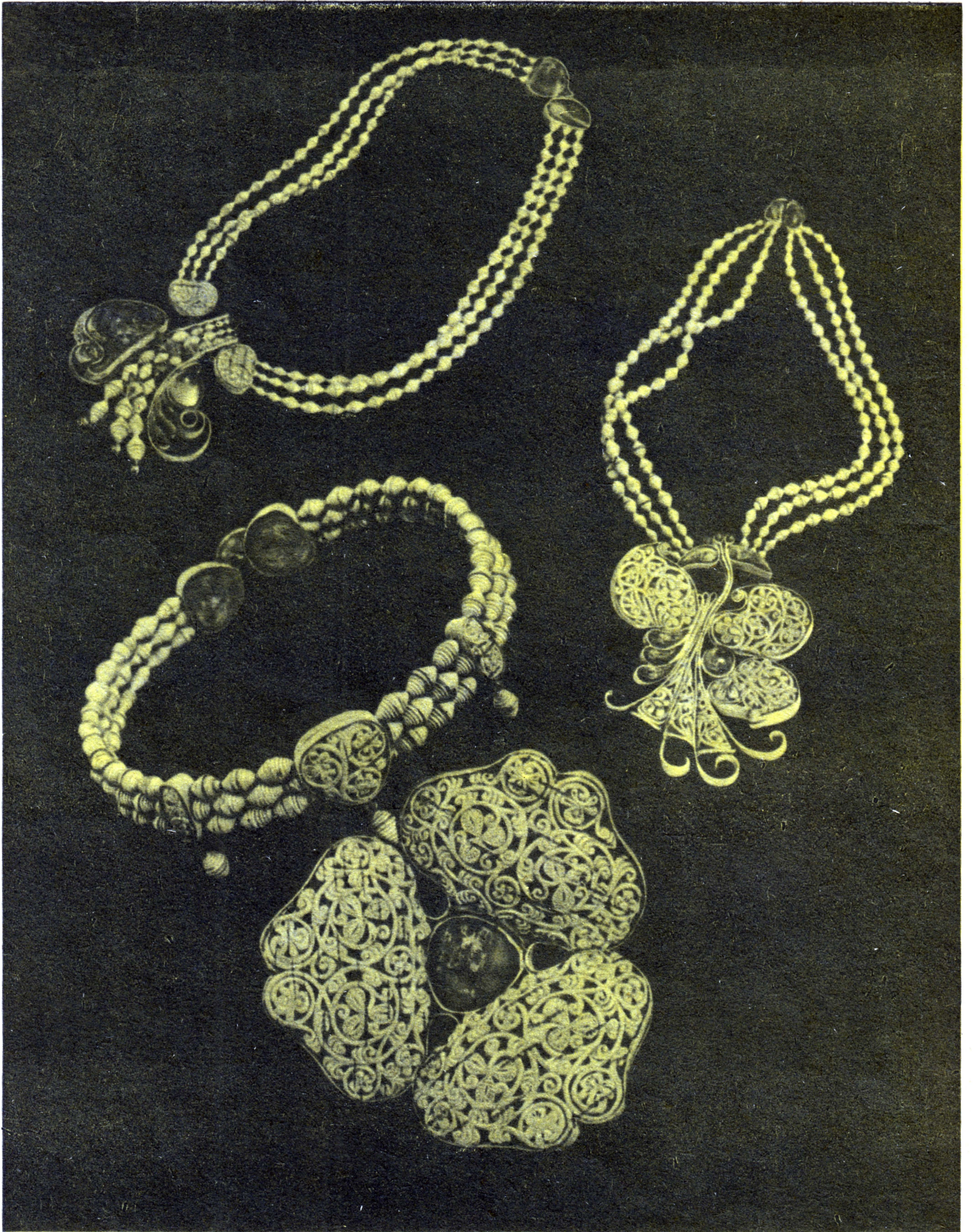

В. Пospelov
с учениками.

Нагрудное
украшение
«Праздничное».

Шкатулка
«Березовские
кружева».

Шкатулка
«Огневушка-поскакушка».

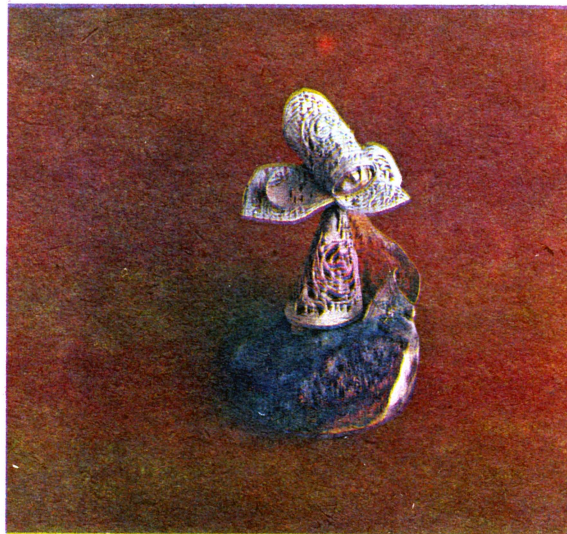
Колье «Праздничное».

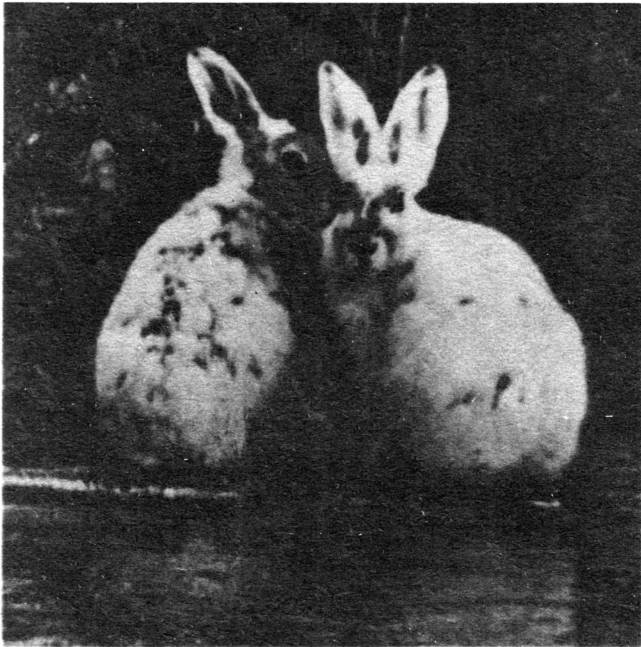
Подвеска «Пережат».

Нагрудное украшение
«Березовый звон».

Нагрудное украшение
«Праздничное».

Скульптура-сувенир
«Огневушка-поскакушка».

В КРУТЕ ЖИЗНИ

Олег
КАПОРЕЙКО

Только птицы да зайцы видели меня, принявшего из-за приступа радикулита форму вопросительного знака... Оставалось отлеживаться и ждать, когда отступит болезнь. Но разве улежишь, когда вокруг — на островке, на воде, в воздухе — кипит жизнь?!

Зайцы! Мелькают их шубки и почти белые галифе, слышны их шаги, похожие на шлепки, за бревенчатой стеной моего жилища.

Самое активное время для всех, кто жил возле меня, начиналось, когда солнце светило не так ярко и наступала тишина. Безмолвие тундры было не такое, что мы ощущаем в городе, когда он погружается в сон, без шума автомобилей и трамваев... Здесь птичье разноголосье. Вокруг избушки все трепещет, булькает, трещит...

...Катер ткнулся железным носом в берег. Спустили трап. Первым пересек на землю большой цинковый ящик. Полетели на берег брезентовый баул со спальными принадлежностями и теплой одеждой, резиновая лодка, бруски, доски, фанера, бочка с бензином, канистра с автолом и разная другая мелочь.

Катер, доставивший меня, отвалил, затем, спятившись на середину реки, погасил и, прибавив обороты дизеля, пошел вверх по течению.

Остался посреди вещей, разбросанных на берегу, сидел, словно загипнотизированный бегущей водой, простором, разгулявшейся буйной весной, до тех пор, пока не пропал шум катера...

В сотне шагов от берега должна быть избушка, в которой жил слепой шаман. Едва отошел я от реки, как сразу был атакован полчищами комаров, словно попал в их царство, и они, как воины, отважно отстаивали его. А отпугивающая мазь как назло — на самом дне ящика! Но комары исчезли быстро. Как потом выяснилось, это были прошлогодние кусаки, удачно пережившие зиму под глубоким слоем снега. Пригрело солнце, и они вылетели на охоту.

Белые фигурки зайцев четко выделялись на фоне серой земли. Заслышав шум уходившего катера, косые поднимались на задние лапки и с любопытством смотрели. Чудище-катер проходил мимо, и зайцы, замерев по стойке смирно, словно бы отдавали честь, провожая судно. Весна развернула свои силы так быстро, что зайцы не только не успели поменять свою зимнюю одежду, но и не остереглись полой воды, которая одним махом отрезала их от большой земли. Там, где островки были совсем крошечные, зайцам не хватало корма, к тому же они были на виду у врагов. Зайцы, что посмелее, не дожидаясь голодной смерти, бросались вплавать через бурные потоки. Там же, где водные пространства были велики, косым оставалось одно — ждать.

Остров, который приютил меня и зайцев, имел неправильную прямоугольную форму, двести пятьдесят шагов в длину. Куда ни глянешь — вода, холодная, снеговая, мутная, бурливая. Она неслась, страшно было смотреть на нее.

Перетащил вещи к избушке шамана. Дверной проем, как и два окна, были уже многие годы открыты. Зима один из углов набила снегом, от весеннего тепла он подтаял и превратился в лед. Здесь, под крышей, в постоянной тени, он может спокойно пролежать лето и дожидаться новой зимы.

Затянул окно, что смотрело на север, двойным слоем полиэтиленовой пленки, другое забия листом фанеры, оставил только щель для обзора сухой части острова.

Смогу наблюдать за жизнью островитян и когда буду пить чай, и с лежанки. На дверной проем повесил кусок брезента. Жилище было обжито совсем, когда послышалось бульканье вскипевшего чайника на «шмеле». Обязательно должен похвалить я этот агрегат для приготовления пищи. Он удобен в походных условиях, горит бесшумно, в отличие от примуса, вода в трехлитровой посудине закипает за пятнадцать минут. «Шмель» легок, «питается» бензином всех марок, а не только осветительным керосином, ставшим почему-то за последние годы дефицитом...

Вспоминая обо всем этом, я лежал. Только видел и слышал, что творится на острове. Называется, добился железаемого, забравшись за тысячу километров. Когда отступит проклятый радикулит?! Всюду гуляла весна. Разворачивалась необычайно скоро, и нескончаемо тянулись к необъятным просторам тундры гуси, лебеди, утки, кулики, чайки. Всем им эта земля подарила жизнь, и сюда неизменно возвращались они.

На четвертые сутки я сказал себе: надо действовать! Выход один — активные движения наперекор боли. Поднимаюсь с лежанки, всовываю ноги в болотные сапоги, облачаюсь в штормовку, беру фотоаппарат. И вот я уже вышел из дверей, иду вдоль реки, туда, где видел несколько дней назад зайцев. Шагаю с большим трудом.

Вода уже выше колен, бьется холодными струями о голенища сапог. Впереди плотной изгородью встают кусты ивы, наклоненные в одну сторону. В тундре, где всегда беспрепятственно гуляют ветры, главный из них северный, на это указывают кусты. Компаса не надо: ветви вместе со стволами тянутся к югу. Получается наклонная изгородь, и преодолеть подобное препятствие длиною даже в сотни метров дело не простое.

Густые заросли, вода под ногами. Такая ходьба должна усмирить боль. Когда на втором дыхании выбрался на маленький островок, было одно желание — унестись на сухую моховую подстилку и лежать. Зайцы стояли, будто березовые пеньки, уставившись на меня. Встреча длилась секунды. Косые бросились врассыпную. Куда? Вода кругом, далеко не убежишь. Приготовив фотоаппарат, решил их искать. Это оказалось не таким уж простым делом. Островок небольшой, а зверьки словно сквозь землю провалились. Нашел одного! Вернее, наткнулся, чуть не наступил на него. Зверек лежал, прижавшись к земле, в карликовых березках. Нас разделяло расстояние чуть более метра. Не только мои нервы, но и зайчи были напряжены. Лишь успел щелкнуть фотоаппаратом пару раз, как мой косой не выскочил, а прямо-таки выбросился из берез, дал деру, опять затаялся. Чтобы поднять остальных зайцев, мне пришлось еще изрядно попеть на островку. И всякий раз косые, прежде чем покинуть укромное место, подпускали совсем близко, а затем убегали и исчезали.

Сейчас вспоминаю, как же ловко прятались зайцы даже в такой скудной растительности, а порою почти на голом месте. Укоренилось представление, что заяц трус, беззащитная зверушка, ее все обижают. Так ли это? Да, при опасности заяц спасается бегством, но это не трусость, а скорее осторожность и самозащита.

Умение быстро бегать — главное, но не единственное для зайца средство уберечься. Природа наделила его и другими защитными приспособлениями: зимой его шкурка приобретает белую окраску, летом — серую. Но, случается, снега еще нет, а заяц уже вылинял, поменял одежду, или, как в народе говорят, выцвел. Вот тут-то

зайцу приходится приспособливаться быть незаметным. Найдет павшую березовую колоду, прижмет к ней, замаскируется: пройдешь мимо — не заметишь.

А осторожности зайцу не занимать. В одном из рассказов М. И. Пришвина «Зайцы-профессора» читаем: «Научились в тот год «профессора» с подъема жарить по прямой версты три и кружить в одном болоте, покрытом густейшим ельником. Собака едва лезет в густели, а он ковыль-ковыль тихонечко с кочки на кочку, посидит, послушает, скакнет, ляжет. Пока собака разберется, он отдохнет и опять ковыль-ковыль по болоту...»

И вот здесь, в тундре, наблюдая как зайцы храбро бросались преодолевать водную преграду, трусами их опять же никак не назовешь. Смельчаки!

Зайцы зайцами, а с моей поясницей произошло чудо. Возвращаясь в жилище, я почувствовал себя императором острова. Пока я здесь, все, кто живет на нем, должны подчиняться мне. Хочу — погоняю зайцев, хочу — подниму с гнезда утку, проверю, сколько в нем яичек. Но чувство хозяина развеялось сразу, едва был атакован птицами. Поочередно, набрав высоту, они смело пикировали, стараясь ударить клювом непременно по голове. От такой неожиданной встречи я, подобно моим зайцам, обратился в бегство. Птицы отстали, когда спрятался в избушку. Так понял, что поторопился объявить себя хозяином острова. Им уже владели полярные крачки. Другие птицы, а их было немало, завидя меня, с легкостью оставляли свои гнезда.

Сразу от стен избушки начиналась моховая поляна, окаймленная зарослями ивы. Были тут гнезда желтых и белых трясогузок, кулика-мородунки, овсянки-крошки, азиатского бекаса, уток связыи, чирка, а также тундровой куропатки. Гнезда всех этих птиц были надежно упрятаны, замаскированы от постороннего глаза, от лишнего солнца, от холодного ветра и дождя. Среди прочих обнаружил я гнездо, которое не прикрывало яичек. Почему? На этот вопрос ответили полярные крачки.

Чтобы наблюдать за крачками вблизи, пришлось поработать. Сколотил каркас скрадка, связал его жестко, чтоб порывистый ветер открытых мест, частый гость тундры, не смог в один момент расправиться с моей работой. Обтянул каркас мешковиной. Забрался в скрадок, плечами уперся в перекладину. Встал и... скрадок на удивление всей округе двинулся. Крачки, конечно, атаковали и его, но я этого не видел, так как смотрел под ноги. Вот и гнездо крачек. Два зеленоватых яичка, лежащих на мху в маленькой ямке.

Крачки вовсе не собирались пугаться неведомого строения. Смело подлетев, одна из птиц уселась согреть свое потомство, другая была рядом. Кто мать, кто отец семейства определить невозможно: внешние признаки, окраска одинаковы. Можно было только догадываться, что птица, больше сидевшая на гнезде, — это мамаша.

Полярные крачки... Смотрю на них и не верится — такие невеликие птицы, а рекордсмены. Нет равных им в сверхмарафонских перелетах от тундры к местам зимовок. За Полярным кругом — на островах Ледовитого океана, на севере Канады, в Гренландии, на территории от Мурманска до Чукотки гнездятся эти маленькие птицы с черной шапочкой на голове и ярко-красными клювом и лапками. Прилетая в дальние края ранней весной, крачки выводят свое потомство и, покидая родные места, летят обратно на юг. Но те края, где проводят птицы зиму, теплыми не назовешь. Это — Антарктида. Почти восемь месяцев не видят крачки ни захода, ни восхода солнца, а только полярный день. Но не у всех крачек одинаков по длине путь перелета на зимовку. Если из канадской тундры до Антарктиды крачки преодолевают путь длиною около 18 тысяч километров, то с Чукотки птичьа дорога куда длиннее. Крачки вначале летят вдоль побережья Ледовитого океана, достигнув берегов Скандинавии, огибают их, поворачивая к берегам Африки, таким образом пролетая весь земной шар от

макушки до макушки. Дорога крылатых марафонцев составляет почти 30 тысяч километров.

В тундре установился полярный день, света для съемок хватало, и почти все время проходило в работе. Я наблюдал за зайцами, проводил учет пернатого населения острова. Одни птицы приступали к насаживанию потомства, у других оно должно было вот-вот появиться на свет.

Серебристые чайки... Коренные жители здешних мест — пенцы — зовут их «халеями», то есть разбойниками. Они не только могут разорять птичьи гнезда, но и смело хозяйничают в рыбацких сетях. Если сети стоят глубоко в воде, одна из птиц, ныряя, цепляется, словно крючком, ланкой верхний поводок снасти и, подобно маленькому вертолету, поднимает над водой. Тем временем другие чайки начинают пир. И, случается, так искусно проведут разделку рыбы, что по рыбьим скелетам не сразу разберешься, то ли в сетях были мускуны, то ли цокуры, то ли язи.

Сильные чайки в поисках корма совершают облет большой территории. Найдя добычу и предвкушая хороший обед, подолгу парят в воздухе. Серебристые чайки строят гнезда тоже открыто, но в труднодоступных местах. К ним ни на лодке, ни пешком не доберешься. Однажды, отыскивая гнездо халея, я не нашел его, но поймал птенца. Малыш покидал свой временный дом и скрывался среди карликовых березок. Ему от роду не было и десяти дней, а поймать его было не так-то просто, потому что сверху к тому же атаковали чайки.

В один из дней, наблюдая за крачками, я увидел неожиданное. Над островком появилась ворона. Ее приближение подняло на крыло не только крачек, но и серебристых чаек. Птицы, забыв о своих недавних ссорах, стремительно набросились на серую разбойницу. Это был настоящий воздушный бой. Ворона решила уйти высотой. Просчиталась. Из нее посыпались перья, ворона пустилась на новую хитрость, чтобы выжить из колпака окружения. Она, сложив крылья, камнем пошла к земле. Прикинулась мертвой, но не долетев до земли несколько метров, юркнула в кусты. Спаслась. А в воздухе скользили белыми молниями победители.

Дружба чаек и крачек длилась недолго. Крачки мгновенно перестроились, повернули свое оружие против халеев. Своим поведением будто хотели сказать: «Спасибо, соседи, за помощь, нам с вами хорошо, но без вас лучше». Такие они, полярные крачки — птицы с характером!

Время перевалило за полночь. Собираясь отправиться к «марафонцам», я задержался. Мое внимание привлек заяц на самой кромке песчаной косы. Что он там делал? Заяц подпустил близко и, похоже, не собиравшись убегать. Он смотрел на меня внимательно. Нос и усы двигались. Он словно бы говорил: «Кто ты такой? Чего тебе надо? Не выдишь разве, что я заяц!» Зверек не бросился в воду, он как-то неестественно, боком, боком проплелал возле моих ног. И, когда миновал меня, дал стрекача.

Встреча с зайцем длилась меньше минуты, но я успел «расстрелять» чуть ли не целую кассету пленки. И еще раз убедился, что зрение у зверька в сравнении со слухом никудышное, хотя его выпуклые глаза устроены так, чтобы видеть все вокруг себя. Заяц хорошо видит движущиеся предметы, но много хуже — неподвижные.

...Квадратное оконце. В нескольких метрах от него гнездо с двумя зеленоватыми яичками. Потрясенные моим приходом, крачки покинули его. Покружились, покричали и вдруг... Правильно, молодец, крачка! Она села на гнездо, проверила, все ли на месте, и прикрыла яички своим пуховым тельцем. Перезаряжаю пленку, а крачка слышит мою возню и только беспокойно стрекочет.

— Да не стрекочи ты, малышка, — говорю, — не беспокойся, не трону твою сокровище, у меня свои дела, у тебя свои.

Всякий раз, когда разговаривал со своими «марафонцами», они будто понимали мои слова, успокаивались. Было слышно, как шумела вода в протоке, кричали лебеди на соседнем озере да слышался шум пролетающих утиных стай. Птицы привыкли к скрадке, но не ко мне, к моему присутствию у гнезд. Когда я приходил на дежурство и прятался в домик, одна из крачек тут же усаживалась на гнездо, другая на крышу моего скрадка. Сквозь редкую ткань мешковины я видел красивые треугольнички птичьих лапок с такими же красными перепонками. Прикасаюсь к ним пальцем. Птица не обращает внимания, лишь переступает и нежно-нежно стрекочет.

Монотонно гудят комары, однообразное их пение убаюкивает, клонит ко сну. Пьянят запахи цветущей морюшки, багульника, голубики, андромеды. Тепло, даже слишком, не по-северному. Крачка сидит на гнезде с открытым клювом, дышит тяжело. Вдруг шум и крик. Не понял сразу, что к чему. Глянул в оконце: на острове переполох. Кто потревожил птиц?

Не раз приходилось наблюдать, как при появлении противника с воздуха или с земли крачки оповещали всех живущих рядом с ними громким пронзительным криком «кирри-кирри-кирри». Все, кто в это время был в отлучке, кормился или отдыхал невдалеке, спешили к своим гнездам. Правда, иногда слишком бдительные стражи мохового острова поднимали ложную тревогу. Вот и на сей раз причиной беспокойства крачек были бедолаги-зайцы. Скитающиеся на острове в поисках пищи, они своим облезлым видом наводили страх на птиц. И те нападали на косых. Заячьи уши, самое незащищенное и уязвимое место, попадали под удар острого клюва. Полная несправедливость: кому-кому, а косым гнезда крачек были просто ни к чему. Откуда знать об этом моим «марафонцам»? Они дружно бросались на лопоухих. Крачки пикировали стремительно, стараясь ударить зайцев по кончикам ушей.

Недалеко от полярных крачек было гнездо кулика-мородунки. Это птица размером со скворца, с длинным изогнутым клювом, с желтыми ногами. Всякий раз, когда я подходил к мородунке, сидящей на гнезде, птица покорно сходила с гнезда и, бегая поблизости, громко кричала, подергивая хвостиком. В сухом гнезде, выстланном травинками, лежали четыре палево-серых с бурыми крапинками яичка.

В один из дней решил понаблюдать за мородункой. Одев на себя домик из мешковины, потихоньку покинул «марафонцев». И что же! Крачки, привыкшие к скрадке, полетели за мной. Возле кулика я остановился. Одна из крачек уселась на гнездо мородунки, другая на крышу моего скрадка. Слово они были у своего родного гнезда. Кулик тем временем бегал в нескольких метрах от этого места и беспокойно кричал. Прогнать крачек он явно не релался. Пришлось защитить мородунку, пристыдить своих знакомых. Я сказал: «Зачем обижаете беззащитных?» И ведь поняли, улетели всеюси. Через час они вновь появились и опять улетели. Вновь вернувшись к скрадке, они требовали возвращения его на старое место. Пришлось вернуться.

...Близилось время собираться в дорогу. Со дня на день должен был прийти катер. Наблюдая за жизнью полярных крачек, я сделал вывод, что они — не только хорошие хозяева, но и сторожа. Благодаря их надежной охране ни одно гнездо птиц маленького заячьего островка не было разорено. А как же зайцы? Только сошла вода — покинули приютившую их землю. Разбежались по тундре. Уехал и я. Мой путь лежал дальше, в глубь холодной земли, на север, туда, где весна еще продолжалась...

Фото автора

**Владислав
КРАПИВИН**

Рисунки
Е. Стерлиговой

Повесть

ПРАЗДНИК ЛЕТА В СТАРОГОРСКЕ

Капитанская церковь стояла у маленького пруда, на плоском берегу. Вода подходила вплотную к одной из стен. Стены, колокольня и купола были обшарпанные, забор из кирпичных столбов с решеткой покосился и поломался, у фундамента росли метровые сорняки. Но сейчас, при свете яркой луны, церковь была таинственной и красивой. Тянул ветерок, бежала к берегу маленькая рябь, и казалось, что церковь плывет над водой.

Мы посидели в кустах сирени, огляделись. Кругом не было ни души. Только ночные кузнечики трещали с такой же силой, с какой светила луна. Просто уши чесались от их сухого трезвона.

Мне что-то не очень хотелось в темную внутренность церкви, где могила. Конечно, сейчас не времена Тома Сойера и никто не верит в привидения и гуляющих мертвецов. Но все-таки... Ерема вот про каких-то ведьм рассказывал. Может, и тут...

Но гораздо страшнее будет, если о таких моих мыслях догадается Юрка. Поэтому, когда он прошептал «пошли», я лихо бросился к теневой стороне церкви. Здесь было нужно нам окно.

У стены мне сразу стало не до страха. Юрка, конечно же, выбрал окно, под которым самый колючий татарник и самая жгучая крапива. Я свечкой взвился из сорняков, вцепился в высокий подоконник и зацарапал по штукатурке сандалиями и коленями. Они скользили. Стена оказалась покрыта тонкой пластиковой пленкой. Вот про какую консервацию говорила тетушка! Пленка защищает от дождей и ветра кирпичи и штукатурку старых зданий.

Я царапался на стене, пока Юрка не подтолкнул меня в пятки. Я вцепился в решетку и оказался на подоконнике. Юрка подхватил и буквально кинул ко мне Янку. Протянул мне напильник.

— Смычок...— сказал Янка.

— Пускай в траве полежит, что ему делается...

— Нет,— сказал Янка.— Нельзя так.

Юрка молча протянул смычок. Легко забрался к нам.

— Гелька, давай первый. Ты там все знаешь.

А что я знал? Заходил один раз на несколько минут, ничего толком не запомнил... Ну, ладно.

Я стал протискиваться между квадратными прутьями решетки. Сорвал на рубашке пуговицы и слегка ободрал живот. Наконец пролез, осветил на каменный пол и прыгнул— в холод пустого кирпичного помещения. Плиты крепко стукнули по подошвам. Сразу же рядом легко скакнул Янка. А Юрка, видимо, застрял: сопел и возился в окне.

Желтые круги от моего и Янкиного фонариков заметались по церкви. Но и без фонариков было светло. В решетчатые окна светили сразу две луны. Одна с высоты, другая из пруда— отраженная. От настоящей луны упирались в пол и стены снопы тонких лучей. А отражение бросало снизу вверх рассеянный дрожащий свет, который поднимался к самому куполу. Под куполом тоже светились окна— узкие, как щели...

Юрка наконец прыгнул рядом с нами— так, что под куполом загудело. Мы даже присели и притаились на полминуты. Выключили фонарики. Потом Юрка недовольно прошептал:

— Ну, где тут...

Я помнил, что могила, кажется, налево от входа. А где вход-то? Ага, вон там...

Мы пошли вдоль стены. Она была заставлена двухметровыми штабелями ящиков и картонных коробок. Но штабеля были не сплошные и не везде примыкали к стене. Между стеной и ящиками оставались проходы. Мы ежились от холода и пробирались по этим проходам. Светили фонариками в щели. И вот луч нащупал наклонный брус, тяжелое кольцо и цепь с перемычками в звеньях.

Окончание. Начало в № 1.

— Здесь...

— Тут не повернешься,— пробормотал Юрка.

Мы стали хватать и складывать в стороне коробки, они были очень легкие, только одна оказалась увесистой. Скоро ниша открылась. Плита и трехметровый якорь оказались на виду. Свет фонарика будто вылепил на плите выпуклые буквы.

Янка сел на корточки и провел по буквам ладошкой. Оглянулся на нас. Глаза у него блестели от фонариков. Он сказал вполне серьезно:

— А если капитану это не понравится?

Я думал, Юрка сейчас огрызнется: мы не суеверные бабки. Но он ответил так же серьезно:

— Мы же только чуть-чуть поскребем. Жалко ему, что ли, для хорошего дела...

Конечно, это же не я спросил, а Янка!

Янка встал, Юрка сказал мне:

— Дай напильник. А то вы только чешетесь... (Мы с Янкой то и дело почесывали искусанные в сорняке ноги и локти.)

Под треугольную лапу якоря Юрка подстелил чистый бумажный лист. Начал скрести лапу напильником. Так громко! Эхо в церкви будто замахало большими крыльями. Мы с Янкой съежились. Но Юрка скреб как ни в чем не бывало. Сперва посыпалась ржавчина, Юрка сдул ее с листа. Потом стал падать на бумагу темный тяжелый порошок.

Скрежет напильника стал ровнее и тише (а может, я привык). Янка светил Юрке, а я выпрямился и огляделся. Теперь уже спокойно, не торопясь.

Лунный свет заполнял пустоту помещения. Отражался от стен, уходил ввысь. Лучи высвечивали ящики и квадратные плиты на полу. Стены были покрыты полустертыми темными картинами, на них проступали смутные фигуры. Вокруг их наклоненных голов слабо светилась позолота. Я взглянул выше. И вздрогнул...

Из-под купола на меня смотрели большие глаза. Живые.

Я чуть не вскрикнул!

Но это были не страшные глаза. Ничуть. Просто печальные. Разглядел я и лицо. Оно было темным, но в трепещущем свете лунного отражения можно было различить и его. Худое и грустное лицо. Это была женщина в платке, который плотно охватывал голову. Женщина прижимала к себе ребенка. Головы ребенка я не увидел, облупилась штукатурка, но хорошо видны были маленькие руки. Ребенок обнимал женщину, он положил свои ладони ей на плечи у самой шеи. Ласково так обнимал. А она смотрела, будто очень тревожилась за малыша, боялась, что его отберут.

Я глядел и просто оторваться не мог от этих глаз и ребячьих ладошек. Почему-то грустно сделалось, но это была хорошая грусть. Я про маму стал думать...

Она так давно уехала в Ярксон, месяца три назад. Я уже успел в пятый класс перейти, свои десять лет без нее отпраздновать, и вот уже каникулы перевалили через половину, а я все без мамы. В прошлом году тоже уезжала. Потому что у папы там «чудовищно трудная работа», его нельзя оставлять одного... Папу я вообще больше года не видел по-настоящему, только на экранах видефона. Правда, скоро у него отпуск, и они вместе с мамой приедут в Старогорск. Но «скоро» это когда?

Юрка перестал чиркать напильником. Зашуршал бумагой — свернул пакетик. Я быстро опустил глаза: не хотел, чтобы он заметил, куда я смотрю. Еще скажет что-нибудь...

— Дело сделано, — сказал он. — Двигаем?

Мы с Янкой стали загоразживать коробками нишу. Опять попалась тяжелая, я ухватил ее за картонный клапан, он оторвался. Посыпались какие-то проволочки.

— Бенгальские огни! — обрадовался Юрка.

— Ну и что? — сказал я. — Лучше помоги...

— «Что!» А от какого огня надо зажигать искорку? Там сказано — от праздничного. А это как раз самые праздничные...

— Оставь! Ты рехнулся? Получится, что мы воры.

Юрка зло засопел, огрызнулся:

— Подумаешь, три штучки хотел взять. Они копейки стоят. Я могу полтинник в коробку положить. Вот...

— Не надо, — сказал Янка. — У нас дома есть бенгальские огни. С Нового года в игрушках завалялись.

Мы молча поставили в штабель последние коробки и пошли к окну. Грудью и плечами пересекли мы лунные лучи — тонкие, прямые и даже какие-то ощутимые. Будто тысячи стеклянных нитей. Мне даже показалось, что они тихонько лопаются перед нами.

Я шепотом сказал Янке:

— Как струны...

И он сразу понял. Он остановился.

Поднял смычок, осторожно ввел его в сноп лучей. Смычок заискрился.

— Я загадаю... — сказал Янка.

Юрка, обернувшись, молча смотрел на него. Лицо у него стало тонким, большеглазым, бледным от луны. Будто и не Юрка.

Янка повел смычком. И лунные струны зазвучали тихо-тихо, но ясно. Я не удивился. Я даже знал, что так будет.

Янка двигал смычком, и на полу двигалась его вытянувшаяся черная тень. А смычок отбрасывал искорки, и звучала мелодия. Еле слышная, но хорошая-хорошая. Ласковая, вроде колыбельной песенки: «И если были слезы в этот день, придет другой...» И я опять подумал про маму.

Что-то темное мелькнуло за окном, лучи порвались на миг, музыка стихла. Мы вздрогнули и

прислушались. Но все было спокойно. Видимо, просто мимо окон пролетела ночная птица.

На улице, когда уже прощались, я спросил Янку:

— А что ты загадал? Там, в церкви...

— А... Я подумал: если будет музыка, значит, все будет. Искорка зажжется. Ну и вообще все хорошо...

Я кивнул. Я этого и ждал. Но Юрка мне напомнил:

— Жми домой. Тетушка с бабкой, небось, уже в колокола бьют.

И они с Янкой опять ушли вдвоем.

А я что ж... Я побрел к дому.

В доме горел свет. Даже больше, чем всегда. Во всех комнатах! И металась тень. Конечно, меня ищут и ждут.

Я поднялся на крыльцо покорный и в то же время упрямый. Пускай делают что хотят. Пускай говорят любые слова, называют меня кем угодно, запирают на семь электронных замков. Пускай... хоть как в старинные времена, как того крепостного Янку-музыканта!.. Потому что настоящий, нынешний Янка и мой лучший друг Юрка даже не проводили меня до дома, чтобы сказать: «Гелька не виноват! Он с нами! Он ничего плохого не сделал!»

Не догадались? Наверно. Потому что Юрку никогда в жизни не запирали дома. Янка тоже вольный человек. Он не знает, как это можно бояться идти домой...

Я с опущенной головой протопал по освещенному коридору. Шагнул в прихожую...

Там такие яркие плафоны! Я зажмурился. Помигал.

На меня смотрела бабушка. Смотрела тетя Вика. И...

— Мама!..

Огненный рецепт.

Продолжение

Конечно, мама сразу простила все мои грехи. И не только потому, что я разреvelся.

А разреvelся я дважды. Сперва как только увидел маму. Облагил ее, ну и... в общем, не выдержал. А второй раз, когда узнал, что отец не приехал и приедет еще не скоро.

— Ну, почему?! Он же обещал!

— Сейчас ему не до отпуска, Гелик. Там на скважине странные дела. Совсем не те результаты, которых ждали.

Мне было наплевать, какие там результаты, но все же я сердито спросил:

— Какие?

— Скважина выходит совершенно не туда... Об этом даже не говорят пока. Ох, Гелька, я не разбираюсь в этих делах. Там что-то связано с теорией параллельных пространств. Всех посторонних просили уехать на месяц. Никто не знает, какой там может возникнуть эффект...

«Уже возник,— подумал я.— Папа не приехал, вот какой».

Но мама все-таки приехала! И теперь все будет по-другому.

— Ты меня завтрапустишь к ребятам?

— Ладно уж, бродяга,— улыбнулась мама.— Мы попросим тетю Вику больше не сердиться.

— Меня совершенно незачем просить,— отозвалась тетушка (она все еще торчала рядом).— Теперь воспитываете вы. А я... даже не знаю, кто я теперь...

И утром я помчался в вагон.

Мы начали колдовать.

Янка принес из дома пробирку от детского набора «Чудеса химии». Юрка — несколько иголок. Они неприятно блестели. Глеб достал флакон с одеколоном, обмакнул в него иглу и решительно ткнул себе в палец. Чертыхнулся.

Ерема сердито проскрежетал:

— Не могу я на это смотреть.— И ушел в свой угол. Мне захотелось туда же.

Глеб спустил с пальца в пробирку алую тяжелую каплю. Сказал Ереме:

— Терпи, старина. Мы будем с твоим Васькой кровными братьями.

Юрка, равнодушно посвистывая, взял другую иглу и сделал все, как Глеб. Янка весело попросил:

— Ну-ка, проколи мне, я не умею...

— Давай... не бойся,— сказал Юрка.

— Я ничего... пожалуйста...

Я и не заметил, как остался последний в очереди.

Я тоже обмакнул иглу в одеколон, чтобы сдохли микробы. Наставил ее на мизинец левой руки. Ткнул. Тихонько ткнул, а больно так, черт возьми!.. А если сильнее?.. Никогда не думал, что на пальце такая бегемотова кожа... Ой... Никакого толку.

— Дай кольну,— предложил Юрка.

Ну уж, дудки, это еще страшнее. Я опять ковырнул иглой мизинец.

— Да не надо, хватит ведь и трех капель,— вдруг сказал Глеб.

— Да? Шиш вам!.. Ой-я...— С испугу и со злости я всадил иглу так, что сразу закапало.

Мы всыпали в пробирку металлические опилки. Смесь тут же стала темно-бурой, неприятной на вид, и Юрка недоверчиво проговорил:

— Ерундой занимаемся. Вот увидите.

Мне тоже так показалось. Но назло Юрке я ответил:

— Чего раньше времени каркать? Высохнет — поглядим.

Пробирку вынесли из вагона и оставили у нагретого колеса — на самом солнцепеке.

Я забрался на штабель гнилых шпал. Пососал проколотый палец и окликнул Глеба. Глеб сел рядом.

— Слушай... посвисти ту песенку, «Вечернюю», — попросил я. — Про которую ты писал...

Глеб не стал спорить. Улыбнулся и просвистел целый куплет. Спросил:

— Значит, прочитал мою писанину?

— Да. Только не до конца еще... Глеб, а слова помнишь?

— Не все... Начинается она так...

— Подожди. «Когда уснут дома и корабли, и птицы все...»

— «И звери все, и травы...»

— Точно! Глеб, я ее слышал.

— Где?!

— У себя на крыше. Давно...

И я рассказал Глебу про шепот звезд, про приемник и зонт.

— Только никому не говори, ладно? А то дразниться будут — звездная антенна из дырявого зонтика.

— Не скажу, — пообещал Глеб. — Хотя что тут смешного?.. А за песенку спасибо, Гелька. Это же для меня... Ну, как весточка. Значит, все же есть на свете земля, где я жил...

— Есть, конечно, — сказал я.

Глеб снова тихонько засвистел «Вечернюю песенку». Я стал ему подсвистывать, забыв, что слух у меня «как у больной курицы». И Глеб не остановил меня, а придвинул к себе и обнял за плечо.

— Глеб, а Янке ты ее не напевал?

— Нет.

— Он вчера играл похоже...

Янка будто услышал нас. Подбежал.

— Смотрите!

Он разжал кулак и показал пробирку. За тонким стеклом блестел серебристый порошок.

Мы смазали клеем стерженек бенгальского огня, только головку оставили для запала. Обсыпали клей порошком. Клей быстро застыл, порошок присох, палочка бенгальского огня сделалась такая же, как раньше. Только чуточку посветлее.

— Зажигаем? — спросил Янка.

Глеб достал спички. Все замолчали. Я почувствовал внутри замирение. Получится? Бывают на свете чудеса? Янка в Капитанской церкви загадал, и вышло, что бывают. Но вот он тоже стоит, замерев. Подошел Ерема...

Юрка держал серебристый стержень за проволочный хвостик. Глеб чиркнул, поднес огонек...

Полетели искры, затрещало, но тут же бен-

гальский огонь зачал и погас. Никакой искорки не осталось.

Глеб нахмурился, зажег вторую спичку, но бесполезно. Запал бенгальского огня сгорел, и на этом все кончилось.

Мы стояли поникшие и уже без всякой надежды. Но Глеб зажигал спичку за спичкой и держал, пока пламя не обжигало пальцы. Тогда он ронял ее и каждый раз говорил:

— Ах ты, черт, какая досада...

Я мельком подумал, что в конце концов мы спалим вагон. Однако тут кончился коробок.

— Д-да...— уныло сказал Глеб.

— Нелогично,— подал голос Ерема.

— Что нелогично в твоей башке?— огрызнулся Юрка.

— Огонь — не праздничный.

— Как это не праздничный? Это фейерверк для Нового года и вообще...— возразил Глеб.

Ерема сказал:

— Нового года сейчас нет. «Вообще» тоже нет. Никакого праздника. Огонь — не праздничный.

— А в самом деле!— обрадовался Янка.— Надо праздника дожидаться! Тогда — пожалуйста!

— Нового года ждать?— с досадой спросил Юрка.— Когда еще бывают всякие фейерверки и огни?

Я сказал:

— А летний карнавал!

Третья часть

КАРНАВАЛ

Копья волшебной стражи

Детский праздник лета в Старогорске бывает каждый год. Он открывается в начале августа и тянется целую неделю. Ребята стараются в это время не уезжать из города. А те, кто в летних лагерях и на дачах, к празднику спешат домой.

Еще в июле на рекламных щитах, на тумбах, а то и просто на заборах появляются разноцветные плакаты:

ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ!

СКОРО ВАШ ПРАЗДНИК!

ВСЕ, КТО ХОЧЕТ ПОМОЧЬ

**ПОДГОТОВИТЬ КАРНАВАЛ, КОНЦЕРТЫ,
СОСТЯЗАНИЯ, АТТРАКЦИОНЫ, ПРАЗДНИЧНЫЕ
ШЕСТВИЯ И ВЕСЕЛЫЕ ТАНЦЫ У ВЕЧЕРНИХ**

КОСТРОВ,

ПРИХОДИТЕ В ЛЕТНИЙ ПАВИЛЬОН

ГОРОДСКОГО ПАРКА!

ДЕЛО НАЙДЕТСЯ КАЖДОМУ!

ЖДЕМ!

Вот и сейчас по городу были расклеены такие объявления. С нарисованными клоунами, пестрыми флагами, звездами и трубачами. Некоторые плакаты были очень большие, один — даже с пятиэтажный дом. Он и висел на таком доме, на глухой узкой стене, которая выходила в Почтовый переулок напротив нашей школы. На плакате нарисованы были мальчишки в голубой форме с аксельбантами, серебряными нашивками, с перьями и галунами на беретках. Двое мальчишек били в красные высокие барабаны со шнурами, а третий держал перед собой длинный свиток. На свитке — те же слова: «Приходите, помогите, участвуйте...»

— Детский сад...— пробурчал Юрка.

— Никакой не «сад»,— сказал я.— Там и старшекласники участвуют. В прошлом году разве плохо было? А главное, узнаем, где какие будут иллюминации и фейерверки, чтобы зажечь искорку.

Юрка опять что-то пробурчал, но больше не спорил.

Мы пришли в длинный павильон, в котором было много ребят. Они таскали бумажные рулоны, связки флажков и фонариков. Шум стоял, где-то неумело и хрипло вякали фанфары.

Меня сразу узнала Марфа Григорьевна, боевая такая тетенька, она работает в парке много лет.

— А, Геля Травушкин! Какой ты молодец, что пришел! Ты ведь хорошо рисуешь красками, да? Я осторожно сказал, что не хорошо, а маленько.

— Ну как же «маленько»! Ты в прошлом году так замечательно разрисовал воздушных змеев! А сейчас надо раскрасить щиты волшебной стражи. Всякие там фигуры и гербы нарисовать... А ты, мальчик, что умеешь делать?— Это она к Янке.

Янка растерялся, пожал плечами. Я сказал:

— Он играет на скрипке. Как артист.

— Правда?!— обрадовалась Марфа Григорьевна.— Какая удача!.. Виталий Гаврилович, сюда! Для вас пополнение, скрипач нашелся!

Подскочил круглый дядька с веселыми глазами и с бровями, похожими на черные кляксы.

— Что? Скрипач? Кто? Ты?— Он уставился на меня.— А, нет, конечно... Вот ты!— Он прямо затанцевал перед Янкой.— Оч-чень замечательно! Как зовут? Янка! Преч-чудесно! Пойдем-ка, дорогой...

Он поволок оробевшего Янку к столику. Вытащил блокнот, стал что-то записывать, спрашивать. Янка отвечал шепотом.

Марфа Григорьевна стала мне показывать картинки с рисунками рыцарских щитов и гербов. Я кивал и ничего не понимал. Потому что меня беспокоил Юрка. Он стоял неподалеку, у пластмассовой кадки с большой, но чахлой пальмой. Прищуренно поглядывал на «детсадовскую»

суету и шевелил под щекой языком. Вот-вот плюнет и скажет: «Да ну вас вместе с вашими карнавалами». Но пока он молчал и только барабанил пальцами по краю кадки. Она была с землей, но гудела, как пустая...

Виталий Гаврилович вдруг оставил Янку. Шагнул к Юрке.

— А ты, друг мой, на чем играешь?

Юрка уперся в него насмешливыми глазами. И я понял: сейчас он вежливо скажет, что играет исключительно на нервах школьных педагогов. И нас вытурят отсюда.

Конечно, Юрка так и сказал. Но Виталий Гаврилович не рассердился:

— На нервах, это само собой. А еще?

— Все,— насупленно сказал Юрка.

— Не может быть. И на ударных не играешь?

— Я? — хмыкнул Юрка.

— Но ты же не станешь отрицать, что сейчас выстукивал «Токкату для ударных инструментов» Горнера? Третью часть.

Юрка шевельнул бровями. Приподнял подбородок. И проговорил со спокойной усмешкой:

— Даже и не знал, что в ней три части.

Виталий Гаврилович задумчиво оттянул и отпустил нижнюю губу — она щелкнула, как резина. Несколько секунд разглядывал Юрку в упор. И решительно сказал:

— Пошли!

— Куда?

— На репетицию, друг мой! Мне нужны барабанщики.

Я глянул на Юрку с завистью и досадой. С завистью — потому что везет же людям! В барабанщики мечтают попасть все старогорские мальчишки. С досадой — потому что Юрка откажется. Для него это, конечно, «детские пляски на лужайке». Разве его заставишь нарядиться в штанишки с позументами да в рубашку со шнурами и маршировать с барабаном на глазах у толпы?

Сейчас он ответит этому Виталию Гавриловичу...

Но Юрка странно молчал. Потом спросил, кивнув на Янку:

— А он?

— А он — скрипач. Каждому фрукту своя корзинка... Но вы рядом будете, все музыканты собираются в одном помещении. Пошли! Быстренько.

Что же, в самом деле всякому фрукту своя корзинка. Кому на скрипке играть, кому барабанивать, а кому кистями размалевывать фанеру.

Марфа Григорьевна составила из нас, из «художников», бригаду. В бригаде оказались четверо: тощая молчаливая девочка Оксана, два брата-близнеца лет восьми, похожие на деловитых мартышек, и я. Мы работали на поляне за па-

вильоном. Ловкие «мартышки» — Петька и Роман — подавали щиты и кисти, Оксана с рисунков переводила на фанеру всяких львов, драконов и королевские лилии, а я их расписывал нитрокрасками. Краски противно пахли, но работа мне нравилась. Только тетя Вика застонет, конечно: «Ах, Геля, где ты себя так разукрасил!»

Наконец, когда мы расписали двенадцать рыцарских щитов, «мартышки» в один голос попросились обедать. Оксана ушла с ними. А я... мне тоже есть хотелось, но я ждал: может, вспомнят про меня Юрка и Янка? Может, заглянут узнать, как я тут?

Я сел в траву у дощатой стены павильона и стал соскребать с себя краску. В штаны и в майку она въелась намертво, но от рук и ног отслаивалась легко, тонюсенькими пленками. Пленки были прозрачные, как разноцветный целлофан. Я смотрел сквозь них на солнце. Посмотрю, дуну и пушу по ветру, как бабочку... И вспомнил, как Янка играл на скрипке, а вокруг носились желтые и красные солнечные пятна. А Юрка слушал, уперев подбородок в кулаки...

— Гелька,— сказал Юрка.

Я вздрогнул. Повернулся. И не узнал Юрку. То есть узнал не сразу.

В новенькой форме барабанщика он стал совсем не такой, как раньше. Тощенький сделался, даже маленький какой-то. Как в тот раз, когда я разбил ему нос. И лицо казалось незнакомым, непривычно торчали уши. Успели Юрочку аккуратно постричь, и теперь над ушами и на шее у него белела незагорелая кожа.

Я подумал, что Юрка похож на сердитого страусенка Антона из многосерийного мультлика «Слон Буби и его друзья». Такой же тонконогий, тонкошей и насупленный, готовый огрызнуться. Было видно, что он стесняется своего парадного наряда с блестящими пуговками и с перьями на берете, но в то же время доволен, что попал в барабанщики.

Почему доволен? Может, он, как все мальчишки, тоже об этом мечтал, только скрывал? Или потому, что барабанщик — тоже музыкант, значит, поближе к Янке?

Ну, что ж... Я прищурил один глаз, а другим посмотрел на Юрку через желтую пленку (голубая форма стала зеленой, а серебряные галуны золотыми).

— Ничего,— сказал я небрежно.— Красив...

Юрка сердито пошевелил щекой, сплюнул в траву. Но сейчас это ему не шло. Он сунул руки в карманы, но кармашки были непривычно мелкие, штаны съехали, чуть не упали.

— Тьфу,— ругнулся он.— Обрядили...

— Дали тебе форму, так радуйся,— сказал я.— А то ежишься, как мышь в холодильнике.

Он зыркнул свирепо, но тут же примирительно сказал:

— Не понимаю, чего ты заводишься.

— Потому что завидно. Тоже хотел в барабанщики.

Пускай гадает, всерьез я это или дразню его. Юрка решил, что всерьез. Неуверенно сказал:

— Я там спрашивал... можно ли тебе. Но все места уже заняты.

— Врешь,— вздохнул я.— Ты не спрашивал, потому что у меня слух, как у больной курицы.

Юрка мигнул и сжал губы. Я увидел, что светлые полоски вокруг ушей у него порозовели.

— При чем тут слух, это же барабаны...— проворчал он.— Там правда мест нет... Чего ты...

Он вздохнул и неловко затоптался (ну, в точности, как страусенок Антон, который пришел просить прощенья у слона).

Да, здорово я его подцепил... А может, не надо? Я же не хочу ссориться. А если Юрка скажет: ну и катись ты от меня к чертям! Тогда я как?

Я быстро спросил:

— А с ногой-то что?

По правой ноге у Юрки вниз от колена словно кто-то провел крупной теркой.

— А!— будто обрадовался он.— Бежал да запнулся на дорожке. Там, где эта дурацкая статуя с веслом. Ка-ак брякнушь.

— До парада заживет,— утешил я.

— До парада нам надо сделать самое главное,— деловито сказал Юрка.— Придумать план, как зажечь искорку.

— Это запросто,— отозвался я, внутренне гордясь.— Это я беру на себя.

Дело в том, что всех нас, «художников», за нашу работу обещали записать в команду волшебной стражи. Перед началом парада и карнавала мы в серебряных шлемах будем стоять на башне, над разукрашенной аркой. На верхушке башни установят чашу для праздничного огня. Вроде олимпийской. Кто-то из ребят поднимется с факелом и зажжет огонь. Я к наконечнику своего копья примотаю наш стерженек с серебряным порошком и поднесу его к пламени. Других «стражников» я тоже подговорю зажечь на копьях бенгальские огни— тогда на меня никто не обратит внимания. Все решат, что так и надо: праздничный салют.

Этот план я и поведал Юрке. С намеком в голосе: пока вы там занимались вашей музыкой, я времени не терял.

Юрка сказал с одобрением:

— Голова у тебя работает. Только не промахнись там.

Я ответил, что, если я такой беспомощный растяпа, пускай Юрка сам все придумывает и делает. Или Янка... Я чуть не брякнул «твой Янка».

Но Юрка сказал миролюбиво:

— Я же ничего, просто предупредил... А Янка... Гелька, он прибежал?

— Здрате, я ваша бабушка с Юпитера! Вы же вместе ушли.

— А там нас в разные комнаты развели...

— Никуда он не денется,— сказал я.— Юрка, пошли обедать.

— Без Янки? Мы с ним договорились, что вместе... Пойду посмотрю, где он там...

— А! Ну давай...— сказала я.

И стало мне как-то на все наплевать. И на искорку, и на праздник, и на то, что кругом лето— самое хорошее в жизни время... А еще я вдруг подумал: «Почему все-таки не едет папа? Только из-за работы?»

Но к вечеру настроение у меня наладилось. Мы собрались в «Курятнике» и сидели до звезд. Глеб рассказывал, как он с ребятами в интернате строил из дырявой моторки трехмачтовый фрегат и как они чуть не потонули на пруду, и как им попало. Ерема что-то мурлыкал своим радиоголосом и при фонарике чертил на мятых листах будущего Ваську. Янка заглядывал ему через плечо и что-то советовал.

Юрка был тихий и непонятно задумчивый...

Потом дни побежали быстро-быстро. Я с «бригадой» мастерил доспехи для сказочных воинов и копья с наконечниками из серебристой пластмассы. Янка с музыкантами репетировал где-то на дальней эстраде в глухом углу парка. Юрка маршировал с барабанщиками. Барабанил он здорово. Я много раз видел, как он шагает на правом фланге второй шеренги, когда строй готовился к параду. Палочки у него просто летали над кожей красного большого барабана. К форме Юрка привык и уже не казался в ней маленьким и хилым. Ловкий он был, гибкий, быстрый такой. В общем, настоящий барабанщик.

Барабанщиков было много— двенадцать шеренг по восемь человек. На аллеях не очень-то развернешься, и случалось, что барабанный грохот раздавался на улицах. Промаршируют по городу и обратно в парк. И когда они шли по улицам, все радостно вспоминали: скоро праздник!

И наступил праздничный вечер. В сумерках парка взлетели и засверкали разноцветные струи фонтанов.

Мы— «волшебная стража» в шлемах из фольги, с пестрыми щитами и копьями— стояли на площадке фанерной башни. Вокруг большого факела. Это был трехметровый серебристый столб, а на нем— узорчатая чаша из латуни. Размером с хороший таз.

С высоты все было видно отлично. Всю главную парковую площадь, которую освещали прожекторы; шеренги трубачей в красных плащах; зрителей, которые обступили площадь кольцом. Кольцо только в одном месте было разорвано: там среди деревьев темнел выход из главной аллеи.

И вот оттуда появились барабанщики.

Они красиво шли, ровно. Все ближе, ближе. Колыхались перья над беретами, разом вскидывались руки над барабанами. И марш их звучал так весело! Потому что это был самый праздничный марш. Его подхватил оркестр, но не очень громко, чтобы не заглушать барабаны.

За шеренгами барабанщиков шла колонна ребят в масках и карнавальных костюмах. Над колонной качались громадные куклы (всякие сказочные звери, колдуны и клоуны), пестрые флаги и шары. Но я туда не смотрел. Я смотрел только на барабанщиков да еще на маленького мальчика — он шел за ними, впереди карнавальной колонны. Мальчик был в красной блестящей рубашке — как огонек. И в поднятой руке он нес факел с оранжевым пламенем. Пламя откидывалось назад, как флажок.

Мне зябко стало, и я весь внутри замер. Потому что вот-вот, через минуту, должно решиться: будет у нас живая искорка или нет?

«Вдруг не загорится?»

Марш барабанщиков казался уже не веселым, а тревожным.

«Ну, не загорится и не надо, — решил я себя успокоить. — Подумаешь, искорка! Ерема что-нибудь другое изобретет, а нам она и не нужна».

Но как это не нужна?

Если не загорится, значит, не бывает на свете чудес и сказочных загадок. Значит, лунная песенка Янки — обман!

И еще... Я верил, что, если добудем искорку, то она сдружит нас троих накрепко — Юрку, меня и Янку. А если нет...

Скорей бы уж!

Барабанщики подходили к воротам, над которыми возвышалась наша башня. Юрка шел, как всегда, во второй шеренге справа. Шел и смотрел вверх, на меня. словно молча напоминал: «Не прозевай!» Так, с запрокинутым лицом, он и прошагал под башню.

Остальные барабанщики тоже исчезли в воротах — шеренга за шеренгой. Скрылся последний ряд, и перед башней остался мальчик с факелом. Он по лесенке бегом поднялся к нам на площадку — будто огненная бабочка взлетела. Хороший такой мальчишка — маленький, лет семи, но смелый. И веселый — улыбка во все лицо, на носу веснушки светятся...

— Привет! — сказал он нам. Подмигнул и поднес факел к запальному шнуру. Огонь перескочил на шнур и неторопливо побежал вверх. Мальчик сунул факел в приготовленное ведерко с водой и стоял, глядя на бойкий язычок пламени. И все глядели. Огонь добрался до края чаши, спрятался за ним... и над чашей вспыхнула пламенная корона! Сразу где-то грохнуло, взлетели над черными деревьями гроздь ракет, запели фанфары, им отозвались далекие уже барабаны, а толпа закричала «ура», зашумела...

Пестрая колонна с флагами, куклами и шара-

ми растеклась по площади, превратилась в карнавальный хоровод.

Вот и пришла самая важная минута.

— Давайте, — сказал я ребятам. И мы придвинули к огненному краю чаши наконечники копий. На каждом — стерженек бенгальского огня.

Что же они не горят? Старые, испортились?

Но вот разом вспыхнули трескучие огоньки у братьев — Петьки и Романа. И у Оксаны. И у других ребят. Еще, еще... А у меня?

А у меня тоже горит! Ярче других! На кончике копья — ослепительный шарик, а из него летят гроздь белых звезд!

Горит, горит... Но ведь это недолго. Все реже, все мельче белые звездочки. А где искорка? Она зажглась? Как ее увидеть? В глазах — сплошь зеленые пятна от огня.

Да нет, была бы искорка, я бы ее разглядел. Значит, нет ее...

Все...

— Смотри, у тебя не совсем погасло, — раздался рядом звонкий голос.

Это мальчик-огонек. Он рядом стоял и смотрел вверх.

— Что? — сказал я. — Где?

Замигал. Сильно-сильно.

— Вон, — сказал мальчик. — Светлячок.

И я увидел на острие копья чуть заметную светлую точку.

Что? Правда?!

Какая маленькая...

Я перестал дышать. Осторожно-осторожно наклонил копье. Придвинул к лицу обугленный стерженек. Точка светилась на его верхушке. Но я слишком резко шевельнул копье, стерженек дернулся в сторону, а искорка повисла в воздухе.

Я, не веря, поднес к ней палец. Она не обожгла, не кольнула. Я придвинул к ней, маленькой, ладонь, тихонько сжал пальцы. Спрятал искорку в кулак. И ощутил в кулаке чуть заметное щемящее тепло.

— Поймал светлячка, — шепотом сказал мальчик.

— Ага... — сказал я тоже шепотом, потому что осип от счастья.

Остальные не обращали на нас внимания. Лежали животами на перилах и глазели, что делается на площади. Над ней все еще вспыхивали взрывы фейерверка. В глазах мальчика горели разноцветные огоньки.

— Спасибо, — сказал я ему.

Он засиял улыбкой. И спросил хитровато:

— А за что?

— Так...

Он вдруг сказал:

— А я тебя знаю. Ты Травушкин из нашей школы. Ты к нам в класс приходил, про сверление Земли рассказывал.

Я, правда, зимой был у первоклассников, делал им доклад про сверхглубокую скважину, на которой работает папа. Такое мне дали задание. Я ужасно волновался, запинаясь и на ребят почти не смотрел. Ни одного лица не запомнил тогда.

Но лицо Огонька было знакомо. Очень-очень знакомо.

И я вспомнил! Огонек был в точности как мальчишка с Ереминого снимка.

— Может, все это не случайно? Я сказал весело:

— Я тебя тоже знаю.

Нахлобучил на Огонька свой серебряный шлем, положил перед ним щит и копье, а сам побежал вниз.

Искорка в кулаке ласково грела мне ладонь.

Искорка

С Юркой и Янкой мы еще днем договорились, где встретимся после парада. На полянке позади летнего павильона. Полянка была незаметная, укрытая кустами сирени, поросшая высокой травой. Из травы торчали каменные раскрашенные гномы. Краска с них пооблезла — гномов забыли в этой парковой глуши.

Когда я пробрался на полянку, там еще никого не было. Стояла теплая, какая-то пушистая темнота. Лишь один далекий фонарь мигал сквозь листья. Зато звезды были громадные...

Я сел в траву, прислонился к твердому гному и разжал кулак. Искорка в темноте засияла ярко и радостно. Я осторожно убрал из-под нее ладонь. Искорка повисла в воздухе, не упала, не улетела от меня.

— Хорошая ты моя... — шепотом сказал я ей.

Зашуршали ветки. Я опять спрятал искорку в кулаке.

— Гелька, ты здесь?

Это появился Янка. С фонариком.

— Выключи фонарик, — сказал я.

Он выключил.

— Смотри, — сказал я. И разжал пальцы.

Янка наклонился близко-близко. Я даже почувствовал на ладони его дыхание.

— Чудо какое... — прошептал Янка. — Не гаснет?

— И не думает.

— Не обжигает?

— Нисколечко... Подержи, если хочешь.

Я оставил искорку в воздухе, потом поднес к ней Янкину ладошку. Искорка послушно села на нее.

— Теплая, — сказал Янка.

— Ага.. А теперь попробуй перебросить ее мне. Полетит?

— Ну... пожалуйста.

Янка пустил искорку с ладони, будто крошеч-

ную бабочку. Она огненной ниткой прочертила воздух и остановилась передо мной. Я посадил ее на сустав согнутого мизинца.

— Она никуда от нас не улетит, — уверенно сказал я.

— Потому что наша, — отозвался Янка. — В ней же наша кровь.

Ворча и цепляясь барабаном, выбрался из кустов Юрка. Мы показали ему искорку. Он притих, долго держал ее на ладони.

— Смотри, как она слушается нас. Она живая, — сказал Янка. — Ну-ка, пусть она летит ко мне...

Мы долго стояли кружком на темной поляне и перебрасывали друг другу искорку. Она летала между нами, будто крошечный светлячок, и садилась то на ладонь, то на кончик пальца.

Наконец Юрка сказал:

— Жалко, что нельзя сейчас испытать ее. Никакого колесика не догадались взять.

— Завтра испытаем, — успокоил Янка. — И так видно, что она такая... настоящая.

— А у кого она будет до завтра? — ревниво спросил я.

— Ты зажег, у тебя и будет, — великодушно решил Юрка. — Янка, ты не против?

— Нет, конечно, пожалуйста... Только нельзя ее все время в кулаке носить. Давайте ее вот сюда. Я нарочно принес.

Он показал пробирку — гораздо меньше той, в которой делали порошок. Толщиной в карандаш, длиной со спичку. Скорее ампула, а не пробирка.

— Сюда ее посадим, пробкой закроем...

— А если задохнется под пробкой? — испугался я.

— Мы же не глухую сделаем, а чуть-чуть...

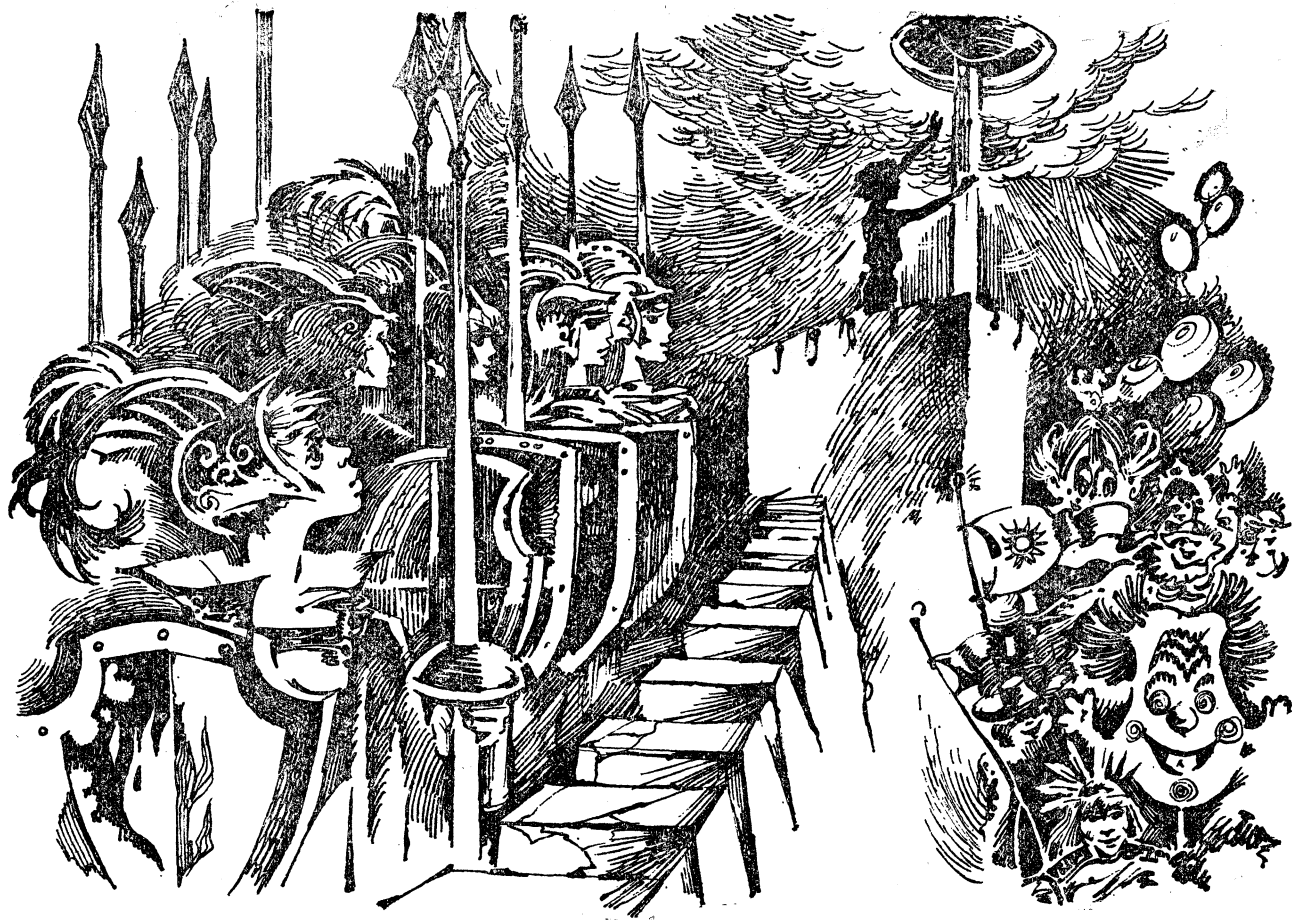
Искорка висела в воздухе. Мы надели на нее ампулу — будто накрыли бабочку стеклянным сачком. Для пробки Янка скатал из травы шарик...

Я не стал откладывать испытания до утра. Дома я выволок чемодан со старыми игрушками, достал из него модель гоночной машины «Барракуда». Раньше в ней был двигатель с микроэлементами, но я давно его распотрошил. А машину не выбрасывал, мне ее папа подарил, когда семь лет исполнилось...

«Барракуда» лежала на полу вверх колесами, а я ломал голову: как приспособить искорку к оси? Сверлить стальной стержень было нечем... А может, спрятать искорку прямо в колесе? Отвинтить колпачок и вот сюда... Я коснулся ампулой колеса.

Вернее, даже не коснулся.

Я не успел задеть его, как задний мост у машины взревел. Колеса завертелись так, будто к ним подключили мотор от настоящей «Барракуды»!

— Геля! Что за шум! — тут же завелась за дверью тетя Вика. — Давно уже пора спать.

— Да пусть поиграет, — сказала мама.

— Ах да, конечно...

А я сидел на полу и смеялся. Колеса вертелись все тише, искорка снова была у меня в кулаке.

И почему-то мне представилось: идет по улице важный Ерема, а перед ним скачут двое — веселый роботенок Васька с задранной травяной комочком ампулу. Испугался на миг: погасла? И мальчик-огонек в алой рубашке...

Клоун

Проснулся я поздно. Сквозь березы светило в комнату солнце. Я дотянулся до стула с одеждой, достал из-под майки заткнутую травяным комочком ампулу. Испугался на миг: погасла?

Искорка при свете дня была еле заметна. Можно подумать, что просто крошечный блик в стекле. Но я поднес ампулу к «Барракуде», и у той бешено рванулись колеса.

Я опять сказал искорке:

— Хорошая ты моя...

Где-то играл оркестр: в городе уже разворачивался новый праздничный день.

Пришли Юрка и Янка. Янка со скрипкой, в своем желтом костюмчике с бантиком. Юрка в форме и с барабаном.

— Ну? — нетерпеливо сказал Юрка. — Небось уже пробовал?

Я с удовольствием показал, как вертятся колеса «Барракуды». Юрка расцвел. Янка тоже заулыбался.

В комнату заглянула тетя Вика.

— Геля! Смотри, мальчики какие красивые. А ты опять...

— Я дам ему белую рубашку со звездочками, — сказала мама.

Я обрадовался. Не потому, что на плечах блестящие звездочки, как у скадермена, а потому, что нагрудные кармашки с клапанами. Удобное место для ампулы с искоркой.

Сначала мы прибежали в «Курятник». Надо же обрадовать Ерему и Глеба! Но вагон оказался пуст. У косяка, на ржавом гвозде, висела записка: «Я ушел в магазин за бумагой. Будет время —

найду вас в парке. Ерема почему-то не ночевал. Глеб».

Судя по всему, Глеб не очень-то верил, что искорка получится. Вчера в парк не пришел, отговорился, что надо много чего написать, пока не забыл. Сегодня тоже вот не дождался нас... А куда девался Ерема?

Гадать было некогда, мы торопились в парк.

...С утра в парке намечались разные состязания и концерт. Юрка должен был барабанить при всяких церемониях на стадионе, а Янка играть. Мы договорились, что встретимся с Юркой в двенадцать на лужайке с гномами, и я пошел слушать Янку.

Концерт проходил на окруженной высокими кленами площадке.

Я сел в третьем ряду и около себя занял еще два места — раздвинул руки и уперся в скамью ладонями. Потому что народу полно, а Янке после выступления где-то надо сесть, да и Юрка может прибежать пораньше...

Выступлений было много. Пели хором и поодиночке, стихи читали, фокусы показывали. Один мальчишка даже с дрессированным котом выступал: толстый серый кот кувыркался и ходил по натянутой веревке. Все веселились.

Но концерт шел долго, кое-кто утомился, а солнце поднялось выше самых высоких деревьев и крепко жарило плечи и макушки. Зрители начали отвлекаться и галдеть. Я испугался, что Янку слушать не будут.

И правда, когда он вышел на эстраду, над рядами висел гул. Я чуть не заорал: «Да тише вы!» Но Янка не стал дожидаться тишины. Вскинул к подбородку скрипку, и она пропела тревожно и резко «Та-а, та-та!»

И сразу упало молчание.

Янка заиграл всем знакомую песенку:

На планете Сельда
Дни стоят хорошие,
Брызжет, брызжет солнышко
В заводи речные.
На планете Сельда
Жили-были лошади —
Умные и добрые,
Только не ручные...

Скрипка играла так, будто слова выговаривала. Кое-кто даже подпевать начал. Но Янка перешел на другую песню:

Желтый месяц висит
Над уснувшим прудом,
И журчит у плотины вода.
Мы вернулись сюда,
В этот край, в этот дом
Навсегда, навсегда, навсегда...

Эту песню любит мама. Я вспомнил, как мы с мамой и папой сидели у костра. Я был тогда крошечный, пятилетний. Высоко-высоко качались мохнатые головы сосен, и казалось, что звезды

среди них плавают туда-сюда. Костер стрелял красными угольками, а мама пела. И было это на Юрском полуострове, под Ярсоном, где скважина — мы туда один раз летали с мамой вместе...

Что же все-таки со скважиной? При чем тут теория параллельных пространств? Она совсем не про это... Хотя, кто знает, что может случиться на страшной глубине? Я помню, как отец говорил: «К звездам летаем, а до нутра матушки-планеты нашей добраться до сих пор не сумели. Она нам это припомнит когда-нибудь...»

А может, дело не в матушке-планете и не в скважине? Может, отец просто не захотел приехать? И не приедет совсем? Почему тетя Вика сказала тогда маме странные слова: «Я даже не знаю, кто я теперь?..»

Кто? Уже не родственница?

Тьфу, какая чепуха в голову лезет...

А если не чепуха?

Если я буду, как Юрка, без отца...

Юрке легче: он своего отца никогда не знал... Только легче ли? Что значит «легче», если одиночество...

Глеб правильно написал про одиночество.

Вроде бы все хорошо в жизни, а почему тогда у многих грустные глаза? У мамы, у Юрки, даже у тети Вики? И у Глеба...

Ну, то, что у Глеба, — это понятно...

Янка, словно вспомнив о Глебе, заиграл «Вечернюю песенку» — он теперь хорошо ее знал. И этой песенкой закончил игру.

Все захопали. Сперва не сильно, а потом громче, громче. И я захопал. Хотя, по правде говоря, мне больше нравилось, когда он играл в вагоне. Но все равно, молодец Янка!

Я хлопал и совсем забыл, что надо беречь соседние места. Когда спохватился, с двух сторон уже сидели какие-то девчонки. Я с досады чуть не треснул каждой по шее и стал выбирать ся из рядов. Вышел на лужайку рядом с эстрадой. Замахал Янке, чтобы он бежал ко мне. Но на эстраду выскочили два клоуна — рыжий и белый, они задержали Янку. Белый клоун затряс над колпачком ладонями и женским голосом закричал:

— Дети! Внимание! Дети!.. Янка играл замечательно! За это ему вручается праздничный почетный диплом! И подарок!

Янка смущенно затоптался. Ему дали блестящий лист и плоскую красную коробку. Наверно, с конфетами. Он быстро наклонил голову, шевельнул губами: видимо, сказал спасибо. И пошел с эстрады. Я опять замахал ему: давай сюда! Он заметил, кивнул.

Но тут клоун снова закричал:

— Дети! Пока готовятся наши танцоры, мы успеем наградить еще нескольких ребят! Пусть поднимется на сцену Геля Травушкин!

Кто? Я?

Зачем? Я же не артист...

— Геля!.. Дети, среди вас есть Травушкин?

Знакомых было много. Из рядов закричали клоуну, что «тут он», а мне: «Гелька, давай! Копейкин, жми на сцену!»

Я пожал плечами и пошел.

Рыжий клоун захлопал растопыренными ладонями, а белый взял меня за руку и радостно объявил:

— Геля Травушкин прекрасно потрудился во время подготовки праздника. Замечательно потрудился! Давайте поблагодарим его за это!..

Зачем это он? Разве я лучше других? Все работали, все ходили перемазанные краской и клеем. Я хотел сказать об этом, но ребята захлопали, зашумели, а клоун закричал:

— Поэтому Геля Травушкин тоже получает диплом и подарок! Диплом — вот он, а подарок очень большой. Пусть Геля пройдет вон в ту дверь и там получит свою награду!

Я пробормотал «спасибо» и пошел к дверце в глубине эстрады. Было ужасно неловко, но и любопытно было: что за подарок? И даже мелькнула мысль: «Может, я в самом деле немножко лучше других работал?»

За дверью оказалась фанерная комнатка. Но подарка мне там не дали. Там переодевались для танца девчонки. Они завизжали и вышибли меня вон. Хорошо, что не на сцену, а в другую дверь — в кусты позади эстрады. Я выбрался из кустов и ошарашенно помотал головой. Вот так подарочек! Что это, карнавальная шутка? Ничего себе шуточки...

Я очень разозлился. Скомкал захрустевший диплом и закинул в кусты. И тогда из кустов появился еще один клоун. Вышел легко, незаметно как-то, даже веточки не шелохнулись. Он был в желто-красном балахоне и в маске. Маска — такая веселая рожа, губы растянуты в широченную улыбку и похожи на жирный красный полумесяц.

— Это ты Геля Травушкин? — спросил клоун воркующим голосом из-под маски.

— А что вам надо? — ошетинился я. Потому что хватит с меня шуток.

— Тебя надо, голубчик! — обрадовался он. — Пойдем.

— Куда?

— За подарком, конечно!

Он взял меня за локоть красной плюшевой перчаткой. Я вздохнул и пошел. Стало жаль диплом, но тут же я подумал: «Потом найду и разглаголю».

Клоун повел меня по узенькой заросшей аллежке. Идти по ней вдвоем было тесно, царапались ветки, но я стеснялся сказать «отпустите». Мы пришли к старой кирпичной будке, вроде водоканчки. Клоун толкнул дощатую дверь и промурлыкал:

— Входи. Здесь подарочная кладовая.

Окон в будке не было, у потолка сияла белая лампа. Под лампой блестел обитый металлом длинный стол. А на дальнем краю стояла... Вот это да! Там стояла серебристо-голубая модель марсианского шагающего вездехода «Кентавр-супер»!

Не игрушка, а именно модель. Копия. Большая, в полметра высотой. Я такую видел в Музее Звезд, когда ездил на экскурсию в Южный Пояс городов.

Клоун подтолкнул меня к столу и шелестящим голосом сказал:

— Она твоя... Она управляется мыслью. Вернее, импульсами желаний. С помощью этих приборов. — И он ловко надел мне на запястья широкие кожаные браслеты. На браслетах оказались черные металлические диски размером побольше часов. Тяжелые..

— Пойдем, Геля Травушкин...

Клоун усадил меня на табурет напротив модели. Придвинул к самой кромке стола — так, что я уперся в нее грудью. Руки мои он вытянул вперед и положил на стол. Диски на браслетах звякнули о металл.

Стол был холодный. На голых руках сразу высыпали пупырышки. Металлический край леденил грудь сквозь рубашку. Я вздрогнул и почему-то оглянулся на дверь. Она была закрыта.

— Сосредоточься, Травушкин.

Клоун стоял рядом с «Кентавром». Маска его улыбалась изо всех сил. Было неприятно видеть широкий неподвижный рот, когда слышишь разговор.

— Сосредоточься, Травушкин.

— Холодно...

— Ничего, ничего. Сосредоточься. Прикажи машине двигаться. И она пойдет!

Я вздохнул, поежился и сосредоточился. Приказал «Кентавру»: «Иди! Ко мне!» Даже представил, как он идет.

Но «Кентавр» не двигался.

— Не работает, — сказала я.

— Сейчас, сейчас...

Клоун, подпрыгивая, оббежал вокруг стола и опять подскочил к модели. Поднял крышку кожуха.

— А! — сказал он. — Ба!.. Да она без двигателя! Ну... это ничего. Это ведь не беда. Верно, Травушкин? — В прорезях маски странно шевельнулись и заблестели его голубые глазки. Клоун осторожно пошел ко мне. Встал сбоку. Повторяя, воркуя:

— Это не беда, Геля... Ведь у тебя есть искорка.

Я вздрогнул. Даже дернулся назад. Но браслеты прочно держали мои руки на столе. Примагнитились, что ли?

— Пустите! — сказал я.

Клоун прошелестел надо мной:

— Но ведь искорка есть?

— Какое вам дело?! Она не для этого нужна!

— Она совсем не нужна,— возразил Клоун.— Тебе не нужна и твоим приятелям. Подари ее нам.

— Кому вам?

— Ну... мне.

— Зачем?! — крикнул я, пытаюсь освободить руки.

— Подари... А мы подарим тебе вездеход. Не такой, а настоящий. Ты будешь ездить на нем в школу...

— Нет! — крикнул я и рванулся изо всех сил. Но браслеты держали мертво.

— Подари... Мы ничего плохого с ней не сделаем. Просто нам нужен образец.

Я напрягнул все мускулы. Пятками уперся в пол. Дернул руки так, что они чуть не вырвались из плеч. Но браслеты не шелохнулись. И так мне жутко сделалось...

— Пустите меня сейчас же! — отчаянно сказал я и стиснул зубы, чтобы не разреветься.

Он приподнял плечи. Сказал с каменистым хрустом в голосе:

— Разве я тебя держу? Иди, Геля Травушкин... Только подари искорку.

Кто он такой? Сумасшедший? Ампула лежала у меня в нагрудном кармане, под клапаном. Этот псих может ее просто-напросто отобрать. Или не догадывается? Или не смеет?

Он будто услышал мои мысли. Сказал опять с шелестом:

— Ты должен подарить ее сам. Только сам.

— Нет,— выдохнул я, дрожа от страха. И от холода. Стол сделался просто ледяным. Я пошел на хитрость:

— Что вы, сами не можете сделать, что ли? Есть рецепт...

— Не можем, Травушкин,— прошуршал он, будто песок просыпал.— Что-то мешает. Не тот состав, она же на крови... Геля Травушкин, подари искорку.

— У меня ее нет!

— Неправда, Геля. Подари... Это очень просто. Скажи «дарю», и она сама вот сюда... — Клоун протянул мне плюшевую растопыренную лапу.— Одно словечко. Ну?

Он согнулся, наклонился надо мной совсем низко. Я увидел на маске вмятины, царапинки, застывшие подтеки лака. И шевелящиеся глазки — бледно-голубые, с розовыми прожилками на белках. Маска смеялась мертво и безжалостно.

— Уходите! — заорал я.— Кто вы такой?! Снимите маску!

Он быстро отошел. Будто испугался.

— Снимите маску! — снова крикнул я.

— Зачем?

— Снимите сейчас же!

— Это не маска,— сухо сказал клоун. И... я

увидел! Угол красного рта у него двинулся. По лаку пробежали трещинки. Нарисованные брови тоже шевельнулись. Или показалось?

Это, наверно, сон!

Клоун протянул руку и с перчатки на стол уронил шмеля.

Я обмер. Я перестал чувствовать холод. Это был шмель-чудовище. Величиной с грецкий орех. Его покрывала свинцово-серая жирная пыль. Шмель приподнялся на мохнатых лапах и пошел к моей левой руке. Прямо к руке. Он шел, и лапы его громко скребли по металлическому листу. И обвисшее брюшко скребло. И за ним тянулся маслянисто-свинцовый след.

Я понял, что отчаянно завизжу. И это будет не просто визг, с ним вырвутся слова: «Не надо! Возьмите ее! Дарю! Дарю!» И потому я опять сжал зубы — изо всех сил. Хотел зажмуриться, но не смог. А шмель шел, шел...

Ну, за что меня так? Что я сделал? Не надо!

Шмель заполз мне на браслет. Я сквозь толстую кожу почувствовал, какой он тяжелый. Свинцовый... Сейчас он страшной лапой своей ступит мне прямо на руку...

Такой жутки не бывает наяву. Я сейчас проснусь! Скорее!..

И грохнули барабаны.

Они ударили за кирпичными стенами, отдаленно и глухо, но шмель съежился и тяжелым орехом скатился с браслета.

Клоун тоже съежился. Отскочил от стола, сел у стенки на табурет. Согнулся, обхватил себя за колени. Я рванулся...

Я рванулся к барабанщикам! К Юрке! Браслеты не держали. Я отлетел к двери, грохнулся об нее спиной. Дверь зашаталась. Я вскочил, трахнул по доскам ногой, они вылетели, и я вылетел за ними.

На солнце! На свободу!

— Юрка! — Я помчался через кусты.

— Геля! Что с тобой?

Я увидел Марфу Григорьевну. Она держала большого надувного слоненка.

— Геля, мы тебя ищем! Вот подарок...

Я кинулся туда, где мелькали за ветками голубые накидки и грохотали красные барабаны.

— Юрка-а!

Письмо Еремы

Я догнал барабанщиков. Они шагали по аллее от стадиона к площади. Путаясь ногами в траве, я побежал по обочине. Увидел Юрку.

Барабанщики били походный марш. Сквозь рокошущие удары Юрка не слышал меня. Я, задышавшись, пошел рядом, дернул его за коротенький плащ. Юрка сбился, гневно оглянулся на меня:

— Рехнулся? Не суйся под ноги!
Я чиркнул ребром ладони по горлу: «Ты нужен! До зарезу!»

— Иди на поляну, я сейчас! Иди!

Я отстал. Оглянулся. Марш барабанщиков быстро откатывался за деревья, и стали слышны другие звуки: голоса, музыка. И даже кузнечики в траве. И недалекие шаги.

«А если это опять клоун?» — подумал я. Но не очень испугался. Теперь казалось, что жуткая встреча с клоуном произошла давным-давно. Потому что слишком уж неестественный был случай. Как страшный сон, от которого просыпаться среди ночи и минуту лежишь, замерев, а потом... потом страх быстро тает, и все делается, как всегда. Слышишь: часы пощелкивают, Дуплекс чешется за открытым окном, в своей будке; бабушка вздыхает и кашляет наверху. Все настоящее, привычное, и места для страха в этом мире просто нет.

Может, и сейчас был сон? Или чья-то глупая шутка?

Но кто из взрослых будет так шутить? На запястьях до сих пор следы от жестких браслетов...

А если не взрослый? Если клоун — это мальчишка большого роста: в ширину да в высоту вымахал, а ума не набрался!

А откуда у мальчишки такая модель «Кентавра»?

А магнитные браслеты?

И шмель!..

Я опять задрожал, как от холода, и оглянулся. Но кругом было солнце. Мимо пробежали беззаботные мальчишки и девчонки. Проехал по аллее фанерный автомобильчик на велосипедных колесах, в нем хохотали трое малышей, одетых поросятами, и щелкал пластмассовой челюстью косматый волк.

Я потрогал карман: ампула с искоркой была на месте. Я вздохнул, потер запястья и пошел на нашу полянку. Там я сел, привалился спиной к каменному гному и стал думать, как все объясню Юрке.

Юрка пришел очень быстро. Сердитый. У него опять была до крови ободрана нога.

— На том же месте, — зло сказал он. — Заколдованное оно, что ли? Там, где эта дурацкая фигура с веслом стоит... Платок есть?

У меня, к счастью, был: мама утром положила в карман. Я молча протянул платок Юрке. Он стал промокать им кровотокащие царапины. А сам все оглядывался, прислушивался к рокочущим вдали барабанам. И я понял, что он еще всей душой там, в блестящем строю барабанщиков, где свой строгий праздник, своя красота, своя жизнь. И где для меня места нет...

— Ну? — сказал наконец Юрка.

Я неловко завозился на траве и пробормотал:

— Там... какой-то псих. Клоун... Пристал и

говорит: «Подари искорку»... Хотел отобрать...

— Но ты не отдал? — вскинулся Юрка.

— Нет, конечно! Только он...

Про что сперва рассказать? Про шмеля? Юрка презрительно дернет щекой: «Опять козявки испугался...» Надо все по порядку. Но Юрка нетерпеливо смотрит назад.

Он сказал недовольно:

— Подумаешь, Клоун! Что ты так его боишься?

Он решил, что я испугался мальчишки с улицы Речного флота! Там есть один такой вредный тип, семиклассник по кличке Клоун.

— Да не тот! Этот гораздо больше!

Юрка сморщил лоб.

— А откуда этот Клоун узнал про искорку? Ты, наверно, болтал направо и налево?

— Ты, наверно, сам болтал! — взвился я. — Вместе с Янкой!

— Чего ты на Янку-то зря... — хмуро сказал Юрка.

— Потому что...

«Потому что Янку ты выслушал бы до конца. Не дергался бы от нетерпенья». Но я не стал это говорить. Отвернулся.

— Знаешь что? Давай искорку мне, — предложил Юрка. — А, черт... На этой дурацкой форме ни одного нормального кармана.

Он врал: форму дурацкой он не считал, она ему нравилась. Но был он в ней не такой, как в прежние времена. Не тот сердитый, насмешливый, но все равно лучший друг Юрка. Другой...

— Не дам я тебе искорку. Не ты зажег, — тихо сказал я.

Юрка не разозлился. Мирнолюбиво посоветовал:

— Тогда спрячь дома. А к трем часам принеси в вагон. Там во всем и разберемся.

— Сам знаю, — буркнул я.

— Эх ты, Гелька ты Гелька... — вдруг вздохнул он.

Я вскинул глаза. Потом встал.

— Ты еще скажи «Копейкин»...

Юрка быстро улыбнулся:

— Не скажу... Ну, до встречи в «Курятнике».

Он положил мятый платок на голову гнома и ушел с поляны. Я подумал и медленно двинулся следом. Просто не знал, что делать. Шагов через десять я увидел на тропинке барабанную палочку. Поднял ее, покачал в руке — легонькую, точеную.

Юркина? Потерял? Как же барабанщик без палочки?

Я выскочил на аллею, кинулся вдоль цветников туда, где не умолкали барабаны. Что-то зацепило мою ногу, я полетел и плашмя проехался по мелкому гравию.

Вскочил...

За что я запнулся? Ничего на аллее не было,

ровненько все... Кажется, кто-то хихикнул. Я со злостью огляделся. Но кругом ни души. Только гипсовый гребец-физкультурник стоял на покрашенном белилами постаменте. Он небрежно изогнулся, опираясь на тонкое весло. Смотрел вверх деревьев и — мне так показалось — нахально улыбался белыми губами.

«Ах ты, гад!» Я от досады и от боли просто взбесился. И с размаха швырнул в болвана палочкой.

Палочка пошла странно — петлями, как бумеранг. Но попала! Головкой клюнула гребца в плечо. И... он треснул!

По гребцу разбежались черные щели, упало весло с отвалившейся рукой, посыпались куски гипса. Часть шеи вывалилась, и открылся железный стержень.

Я перепуганно мигал несколько секунд, потом рванул через клумбы — подальше от места преступления! Не хватало еще, чтобы меня поймали за разбивание скульптур! Как Ерему...

Кто же знал, что этот гипсовый дурак такой хилый?

Я остановился у фонтана с чугунными цветами и каменными лягушками. Сел на край бассейна, вытащил платок с бурыми пятнами, промыл ссадины на левом локте. И подумал, что мне еще повезло: я пострадал меньше Юрки.

А пробирка не разбилась?

Нет, вот она, целая. Искорка на месте, хотя еле видна при солнце.

Я застегнул карман...

— Травушкин!

Звонкий такой голосок. Я оглянулся. Рядом стоял вчерашний знакомый, мальчик-огонек. Он был не в алой рубашке, а в синей матроске, но я его сразу узнал. Он улыбался. И я улыбнулся, несмотря на боль от царапин и ушибов. После всех неприятностей было так хорошо увидеть веселого Огонька.

— Тебе письмо от Еремы! — Огонек протянул свернутый в четвертушку лист. — Он меня встретил и говорит: «Знаешь Травушкина? Разыщи его, дело срочное, а я ковыляю медленно...»

Я сразу понял Еремину хитрость: он, бедный, мучится от нетерпенья, хочет скорее узнать, получилась ли искорка. А в парк, где он когда-то нахулиганил, идти не решается.

— Разве ты знаком с Еремой? — спросил я.

Огонек улыбнулся еще шире:

— Ага... Он мне много раз игрушки делал...

Я побежал!

— Ладно. Спасибо...

Что же пишет Ерема?

Я развернул лист и увидел раздерганные строчки:

«Биригитес их они не люди Приход ити ввагон я расскажу я узнал Эрема».

Я взглянул на Огонька, но тот был уже далеко. Помахал мне рукой.

Я перечитал записку. Почти ничего не понял, но стало опять зябко и неуютно. Ерема никогда не шутил и никогда не тревожился зря. Что-то случилось.

От парка до станции недалеко. Сначала — на холм, где ретранслятор, а оттуда — вниз.

И я побежал!

Я не успел...

Четвертая часть

ГДЕ СХОДЯТСЯ РЕЛЬСЫ...

Открытие

На пустыре за путями, у вросшего в землю бетонного блока мы вырыли яму. Сложили в нее искореженные обломки. Засыпали, а сверху настелили дерн.

— Давай пиши, — сумрачно сказал мне Юрка. — Ты кистями работать привык...

Он дал мне кисточку и банку с черной несмываемой краской.

— Только не надо, что он был робот... — попросил Янка.

Я вывел на бетоне:

ЕРЕМА

Погиб 6 августа 210 г. к. э.

Вот и все. Я размахнулся и бросил банку далеко в траву. Отошел, чтобы ни на кого не смотреть мокрыми глазами. Все молчали. На станции весело играло радио, а в парке оркестр.

— А я-то хотел с ним пойти бродить по белу свету, — сказал сзади Юрка.

Я обернулся. Юрка дернул щекой и сказал снова:

— С ним да еще с Васькой...

— Не будет никакого Васьки, — вздохнул Глеб и стал сердито лохматить волосы.

Янка сидел на корточках у бетонного блока и разглаживал на дерне травинки.

Ерема погиб за час до того, как я сюда прибежал.

Он шел через пути к вагону. По ближней от вагона колее мчался электровозик технической службы. Ерема остановился метрах в двух от рельсов, чтобы пропустить его. Все это было у Глеба на глазах. Ерема стоял спокойно, на электровозик даже не смотрел. Когда машина пронеслась мимо Еремы, из нее высунулось что-то длинное и тонкое — то ли рельс, то ли грузовая стрела. Концом она ударила Ерему в спину,

и он взлетел высоко в воздух... А падал уже отдельными кусками...

Глеб оттащил обломки с рельсов и с полчаса сидел над ними, ошарашенный и беспомощный. Сделав ничего было нельзя — голова Еремы оказалась разбита вдребезги... Глеб вскочил и яростно бросился к начальнику станции. Тот сперва перепугался до немоты. Потом стал орать, что никаких электровозов на станции не было и быть не могло. Начал куда-то звонить, с кем-то ругаться. А Глеб понял, что все бесполезно. Кого винить, с кого спрашивать за Еремину гибель?

Ведь Ерема не был человеком. Ни документов у него, ни жилья в городе, ни должности. Если смотреть по закону — он был вообще никто. И даже ничто. Он не мог считаться даже машиной, потому что все машины где-то записаны, имеют номера и технические паспорта. И кому-то принадлежат. Ерема ничего не имел и принадлежал себе. А так не положено. Значит, Ерема был просто беспризорной кучей электронного хлама. Так начальник и заявил Глебу. Он вообще-то был добрый дядька, но сейчас, видимо, думал только про одно: чтобы не очень попало за происшествие.

Глеб вскипел и сказал, что Ерема был умнее всех начальников станций вместе взятых. Начальник ответил, что это возможно. По крайней мере, он, начальник станции Старые Горы, действительно лысый дурак: позволил какому-то беспаспортному проходимцу и мальчишкам (за которыми совсем не смотрят родители!) устроить в вагоне ночлежку. А теперь из-за этого неприятности. Шастают по рельсам! Хорошо, что пострадал железный болван, а не живые люди. Хватит! Если Глеб к утру не очистит вагон, начальник явится туда с патрулем транспортной спецохраны.

Глеб сказал, что спецохрану вместе с начальником он видел в белых тапочках.

Но было ясно, что с вагоном надо прощаться.

Это не очень огорчило нас. По сравнению с Ереминой гибелью это была такая ерунда.

Ерема, Ерема... Кажется, сейчас поднимемся в вагон, а он сидит, скрючившись над сундуком, чертит своего Ваську.

Мы забрались в «Курятник». Не было Еремы. Только похожий на Огонька мальчик смеялся на фотоснимке — он-то ничего не знал. Глеб подошел к снимку, оглянулся на нас. Неловко спросил:

— Можно, я этого пацана себе возьму?

— Бери... — сказал Юрка, не пряча мокрых глаз. Мы с Янкой кивнули.

Глеб убрал снимок в свою обшарпанную сумку. Я сказал ему:

— Ты можешь к нам перебраться, в мою комнату. Я с мамой договорюсь.

— Там видно будет, — откликнулся он. — До утра время есть... — И открыл Еремин сундук. Мы подошли.

В сундуке лежали разные железки, мотки проводов, желтые пластины с блоками памяти от вычислительных машин, лампы, трубки... Детали будущего Васьки. Глеб вздохнул и хотел опустить крышку. Янка осторожно придержал ее.

— Смотрите-ка... Это зачем?

В отдельной картонной коробке лежали блестящие линзы. Разные — величиной от пятака до блюдца.

— Наверно, для Васькиной оптической системы. Для зрения... — неуверенно сказал Глеб.

Янка помолчал и виноватым шепотом проговорил:

— Я подумал, что... давайте возьмем по стеклышку на память о Ереме... Они ведь сейчас все равно ничьи.

— Давайте, — сказал Глеб.

Мы, не толкаясь, не споря, выбрали по линзе. Я взял очень выпуклую, очень чистую и очень тяжелую. Размером с донышко большого стакана. Отошел с ней, сел в дверях «Курятника», опустил наружу ноги, прислонился к теплому косяку.

Посмотрел через линзу на белый свет.

Белый свет в стекле был маленький и перевернутый. Бетонный блок, под которым зарыли Ерему, выглядел серой точкой.

Я навел стекло на ноготь. Он стал громадный, как розовая лопата. Засохшая царапинка на большом пальце сделалась похожей на модель горного хребта. Я поводит глазами: что бы еще увеличить? По доске рядом со мной шла черная букашка величиной с точку. А под стеклом оказалось такое рогатое страшилище! Я прямо вдавился в косяк...

Хорошая линза. Я покачал ее на ладони. Солнце отразилось в выпуклом стекле крошечной искоркой...

Искорка!

Я торопливо достал ампулу. Отошел с ней в самый затененный угол «Курятника». Огненная точка неподвижно сияла. Мне стало жаль ее, сиротевшую: не будет для нее веселого роботенка Васьки. Я погладил ампулку, будто крошечного беспризорного котенка. Потом поднес к ней стекло.

Под линзой вспыхнуло огненное пятно. Я двинул стекло туда-сюда, чтобы поймать резкость. И наконец увидел...

Это был светящийся диск чуть больше копейки. Но не ровный, не гладкий. У него оказались размытые края, а пламя и свет разбегались от центра лохматыми завитками. Я смотрел и не верил. Но это было. Мне вдруг показалось, что я не в вагоне, а в черной бесконечной пустоте, лечу куда-то...

Потому что я не раз листал дедушкины атласы и видел на черных листах снимки ярких спиральных галактик.

Галактика

Мы выпустили искорку из ампулы, и она повисла в метре от пола. Никуда не улетала и не двигалась. Мы рассматривали ее через линзу со всех сторон: и прямо, чтобы разглядеть спиральные вихри света; и с ребра, когда она делалась похожей на крошечное веретено.

Мы тихо дышали и молчали. Наконец Янка отдал линзу Юрке и прошептал:

— Значит, она галактика...

— Да ну...— с сомнением отозвался Юрка.

Мне стало обидно за искорку.

— Почему «да ну»?

— Такая маленькая...

Янка выпрямился. Сказал негромко, но звонко:

— Почему же маленькая?.. Ребята!.. Для космоса что значит маленький или большой? Космос то все равно бесконечный. Верно, Гелька?

Он впервые так обратился ко мне: за поддержкой. Не к Юрке, а ко мне. Я глянул на Юрку мельком, но с победой.

— Да,— сказал я.— Если в космосе бесконечная бесконечность, как с ней что-то сравнивать? Это просто глупо.

— Ну, конечно! — тут же взъелся Юрка.— Ты один у нас умный, в дедушку профессора.

— Юр...— сказал Янка.

— А чего... Я не сравнивал ничего с вашей дурацкой бесконечностью. Я сказал, что эта искорка крошечная, а галактики... сами знаете, какие.

— Мы же не все их знаем,— возразил я.— Знаем только громадные, которые в телескопы видны. А может, они всякие бывают. Может, вот таких еще больше на свете.

— Это выходит, мы, как господь бог, создали целую галактику?— насмешливо спросил Юрка. Он забрался на верхнюю полку и теперь сидел, качая ободранной ногой.

Глеб взял стекло, опять посмотрел на искорку.

— Едва ли мы ее создали. Наверно, просто открыли для себя. Приблизили к себе. Из пространства...

— Как это? — спросил я.

— Вот уж не знаю, «как это»,— улыбнулся Глеб.— Тут сплошное космическое колдовство.

— Мало нам нашей Галактики,— сумрачно сказал сверху Юрка.— Начали другие выуживать из космоса...

— Ребята...— Янка всех обвел обеспокоенными глазами.— Я сейчас подумал... А может, она и есть наша...

— Как это? — опять спросил я.

А Глеб возразил:

— Едва ли... Ты хочешь сказать, что получилась маленькая модель, образец?

«Нам нужен образец»,— вдруг вспомнил я Клоуна и обжегся резкой, болезненной тревогой.

— Ребята! Я хочу рассказать...

— Подожди,— поморщился Юрка.— Пусть Янка объяснит. Как это «наша»?

— Не модель,— сказал Янка.— Просто наша Галактика. Та самая, в которой живем. Она вот, вокруг...— он оглядел вагон, словно был среди космоса.— И она вот. Одна и та же...

Юрка сердито качал ногой. Глеб нерешительно улыбался. Я... я начал догадываться, про что говорит Янка. Потому что про это куча всякой фантастики написана. «Легенда о синем шарике», «Солнышко в ладонях», «Звезды под микроскопом»... Но не только фантастику я читал.

— В «Технике юных» тоже про это писали,— вспомнил я.— Некоторые ученые считают, будто бесконечно большое и бесконечно маленькое — это одно и то же. Что они где-то в бесконечности сливаются.

— В бесконечности ведь, а не в нашем дра- ном «Курятнике»...— отозвался Юрка.

— Юрик,— сказал Глеб.— Ну, если нам хочется верить, что в наших руках наша Галактика, разве тебе жалко?

Юрка прыгнул с нар. Прямо в лучи вечерне- го солнца, которое било из-за дальних топей в раздвинутые двери вагона...

Теперь, когда я думаю про Юрку, я чаще всего вспоминаю его именно таким. Как он стоял тогда в горизонтальных оранжевых лучах. Весь какой-то натянутый, будто каждая жилка в нем звенела, как струны под Янкиным смычком. Он по-прежнему был в форме барабанщика, только без берета, конечно, и без накидки. Блестели галуны и аксельбанты. И глаза Юркины блестели, отражая оранжевое солнце.

— Если это правда она,— сказал Юрка незнакомым звенящим голосом,— тогда что? Вы понимаете? Значит, она вся замешана на крови!

Мне на секунду показалось, что лучи стали совсем красными. Даже вздрогнул.

— А разве нет? — тихо спросил Глеб.— Сколько было войн, восстаний и бед...

— Нет,— встревоженно откликнулся Янка.— Это же только на Земле они были, а не во всей Галактике.

— А что мы знаем про Галактику? — усмехнулся Глеб.

— Но скадермены же не нашли ни одной живой планеты. Люди — только на Земле,— сказал я.

— Скадермены...— сердито бросил Юрка.— Ты мне про скадерменов не рассказывай. Я теперь про них знаю больше всех вас. Что они успели открыть? Несколько шариков, не пригодных для людей. А в Галактике, может, миллионы планет с людьми...

Я посмотрел туда, где в стороне от лучей, в полутемном углу теплилась наша искорка. Мил-

лионы планет в ней? Люди? И может быть, мы сами?

Янка ласково сказал:

— А что плохого, если на крови? Это же не та кровь, которая от войны, а наша, живая.

— Вот я и думаю... Тогда, значит, вся Галактика живая,— сказал Юрка.

— Ну и что,— сказал я.— Пусть.

— Тогда изо всех сил беречь ее надо, вот что!

Ее надо беречь, нашу искорку. Вдруг все, про что мы говорили, правда?

Глеб оставил искорку у себя. Сказал, что зачем таскать ее в кармане по улицам. Правильно, конечно, сказал. Сам он остался в вагоне — до утра.

...Когда я брел по вечерней улице к дому, мне казалось, что возвращаюсь я из далекого и тяжелого путешествия. Из такого, в какие уходил когда-то Флота Капитан Ратманов. Потому что столько всего случилось за этот день. Но капитаны, когда возвращаются и сходят на берег, вздыхают с облегчением: все, что было горького и страшного,— теперь позади. А я так вздохнуть не мог.

Потому что опять я думал о Клоуне.

Зря я все-таки не рассказал про Клоуна Глебу и ребятам.

Я даже головой замотал от досады на себя. Но я не смог, не сумел рассказать.

Конечно, причина не в том, что хмыкал и перебивал Юрка. Ведь, если честно говорить, я даже радовался, что он перебивает. Я не решился рассказывать, потому что до конца ничего не знал. Может, все-таки это был чей-то глупый розыгрыш, и получится, что я трус. Испугался какого-то шмеля (попробуй докажи, какой он жуткий). И ведь, по правде говоря, я чуть-чуть не отдал искорку. Хорошо, что спасли барабанщики.

А может, я все-таки не отдал бы? Зубы сцепил бы как клещи, задохнулся бы от ужаса, но не отдал бы? Не знаю... Но если не знаю, как рассказывать?

А еще я смутно боялся, что если разболтаю про Клоуна, он и его сообщники нам отомстят. Я мог бы рассказать о четкой опасности, а как говорить о неясных страхах? «Опять ты сам не знаешь, чего боишься, Копейкин...»

И еще была причина. Глупая, конечно, даже стыдно вспоминать, но была. Юрка несколько раз перебивал меня, и наконец появилось чувство: «Ладно, Юрочка! Ты не знаешь, а я знаю. У меня есть тайна, о которой вы с Янкой слыхом не слыхивали!» И страшно, и в то же время гордость какая-то...

Но сейчас, по дороге к дому, я отчаянно ругал себя, что не крикнул там в вагоне: «Да послушайте же наконец, что со мной случилось!»

Столько загадок свалилось на меня!

Как эти охотники за искоркой про нее узнали? Зачем им наша крошечная Галактика? (А может, и не крошечная?)

Кто они? Хулиганы? Космические пираты?

Почему сами не могут сделать искорку? Клоун проговорился: «Не тот состав». Состав чего? Крови?

А может, у них вообще нет крови? Я вспомнил, как шевелилась маска. Вдруг они из каких-нибудь кристаллов, твердые и неживые, будто статуи...

Статуи?

На одном и том же месте, у гипсового гроба, запинаясь и падали я и Юрка...

«Ерема, зачем ты расшибал скульптуры?»

«Я думал, они шпионы...»

Я отчаянно зашарил по карманам: где Еремино письмо? Балда я, балда! Я же совсем про него забыл! Вот оно...

«Берегитесь, они не люди! Приходите в вагон, я расскажу, я узнал...»

Не успел рассказать... Почему не успел? Откуда тот бешеный электровоз?

А если сейчас и на меня вырвется из-за угла сумасшедшая машина?

Солнце село, были очень теплые сумерки. Никогда ничего я не боялся на нашей ласковой улице, где пахнет диким укропом и травой «бабкины бусы» и так хорошо светятся окна. А теперь мне стало жутко.

Я, оглядываясь, побежал.

Машина с яркими фарами и в самом деле выскочила из-за угла. Свет прямо в глаза! Я вскрикнул, вжался в забор, зажмурился...

— Гелька!

Ох... это же Митя, старший брат Севки Селезнева с нашей улицы. Вон и сам Севка в машине, и еще ребята.

— Гелька, поехали на Оленье озеро купаться! К полуночи вернемся! Смотри, машина новая, «Клипер-два».

Я слабо помотал головой.

— Не могу, домой надо... Гоняете, как сумасшедшие...

Ух, даже спина мокрая стала... Стыдно, Травушкин. Чего ты боишься, кому ты нужен? Никто не знает, что ты догадался про статуи. И живая искорка не у тебя. У Глеба...

Но Глеб-то не знает ничего! А если те нападут на него?

Я был уже у самого дома. Я вскочил на крыльцо и дернул дверь.

— Явился,— вздохнула мама.— Хотела уже искать... А чумазый-то какой. Умывайся, буду кормить.

Но я весь звенел от тревожного нетерпенья.

— Мама! Можно, я пойду к Юрке ночевать? Ну, мам... Я там поем.

Мама печально сказала:

— Неправда, Гелик. Ты собираешься не к Юрке, а в ваш «Курятник».

Я, видимо, покраснел, как Юркин барабан. По крайней мере, ушам стало горячо. Прошептал с трудом:

— Ты откуда знаешь... про «Курятник»?

— Знаю. И Глеба вашего знаю. Очень славный, только история у него какая-то странная.

— А... кто тебе сказал?

— Да он сам! Он приходил в тот вечер, когда я приехала, волновался, что тебе досталось за машинку. И все объяснил.

Вот он какой, Глеб... А я его сегодня бросил!

— Мама! Мне очень надо! Честное слово! Последний раз!

— А почему последний?

— Начальник станции не велит, Глеба выселяет. Мама... а можно ему у нас?

— Подумаем,— сказала мама и опять стала печальной.

Я очень спешил к Глебу, но то, что мама очень грустная, остановило меня.

— А ты что... такая? Из-за папы?

Она слабо улыбнулась.

— Ты опять к нему уедешь? — испугался я.

Мама взяла меня за локти.

— Гелик. А если поехать вдвоем? Ведь живут и там дети. Школа маленькая, но учиться можно.

«Да? — быстро подумал я. — А что... Папа там, ребята новые, никто не скажет «Копейкин». Найдут верных друзей. Не будет страшных загадок. Не будет огорчений из-за Юрки... Но и самого Юрки не будет. И Глеба, и Янки...»

— Ма... подумаем, ладно? — осторожно сказал я. — Время-то есть, хотя бы до завтра... Я побегу?

— Беги...

Теория параллельных пространств

Когда я подбегал к вагону, у меня кололо в боках от спешки. Но вот уже совсем близко, вот я вижу: щели светятся. Значит, Глеб там, значит, все в порядке.

Там был не только Глеб. Рядом с ним сидели на лежанке и беседовали Юрка и Янка. Спокойненько так. Будто и не уходили.

Значит, не успели мы разойтись, как они снова сюда!

Сами отпросились, а меня опять не позвали! Но Янка сказал:

— Мы как раз хотели за тобой бежать. Спорили, отпустят тебя или нет...

— Да? — обрадовался я. — А я вот он! Мама на всю ночь отпустила.

— Мы хотели, чтобы атласы деда прихватил,— объяснил Юрка. — Чтобы по ним проверить: наша эта галактика или другая.

А, значит, не я ему нужен. Атласы нужны...

Я сел на сундук Еремы и сказал, глядя на фонарь:

— Это глупо по двум причинам... Даже по трем.

— Первая: то, что тебя опять какая-то курица клюнула,— отозвался Юрка. — Какая?

— Не в курице дело. Просто бабушка эти атласы никому не дает из дома выносить. Это раз...

— А «два»? — усмехнулся Юрка.

— Ты думаешь, в атласах все галактики и туманности напечатаны? Их миллиарды... А третья — это как раз даже курице ясно, а тебе, Юрочка, нет: откуда в атласах возьмется наша Галактика? Кто ее мог снять со стороны? Люди не выходили за ее границы.

— Эскадер-три вышел,— быстро сказал Юрка. Он смотрел прищуренно, как при стрельбе из лука.

— Тройка? Ха! Кто это докажет? Они сами не знали, что с ними было! Может, вынесло из Галактики, а может, им показалось. Фокусы субпространства... Про это еще в третьем классе объясняют.

— Но не говорят, что они сделали снимок,— возразил Юрка.

— Потому что это научно не доказанный снимок. И в атласах его не печатают...

— Ну и дураки, кто не печатает,— хмуро огрызнулся Юрка. — Если не верить скадерменам, зачем посылать их в пространство?

Янка тихо сказал:

— Наверно, поэтому и не посылают больше. Говорят, что скадеры вообще запретили строить.

Юрка недовольно проговорил:

— Никто не запрещал. Просто они очень дорогие... Все равно строят помаленьку. Девятку заложили недавно.

— Братцы! — взмолился Глеб. — Может, вы мне объясните? То и дело слышу: скадеры, скадермены! А что это такое?

— Ты и этого не знаешь? — изумился Янка.

— Что же это за дыра, твой Колыч? — сказал Юрка.

Глеб жалобно поморщился, и мне стало обидно за него.

— Глеб, скадер — это тип звездолета. Суперкрейсер дальней разведки. Сокращенно — СКДР. Их мало строят, потому что спор идет: нужны они или нет. Многие ученые говорят, что не нужны. Мой дедушка, например, был против...

— Ну и Гелий Травушкин тоже, конечно, против,— поддел Юрка.

Я пожал плечами. Против я или за, меня все

равно не спросят. Но вообще-то я в самом деле не люблю, когда кто-нибудь улетает надолго.

Юрке я сказал:

— Скадер построить — дороже, чем несколько городов. Но дело даже не в этом. Просто есть другая теория, академиков Скальского и Коцебу. Мне наш знакомый рассказывал, дедушкин ученик. Можно разрывать пространство, не покидая свою планету...

— Моментальный разрыв пространства — это, наверно, еще дороже, чем скадер, — задумчиво сказал Янка.

— Зато быстрее, — возразил я. — Не надо ждать кучу лет, пока крейсер вернется. Туда и обратно — как на соседнюю улицу.

— А, это все треп, — отозвался Юрка. — Это старая теория параллельных пространств.

Я сразу вспомнил скважину в Ярксоне и папу. Что там? Может, правда поехать?

— Параллельные пространства — это совсем другое, — сказал я Юрке. — Это когда на одной планете может быть несколько разных миров. И они никогда не пересекаются.

— Значит, так в самом деле бывает? — быстро спросил Глеб.

Юрка зевнул:

— Много чего придумают в академиях. Только доказать не могут. Это сказки.

Я опять подумал про скважину.

— Если бы... — сказал я.

— Если бы... — повторил Глеб. — А давайте-ка ложиться, ребята! Завтра на рассвете надо освобождать гостиницу...

Мы погасили «сатурн» и легли на тугие надувные матрацы. На нижних нарах. Я слева от Глеба, Юрка и Янка справа. Стало тихо, в щели полезла трескотня ночных кузнечиков.

«Пора», — опять подумал я и приготовился заговорить о Клоуне. Наконец-то!

Янка сказал в темноте:

— Все кажется, что сейчас закричит в углу Ерема...

— Да, — согласился Глеб. — Скажет: пойду покурю на площадке.

— Ладно вам, и так тошно, — проворчал Юрка.

— Если тошно, разве обязательно молчать? — возразил Янка.

Глеб сказал ему:

— Жаль, что ты не взял сегодня скрипку... Может, было бы легче на душе.

«Вот сейчас расскажу про Клоуна, будет вам легче», — подумал я. И сказал:

— Янка может и без скрипки. Он играл и на лунных лучах...

— Сейчас новолуние, — заметил Юрка.

Мы замолчали. Кузнечики надрывались за стенками вагонов.

— Это неважно... — вдруг сказал Янка.

— Что? — спросил я.

— Что новолуние...

— Но лучше же нет.

— Я могу хоть на чем...

— Янка... это как «хоть на чем»? — осторожно спросил Юрка.

— Ну... на всем, что похоже на струны.

— И на проводах?

Я разозлился: чего Юрка придирается? Ну, ко мне — это понятно, это по привычке. А к Янке — зачем?

Янка сказал:

— Ну... пожалуйста.

— Разве до них дотянешься? — спросил я.

— Это неважно.

— Смычка нет, — напомнил я.

— Для этого необязательно. Для такой музыки.

Тогда я спросил, будто меня толкнул кто-то:

— Янка... А на рельсах?

— Ну... пожалуйста. Только это будет не такая музыка...

— Какая не такая? — спросил Глеб.

— Не знаю... Не как на скрипке. Наверно, просто музыка рельсов... Нет, не знаю.

Глеб зашевелился.

— Пойду покурю... Янка, а как это — музыка рельсов?

Янка сказал:

— Зажги фонарь.

Свет «сатурна» ударил по глазам. Янка легко вскочил, пошел в угол к Ереминому сундуку, снял с гвоздя куртку (Ерема был без куртки, когда погиб, она так и осталась в углу). Я удивился: зачем она Янке? Но оказалось, что под курткой висит на гвозде длинная металлическая линейка. Ерема ею пользовался, когда чертил Ваську. Янка взял линейку и пошел к выходу на площадку. Мы за ним. Янка попросил Глеба:

— Пожалуйста, возьми фонарь.

Глеб повесил фонарь на крючок под крышей площадки. Свет разлетелся далеко-далеко, трава у вагона сделалась очень зеленой, на путях — и ближних, и дальних — заискрились рельсы. На рельсах задвигались наши тени.

Янка сказал, будто извиняясь:

— Вы, пожалуйста, сядьте. Надо, чтобы только моя тень...

— Лучше сойдем, — предложил Глеб.

Мы спустились в траву. Встали у ржавых буферов. Было очень тихо. Кузнечики молчали, испуганные неожиданным светом. Янка встал на краю площадки, у подножки. Его тень выросла, вытянулась поперек путей. Взметнула великанскую руку с линейкой. Или со смычком? Тень смычка легла на рельсы длинной полосой, замерла. Потом шевельнулась, прошла по блестящим рельсам, как по струнам...

И это словно добавило тишины.

— Ничего не слышу, — прошептал Юрка.

— Помолчи, — сказал Глеб.

Я тоже ничего не слышал. Кроме тишины. Кроме того, что за горизонтом пропел сигнал локомотива. Красивый такой и печальный. Сигнал растаял в ночи, а ночь будто вздохнула, и вздох отозвался под небом, как внутри громадной гитары. Что-то совсем негромко зазвенело вокруг — в траве, в дальних тополях, в черной высоте надо мной. Зазвенело и запело еле слышно...

Это Янка играл? Или мне показалось? Не знаю. Только мне очень захотелось в дорогу. В дальнюю. Куда-то идти, ехать, лететь. И чтобы не знать, что там впереди...

Может быть, это в самом деле была музыка рельсов?

...Мелодия затихла, и мы молча поднялись в вагон. Повесили фонарь на гвоздь, вбитый в край верхней полки. Сами сели на нижнюю. Грядышком.

— Если так... — медленно проговорил Глеб. — Если есть эта теория, эти параллельные пространства, тогда ясно... я уже думал про такое. Через Старые Горы идет железнодорожная линия. Через Колыч тоже. Идут себе параллельно, ничего не знают друг про друга. Старогорск и Колыч тоже... живут параллельно и ничего друг про друга не знают. А где-то есть стрелка. Соединение рельсовых линий. Где-то мой поезд эту стрелку проскочил и привез меня сюда. Все просто.

— Вовсе даже не просто, — сказал я. — Параллельные пространства нигде не пересекаются. И не соединяются. Параллельные линии тоже. Про это в первом классе учат.

— В бесконечности могут пересекаться, — возразил Глеб. — Это всякий школьник тоже знает.

— В бесконечности! А ты ехал всего два часа. Янка засмеялся:

— На этот раз бесконечности хватило двух часов.

— Наверно, — сказал Глеб. — А может быть, и в другой раз хватит?

— Скучаешь по Колычу? — спросил Юрик.

— Скучаю?.. Я уже про это говорил: здесь я робинзон, а там на своем месте.

— Можно и здесь работу найти, — сказал я. Потому что не хотелось, чтобы Глеб куда-то уходил.

— Я, ребята, всю жизнь мечтал книжку написать. А здесь... Я не знаю.

— Значит, хочешь искать стрелку? — спросил Янка.

— Только неизвестно, на каком поезде туда ехать, — усмехнулся Глеб.

Янка встал.

— А зачем поезд? Мы и так на колесах. — Он запустил пальцы в кармашек на клетчатой рубашке Глеба. Выдернул ампулу с искоркой. Быстро пошел в конец вагона, сел там на корточки. Оглянулся на нас.

— Ось под полом где-то здесь, да?

Мы подскочили к Янке. Он осторожно вложил ампулу в мелкую выемку на дощатом полу...

И ничего не случилось.

Сначала — ничего. Только я услышал гудение, как в перегретом энергосборнике. Потом «Курятник» задрожал, и под полом раздался скрежет (уже после я сообразил, что это отдирали себя от рельсов приржавевшие колеса). Вагон дернулся. Так дернулся, что я полетел с ног. Юрка упал на меня. Мы вскочили. Пол встряхивало, фонарь на гвозде сильно качался и разбрасывал тени.

— Едем! — крикнул Янка.

Глеб стоял, расставив ноги, и задумчиво держался за бородку.

— А что? — сказал он. — Может, это действительно выход?

Мы едем в бесконечность

— Может, это действительно выход? — спросил Глеб и обвел нас блестящими очками. — А, ребята?

— Ничего себе, выход, — сказал я, постукивая зубами от тряски. — Сейчас как хряпнемся...

Рельсы были старые, на гнилых деревянных шпалах. Вагон колотило на частых стыках.

— Сейчас выйдем на основной путь, — сказал Юрка.

— Ага, пока выйдем... — сердито начал я. Но тут под колесами сильно щелкнуло, тряска сразу кончилась. Рельсы загудели ровно и спокойно. Это вагон проскочил стрелку и пошла главная колея — сплошные рельсовые нити на могучих бетонных шпалах. Сразу выросла скорость. В дверь передней площадки рванул ветер, у Янки взлетели и разлохматились волосы. Янка засмеялся.

Но мне было что-то не смешно.

— А как обратно? — спросил я.

Янка, не перестав смеяться, ответил:

— Да очень просто! Перенесем искорку к задней оси, она и заведется на обратный ход.

Я был в этом совершенно не уверен. Я вообще ни в чем не был уверен.

— А куда нас несет-то?

— Как куда? В бесконечность, — беззаботно отозвался Янка. И Юрка, который всегда с ним соглашался, весело засвистел.

Я сказал с досадой на их глупость:

— Вот врежемся во встречный поезд, тогда уж точно будет бесконечность и вечность...

Янка возразил:

— Встречный пойдет по левой колее, здесь двойной путь.

— В это время не бывает никаких поездов, — сказал Юрка.

Я не стал с ними больше разговаривать, взглянул на Глеба. У него-то ума больше!

Глеб озабоченно дергал бородку.

— Ребята, Гелька прав. Нужен какой-то сигнал. Давайте-ка вывесим фонарь.

Он опять понес на переднюю площадку «сатурн». Янка и Юрка пошли за ним. Я плюнул с досады и остался посреди вагона. В полумраке. Потом взял с ящика маленький фонарик и включил.

Глеб вернулся.

— Гелька... Ты что? Опять обиделся?

— Нет,— сказал я.

— Тогда что?.. Боишься?

— Еще чего! — сказал я.— То есть да, боюсь. Вдруг не вернемся к утру?

Глеб положил мне на плечо горячую ладонь. Покачал меня туда-сюда.

— Вы вернетесь, Гелька... Если до полуночи никуда не приедем, все равно двинем назад. До рассвета будете дома.

Эти слова меня слегка успокоили. Правда, я сердито подумал, что если Глебу приспичило отправляться в свою бесконечность, мог бы ехать один. Зачем нас-то с собой тащить? Но это была совсем свинская мысль. Я даже откачнулся, чтобы Глеб ее не угадал. Он не виноват, никого он никуда не тащил, это все Янка придумал. И Янка с Юркой Глеба все равно не оставили бы. А я... я опять остался бы сам по себе?

Да что я, такой трус, что ли?.. Да ни черта я не боюсь! Если я и спорил, то из упрямства. Поэтому что поехали, меня не спросили.

Ровно гудит вагон, и в гуденье этом прорезается струнный голос. Как отголосок Янкиной музыки рельсов! Как я мог забыть? Ведь совсем недавно я хотел мчаться в дальние дали, открывать какие-то тайны!..

Вот и хорошо, что едем. И что не знаем, чем это кончится, тоже хорошо! Должны же быть в жизни приключения!

Одно только портит мне радость: Юрка и Янка опять ушли вдвоем, не позвали меня. Но эта горечь — уже несильная и привычная, как боль от разбитого утром локтя.

— Глеб,— сказал я,— ты за меня не тревожься, я сам знаю, что такое дальняя дорога.

Он еще раз качнул меня за плечо — хорошо так, будто молча сказал спасибо. И в это время зашелестели вокруг листы.

Ветер врывается с передней площадки, мчался через вагон и, закрутив спиральные вихри, улетал в заднюю дверь. Завихрения подняли с ящика и с полки стопки Глебовых бумаг.

Мы кинулись собирать их...

К счастью, не улетел ни один лист.

— Ну, все,— сказал Глеб, когда была собрана растрепанная стопа.— Вот... Слушай, Гелька, я тут еще кое-что понаписал... Может, дать тебе и эти страницы?

— Ты их тоже в двух экземплярах печатал?

— Конечно.

— Тогда дай,— сказал я и подумал, что, может быть, скоро Глеб окажется далеко-далеко.— Обязательно дай. А то... вот укажишь в свой Колыч... на веки веков...

Глеб на секунду прижал меня своей пятерней к рубашке. Потом взял у меня фонарик и шагнул в угол, где на гвозде шевелилась как живая Еремина куртка. Глеб снял ее, сунул свернутые листы во внутренний карман.

— Вместе с курткой и заберешь.

— Я сразу, чтобы не забыть...

Куртку я накинул на плечи. Она была большая — обшитый кожей подол зачиркал по коленям. От куртки пахло Еремой — теплым металлом, смазкой и пластмассовой изоляцией. Я незаметно погладил у куртки отворот. Бедный Ерема. Не слишком ли быстро мы успокоились после его гибели?

И никто не знает, что погиб он, скорее всего, не случайно!

— Глеб!

— Что, Гелька?

— Нет... ничего.

Поздно, Глебу нельзя говорить про это. Он испугается за нас и не станет искать свой Колыч. Останется без дома. Получится, что я его задержал. А какое я имею право?

Глеб отошел от меня. Наверно, подумал: «Гелька загрустил о Ереме, а грустить лучше в одиночку». Я сел в проеме боковой двери, свесил наружу ноги. Теплый ветер ударил по ногам, забрался под куртку. Сильно пахло польню. В той стороне, куда мы ехали, светил слабенький закат, а над головой и северным горизонтом небо стало совсем черным. Звезды были большие и белые. Гораздо ярче огоньков, которые мигали на краю земли.

Недалеко от линии тоже светились огоньки — фонари и окна какого-то поселка. И вот что удивительно! Обычно, когда едешь в поезде, близкие огни проносятся назад, а звезды остаются неподвижными. Здесь же было наоборот: огоньки и фонари будто замерли, а звезды проплывали над головой, будто небо плавно вращалось. Что за неразбериха? А, я понял! Наверно, вагон делает какой-то хитрый разворот.

И я перестал думать о звездах.

Потому что подошел Юрка.

Фонарик лежал рядом со мной и светил вверх, на Юрку. И Юрка стоял в метре от меня и почему-то опять казался похожим на страусенка Антона из мультфильма.

— Ты чего? — спросил я.

— На площадке сесть негде. А за день-то на-топтался...

Я подвинулся. Но Юрка не сел. Он рассеянно смотрел в небо и теребил у пояса краешек серебряного галуна. Этот блестящий лампас был

пришит вдоль коротенькой штанины, и верхний кончик у него отпоролся. Юрка дергал, дергал его, а потом вдруг сильно потянул вниз и с треском оторвал весь галун. Кинул по ветру.

— С ума сошел? — спросил я.

— Не-а...

— Влетит, — сказал я.

— С чего? Эту форму нам насовсем пода-рили.

— А завтра как будешь без лампаса?

Юрка оторвал галун с другого бока.

— Никак. Я оттуда ушел.

Юрка зевнул и сел наконец рядом со мной.

— Почему ушел? — изумился я.

— А!.. Из-за одной дуры. Сперва у нас нормальный руководитель был, помнишь, толстенький такой, Виталий Гаврилыч... Потом он замолчался с концертами, и сегодня к нам пришла эта... Ноги, как оглобли, шея лошадиная, голос, будто сирена на стадионе. Только и знает, что орать команды и ругаться... Я где-то палочку потерял, а она завелась: «Это что за отношение к делу! Таким людям вообще здесь не место!..» Не место? Ну и ладно. Поставил я барабан, положил на него накидку и берет, сверху — палочку, ту, что осталась. И пошел...

Услыхав про палочку, я, кажется, покраснел. И понял: теперь-то надо начать про все: про то, как от палочки разлетелся гипсовый гребец; и про то, что, наверно, не случайно мы рядом с тем гребцом падали, и про Клоуна.

— Юрка! Та палочка... тут вот что...

— Да не в палочке дело! Все не так.

— Что не так?! — в сердцах спросил я. — Будешь ты меня слушать?

— Ну, валяй...

«Валяй? Не скажу я тебе ничего!» И я сказал о другом, с досадой и ехидцей:

— Что-то я не пойму. Стоило ли записываться в барабанщики, чтобы уйти вот так... — Я чуть не сказал «так бесславно».

— А чего ж... — Я заметил, что Юрка улыбнулся. — Там было хорошо. Пока не пришла эта... штурм-бан-дура... Знаешь, Гелька, что-то есть в этих маршах. Когда все вместе... А самое главное в том, что я выяснил один вопрос.

— Какой?

Юрка молчал. А что молчать? Начал, так говори. Янке-то, небось, уже все рассказал... Кстати, где Янка? А, вон они на площадке с Глебом. О чем-то говорят, бойко так... А теплый ветер все летит навстречу, и вагон гудит басовой струной... И я уже думать забыл, как это странно: вагон без тепловоза, мчимся неизвестно куда... Кажется теперь, что в обычном дачном поезде едем. Не страшно нисколько. Разве так ездят в бесконечность?

Только одно удивительно: звезды продолжают лететь назад, и закат почему-то стал ярче, будто мы догоняем его в пассажирской ракете.

А сколько времени мы едем? Я взглянул на часы. Опять стоят, что ли? Вагон свой путь начал ровно в десять, я заметил, а сейчас десять ноль две... Надо спросить у Глеба или у Янки (у Юрки не хочу).

Я собрался вскочить, но Юрка остановил:

— Подожди. Я же не рассказал про свой вопрос...

И я остался сидеть. Смирно-смирно.

Юрка затеребил на груди аксельбант и начал говорить:

— Я в конце мая в Нейск ездил, к матери. Помнишь?.. Как-то раз вижу: она всякие бумаги и открытки перебирает, на меня не глядит. Вдруг со стола карточка упала. Старый такой снимок, даже не цветной. Я поднял, а мать почему-то испугалась: «Дай сюда!» «На, — говорю, — а что здесь такого? Посмотреть нельзя?» На самом деле, что такого? Двор какой-то снят, девчонка тощая и трое пацанов. Маленько на нас похожие. С палками, с саблями деревянными, вроде как мы тогда в мушкетеров играли. А один с барабаном самодельным. Видно, что из бачка, но все как надо сделано, шнуры натянуты... Я спрашиваю: «Кто это?» Мать заулыбалась, потом говорит, будто в чем-то признаться решила:

— Это я, — и на девчонку показывает.

Я даже заморгал: забавно так...

— А ребята эти кто?

— Ну, кто... Мальчишки с нашего двора. Уж и не помню, как звали.

Странно, да? Вместе играли — и не помнит... Двое рядом с ней стоят, а тот, что с барабаном, чуть в сторонке. Оглянулся на них, голову повернул — будто окликнуть хочет. Локоть чуть отвел, ждет чего-то...

Мать говорит:

— Ну, давай карточку.

— На, — говорю. Повернулся, протянул ей. И себя в зеркале увидел... Знаешь, Гелька, сходства в лице никакого. Но вот голова повернута, рука откинута... Я сразу спросил:

— Выходит, ты его с детства знала?

— Кого?!

— Отца.

Ну, сперва шум, крик: «Дурак, что ты выдумал, что за бред!..» Я опять спрашиваю:

— А что, он в ваших играх был барабанщик?

Она вдруг в слезы и отвечает так... ну, не то, что со злостью, а будто болит у нее что-то:

— всю жизнь он был барабанщик...

— А он где?

— Господи, откуда я знаю! Кто на Земле может сказать, где он и что с ним...

— А почему не может?

— Отстань! Я тебе раз и навсегда запретила об этом говорить.

— Он же отец.

— Да не отец он! Он даже не знал, что ты есть на свете!

И опять в слезы... Тут пришел этот, «зам-паша». Ну и конец разговору...

Юрка еще раз дернул аксельбант и замолчал.

— Дальше-то что?

— А дальше... Когда в парке меня в барабанщики позвали, я подумал: пойду. Если получится из меня барабанщик, значит, я в отца. Значит, парнишка тот и вправду отец. Ниточка будет...

Я сидел насупившись. Потому что не получился из Юрки барабанщик. Так я и должен ему сказать. Если решусь...

— Я знаю,—сказал Юрка.— Ты думаешь, что я сбежал и бросил ребят.

— Барабанщики не уходят из-за таких пустяков...— пробормотал я.

— Барабанщики не должны подчиняться горластым теткам.

— Спорил бы! Пусть ее прогонят!

Юрка хмыкнул:

— Восстание затевать? Здешние барабанщики не для боя, а для карнавалов... А восстания почти никогда не кончаются победой. Можно только уйти.

— Если вместе. А ты один...

— Я думаю, сегодня вечером ушли многие.

— Откуда ты взял?

— Раз говорю — знаю...

— Все ты знаешь... А вот про палочку, которую потерял...

— Гелька! Юра! — Это Глеб. Он помахал нам из дверей.— Давайте сюда, скорее!

Мы вышли на переднюю площадку. Здесь ветер был плотнее, он бил в лицо и распахивал на мне куртку. Рельсы блестели от фонаря и мчались под вагон. И закат... он правда приближался! Ясный, розово-желтый.

— А левой колее уже нет! — громко сказал Янка.— Мы мчимся по однопутке!

— Зато справа,—сказал Глеб,— я видел... ребята, честное слово! Я видел огни и газовый факел завода «Богатырь»!

Справа, за черными летящими кустами, замелькала и побежала навстречу нам цепочка желтых квадратов. Поезд! Он промчался в сотне метров от нас.

— Значит, там тоже линия! — сказал Юрка.

— Конечно,—радостно отозвался Глеб.

— Я же говорил — доберемся! — обрадовался Янка.

Я спросил:

— Так что же? Мы едем в бесконечности?

Глеб засмеялся:

— Не знаю.

Я сказал:

— У меня часы встали. Сколько сейчас?

Глеб и Янка разом глянули на циферблаты.

— Десять ноль три.

— Да вы что? Мы едем всего три минуты?

Янка отозвался без всякой тревоги:

— А кто ее знает, эту бесконечность...

Закат сиял впереди, а над ним громоздилась резкая темнота, словно вечернюю зарю придавили черные тучи. Но это были не тучи, потому что в темноте сияли звезды. Они все еще двигались, но уже тише. Линия, которая шла справа от нас, делалась все ближе. Вдоль нее изредка мелькали фонарики. Наконец мы увидели, что рельсы этой линии побежали совсем рядом. Вот-вот пересекутся и сольются с нашими.

— Стрелка! — крикнул Янка. Метнулся в вагон и тут же вернулся. Он держал на ладони ампулу с искоркой.

На стрелке

Вагон гасил скорость. Правая рельсовая колея, прибежавшая из неведомых далей, где был город Колыч, плавно сошлась с нашей. Мелькнул столбик с фонарем и рычагом. Защелкало под колесами. Вагон прошел еще метров двадцать и встал, будто уперся в упругую подушку.

Мы соскочили в траву.

После вагонного шума показалось, что кругом тихо-тихо. Только наше дыхание и шепот. Было очень тепло, и по-прежнему пахло полынью. Янка вполголоса сказал:

— Пойдемте к стрелке.

Мы обогнули вагон и по шпалам подошли к фонарю на низком столбике. Фонарь горел неярким желтым светом. Это был жестяной ящик с круглым отверстием, в котором светилось ребристое стекло — как у фары старинного автомобиля. Казалось, за стеклом не лампа, а свечка. А может, так и было.

— Ручная стрелка,— тихо усмехнулся Глеб.— Рычаг для соединения пространств на границе мирозданий... Как я в прошлый раз прозевал этот механизм?

Из-под фонаря торчала метровая рукоять с противовесом. Янка расставил ноги и крепко ухватился за нее. Оглянулся на нас. Его лицо освещал закат, и в глазах блестели светлые точки. Как искорки.

— Переведем стрелку,—сказал он.— Потом проводим Глеба до Колыча. Верно, ребята?

— Подожди,—попросил Глеб.

Он тихонько отодвинул Янку от рычага. Постоял. Потом пошел к вагону. Мы двинулись за ним. Глеб вскочил на площадку под «сатурном», исчез в «Курятнике», но тут же вышел снова с сумкой на плече. Зачем-то выключил фонарь. Сумерки подступили к нам вплотную, а закат сделался еще ярче. Рельсы под ним засветились. Они были очень прямые и убегали в дальнюю даль. Мы приехали в бесконечность, где соединились параллельные линии от Старогорска и Колыча, а отсюда колея уходила еще дальше. Ну

и правильно. Ведь у бесконечности нет ни конца, ни края! И может быть, эти две стальные нити потом тоже соединятся в одну? И пойдет сквозь Галактику тонкий сверкающий монорельс...

Я смотрел вдоль убегающей под закат линии, и опять зазвенела в тишине Янкина музыка рельсов. Ее слушали головки высокой травы, которые четко рисовались на желто-розовом горизонте. И казалось, что рельсы сливаются не так уж далеко от нас.

Но куда они бегут? Кто их проложил?

Глеб сказал:

— Вот что, ребята. Не будем трогать стрелку... Если разобраться, что мне делать в Колыче? Наверно, уже и не ждет никто. Пойду-ка я вперед.

Мы молчали.

Пахнувшая полынью бесконечность, в которой начали потрескивать кузнечики, обнимала нас. И то, что сказал Глеб, не показалось мне странным.

Янка напряженно спросил:

— Ты решил? Ты ведь хотел домой.

— Я хотел делать свое дело... И сейчас хочу. И вот смотрю — эта дорога. Кто-нибудь знает, что там впереди? Нельзя, братцы, идти назад, когда впереди такая дорога. Потом всю жизнь себе этого не простишь... А может, это и есть

главное дело — узнать, куда она ведет. Может, про эту дорогу я напишу свою книжку...

— Если вернешься, — тихо, но жестко сказал Юрка.

— Ну... это уж как получится. Зато не надо метаться и выбирать.

— Что выбирать? — спросил я.

— В Старогорске я думал о Колыче. В Колыче грыз бы локти: зачем ушел из Старогорска... от вас ушел... А теперь все ясно — дорога одна.

Я опять посмотрел вдаль, куда собрался шагать Глеб. Закат бледнел, рельсы угасали. Мне показалось, что на горизонте из-за темных трав встали какие-то тени, будто очертания странного города. Но, наверно, это поднимался туман.

Глеб сказал:

— Все нормально, ребята. Одно плохо: надо простяться с вами...

— Может, еще увидимся, — прошептал я.

— Может быть, — согласился Глеб. — Ну... давайте ваши лапы.

Мы сложили руки в его огромную пятерню. Он сжал их все разом, потрянул, выпустил. И сразу стал уходить от нас, шагая быстро и широко — не со шпалы на шпалу, а через одну. Длинный, большерукий, сутулый. Хороший такой наш Глеб...

— Глеб, подожди!

Это крикнул Юрка.

Глеб замер шагах в двадцати. Оглянулся.

— Глеб, я с тобой...

Юрка быстро пошел к нему. И мы с Янкой, ничего не понимая, поспешили следом.

— Ты что? — сказал я Юрке.

— Все как надо, — откликнулся он. — Все получается в самый раз.

«Зачем? — чуть не закричал я. — Неужели тебе плохо с нами? Юрка...»

И сказал:

— Дома будет тарарам. Станут искать.

— Не станут. Тетка решит, что я уехал в Нейск. Пока разберутся...

— Но ведь разберутся же!

— К тому времени, может, и я разберусь.

— В чем?

— Да во всех этих пространствах и бесконечностях... Может, там его и найду...

— Кого? — тупо спросил я.

— Отца... Он же наверняка мотается с экипажем в субпространстве. Где же их искать, если не в бесконечности?

«Дурак ты, Юрка, — отчаянно думал я. — Что ты плетешь? Что ты выдумал?..» Но сказать это «выдумал» я не мог. Не смел. А Янка? Он-то что молчит?

Янка молчал. Я сказал тогда отчаянно:

— Ну с чего ты взял, что он был скадермен?

— Мать же проговорила: «Кто на Земле может сказать, где он?» А если не на Земле, тогда где?.. Я пойду.

«А как же я? Юрка! Не уходи! Ну, ладно, будь с Янкой, не обращай на меня внимания, только останься в Старогорске! Юрка-а! Если хочешь, снова делай меня человеком! Называй меня Копейкиным! Только останься...»

Он шагнул ко мне.

— Гель, ты это... В общем, ты на меня не злишься...

— Ну зачем ты идешь, — прошептал я.

— Надо, — вздохнул он.

— Ну и убирайся! — крикнул я.

Он молчал. Не сердито, а как виноватый страусенок Антон.

— Черт с тобой, — сказал я. — Все равно через две недели я уеду в Ярксон. К отцу.

Юрка отыскал под курткой и покачал мою повисшую руку, повернулся к Янке:

— Янка, пока... Не забывай, про что говорили, ладно?

— Юр... — нерешительно сказал Глеб. — Я даже не знаю. Я, наверно, не имею права брать тебя...

Юрка коротко засмеялся:

— А ты меня и не берешь. Я сам иду. С тобой рядом... Ну, пошли!

Я сел на теплый рельс и смотрел, как они уходят. Их силуэты уменьшались быстро-быстро. Потом они слились в одну точку. Может быть, там,

где слились в одну линию параллельные рельсы. И мы с Янкой остались одни на краю вселенной, в бесконечности, где все громче трещали ночные кузнечики.

Двое на рельсах

Янка сел рядом со мной.

Юрки и Глеба уже совсем не было видно. Только маковки черной травы рисовались на закате, который все бледнел и стал зеленоватым. Над закатом висел вверх рогами очень большой и очень тонкий месяц.

Не хотелось вставать, не хотелось ничего делать. Но не сидеть же всю ночь. Тем более, что вдруг она в этой бесконечности тоже бесконечная...

— Поедем? — спросил я у Янки.

— Ну... пожалуйста, — сказал он. И встал. Я тоже. Шурша по головкам травы курткой, пошел к вагону. Вагон громоздился на рельсах, как темное чудовище. Янка вдруг сказал:

— Гель... подожди.

Я остановился.

— Вот... — проговорил он неловко. — Возьми это... Юрка велел передать. Еще давно велел, да я как-то... не получалось. — Он сунул мне в руку что-то маленькое, плоское и твердое.

И я сразу понял. Догадался. Это была та арабская монетка.

— Откуда?

— Он ее тогда нашел. Долго лазил по траве... Потом говорит: отдай как-нибудь...

— Да? — сказал я, и захотелось зареветь, как в давнем дошкольном детстве, когда первый раз уезжала мама. — А сам-то... он почему не отдал?

— Ну, он вообще... — вздохнул Янка. — Я ему один раз сказал: «Зачем ты так с Гелькой? Ему же обидно». А он говорит: «Так надо».

— Почему надо? — горько спросил я.

— Он говорит: «Гелька — такое существо... Он привязчивый. Я уйду, а он будет изводиться. Пускай уж лучше злится на меня...»

— Почему? — прошептал я. — Разве он знал, что уйдет?

— Давно...

— Откуда? Он же только сегодня увидел эти рельсы. Он из-за Глеба...

— Не из-за Глеба, — виновато сказал Янка. — Наверно, из-за меня... Потому что я играл ему «Восстание».

— При чем тут «Восстание»? Ты же не хотел, чтобы он ушел!

— Не знаю... — шепотом отозвался Янка. — Теперь все равно... Гель...

— Что?

— А зря мы не отдали искорку...

— Кому?! — испугался я. Сразу вспомнил о Клоуне.

— Глебу и Юрику. Им она нужнее. Они там одни, впереди неизвестно что... А в ней вон какая энергия.

«И опасность»,— подумал я. И боязливо оглянулся. А что если кто-нибудь в темноте скажет сейчас шелестящим голосом: «Геля Травушкин, подари искорку...»

И фонарь не горит, Глеб его зачем-то погасил.

Я прыгнул на площадку вагона, дотянулся до выключателя «сатурна». Но «сатурн» не зажегся, сколько я ни давил кнопку. Я потряс его — никакого результата.

— Теперь не загорится, пока не зарядим на солнце,— сказал снизу Янка.

Мне по-прежнему было страшно. Я соскочил с площадки и судорожно нащупал свой фонарик — он оттягивал боковой карман куртки и колотил по колену. Без света нельзя. Войдем в темный вагон, а там — хлоп — и кожаные браслеты на руках... «Геля, подари искорку...»

— Янка! — сказал я.

— Что?

«Ну, а если расскажу? — подумал я. — Чем он поможет? Легче разве, если будем бояться вдвоем?»

— Янка... чего теперь говорить. Юрку и Глеба все равно не догнать...

— Не надо их догонять. Сделаем бумажного голубка, искорку — на него. Пустим — и он долетит.

— Он-то долетит. А мы без искорки как доберемся домой?

— Пешком. Это же недалеко, оглянись.

В той стороне, откуда мы приехали, за вагоном, горели огни Старогорска: ряды окон в многоэтажном квартале, освещенные прожекторами башни монастыря, красные лампы телевышки.

— За час дошагаем,— вздохнул Янка.— Не такая уж длинная оказалась эта бесконечность...

— Да,— сказал я и обрадовался: не хотелось мне в темный вагон.

— Значит, пошлем искорку?

Я молчал.

— Неужели жалеешь? — тихо спросил Янка.

— Янка, не жалею. Ты не знаешь...

— Что?

— Сядь.

Он сразу послушался. Мы опять сели на теплые рельсы. Друг против друга.

И я наконец-то рассказал про все. И даже про то, почему молчал до сих пор. Наверно, я это очень сбивчиво объяснил, но Янка понял. И не удивился.

— Кажется, я про такие дела уже слышал.

— Да? Янка, где?

— Не помню. Давным-давно. Может, дедушкина сказка...

— Это не сказка, Янка. Опасно посылать искорку. Вдруг эти... Клоун и его дружки начнут

охотиться за Юркой и за Глебом, а те даже ничего не знают...

— Можно объяснить им. Написать прямо на голубке... Гель, они искорку сэберегут лучше нас. Они сильнее нас, и смелости у них побольше.

Это была правда.

— Ладно, давай! — Я встал.— Бумага для голубка у тебя есть?

— Ой, нет...

Я накинул свою длиннополую куртку на Янку, а сам зашарил по карманам на шортах и на рубашке.

— Да тут в куртке полно каких-то листов,— сказал Янка.

— Это нельзя, это записки Глеба... Вот, я нашел... Смотри, это письмо Еремы!

Янка включил фонарик. Прочитал. Сказал серьезно:

— В самый раз. Вот его и пошлем. Только напишем еще...

У Янки в кармане оказался автоматический карандашик. Янка разложил листок на твердой шпале. Я светил, а он писал:

Мы посылаем вам искорку. Вам с ней будет лучше. Только охраняйте ее от врагов. Не верьте клоунам в массах и берегитесь гипсовых шпильков, они охотятся за искоркой. Вот Еремино письмо. Он хотел что-то рассказать, но не успел.

Янка и Гелька.

Мы свернули из письма голубка. Такого, каких пускаем в школе на переменах (а иногда и не на переменах). Выпустили из ампулы искорку. Посадили ее на бумажный клюв. Крошечная галактика засветилась ярко-ярко, будто прощалась с нами.

— Пускать? — спросил Янка.

— Пускай.

Он встал и легонько толкнул голубка — в ту сторону, где все еще светлело над горизонтом небо и горел месяц. Голубок пошел легко и ровно. Последний раз мигнула нам искорка и вместе с голубком растворилась в темном воздухе.

— Долетит,— сказал Янка.

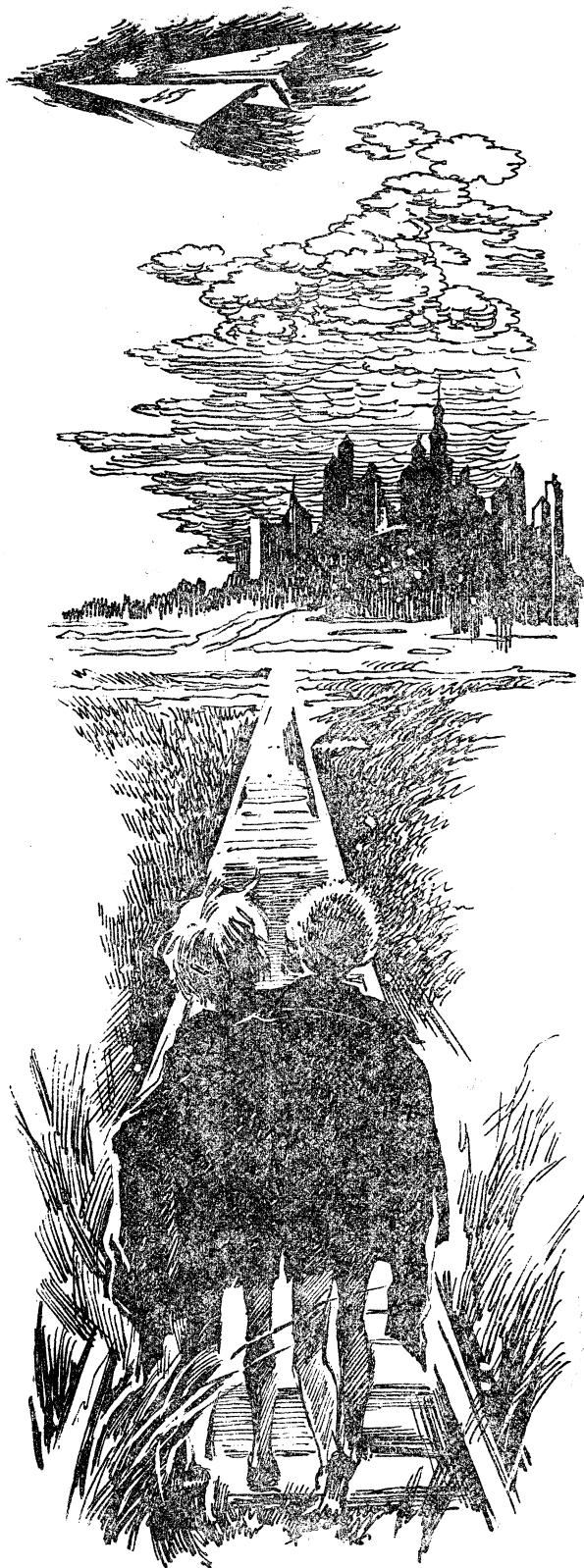
Я кивнул. И спросил:

— Пошли домой?

— Да...

Мы не стали заходить в вагон. Не потому, что страшно. Теперь-то бояться было нечего. Просто «Курятник» был для нас как дом, а прощаться с опустевшим домом всегда грустно. Лучше уж так... Хорошо, что вагоны не умеют думать и чувствовать. А то ему сейчас тоже было бы тоскливо. Мы уходим, а он смотрит вслед. Что он будет делать один? Стоять бесконечное время на пустых путях...

А почему на пустых? Что мы знаем про эту линию? А если оттуда, из бесконечности, вылетит на полной скорости поезд?

— Янка! А вдруг кто-нибудь врежется в вагон?

Мы быстро оглянулись.

Вагона не было.

Там, где он только что громоздился черным неровным кубом, не было ничего. Только рельсы да высокая трава рядом с ними.

— Не врежется...— прошептал Янка.

Я даже не удивился. Мало ли что может быть на границе разных пространств. Просто сделалось горько-горько. Понял я, что все кончилось.

Кончились вечера в «Курятнике», приключения, сказка про Искорку, неуклюжая моя дружба с Юркой, тайна Глеба, опасности... Даже страхи и опасности мне стало жаль.

— Пойдем...— прошептал я.

И мы пошли к недалеким огням Старогорска.

Шагать по шпалам было неудобно. Ступать на каждую — это слишком частый шаг, а через одну — широко. Я встал на рельс и двинулся по нему, как по канату. Ничего, можно идти. Главное, не думать все время про равновесие, оно само собой появится.

Янка тоже шел по рельсу.

Звезды были очень яркие, да и месяц за нашими спинами набирал силу. Можно было различать дорогу и друг друга. Я посмотрел на Янку, он на меня. Еремина куртка была теперь на Янке, и он в ней казался похожим на пингвина-канатоходца из цирка.

Я чуть-чуть улыбнулся. Янка сказал:

— Давай держаться за руки, будет легче идти.

— Давай.

В самом деле стало легче. Не так шатаешься, когда рука в руке. Янкины пальцы были теплые и очень тонкие. Но они были крепкие...

Так мы шли минут пятнадцать. А впрочем, кто знает? На часы я не смотрел: вдруг там опять какая-нибудь путаница. Тяжелая куртка часто сползала с Янкиного плеча, он ее поддерживал.

Я сказал:

— Мешает? Давай понесу.

— Да ничего... Она какая-то вся бумагой набитая. Все карманы.

— Я же говорю, это Глеб мне оставил.

— Гель... А дашь почитать?

Я усмехнулся:

— Ну... пожалуйста.

— А давай сейчас посмотрим...

— Зачем? — удивился я. — Не успеешь, что ли?

— Ну... так. Давай немножко глянем, а? Мне всегда было интересно, что он пишет, а спросить боялся. Там стихи?

— Да с чего ты взял?

Мы остановились. Я включил фонарик.

— Доставай.

Янка вытащил мятые свернутые листы. Серые, исчерканные.

— Да не то,— сказал я.— Это старые какие-то. В другом кармане возьми.

Но Янка придвинул мою руку с фонариком.

— Гель, смотри... Это Еремины чертежи. Это же Васька!

Я увидел какие-то линии, квадраты, а среди них — начерченную фигуру тонконогую роботенка. А потом, на других листах, его улыбающуюся квадратную голову с носом, похожим на рожок чайника. Руки, туловище...

— Гелька! — радостно сказал Янка.— Раз есть чертежи, можно сделать Ваську!

— Мы же не умеем.

— Научимся! Главное, что есть чертежи!

— А искорка? Ее-то нет.

— Гель... Разве мы не можем сделать вторую?

«А ведь правда же! — подумал я.— Мы же помним рецепт!»

Но тогда опять... Опять надо жить с оглядкой, бояться всяких клоунов и других непонятных врагов.

Но если прятаться от них, так и не поймешь, кто они такие! Не поймешь, зачем им нужна искорка и почему так легко разлетелся от удара барабанной палочки гипсовый дурак с веслом... А он хорошо разлетелся!

Я засмеялся, вспомнив это. А потом честно сказал Янке:

— Страшновато.

— Из-за Клоуна?

— Из-за пальца. Я знаешь как боялся иголкой тыкать. А теперь опять...

— Я еще больше боялся.

— Ты?!

— Конечно. Ты все же сам проткнул, а я струсил... Ну, ничего.

— Как-нибудь,— согласился я.

— Зато будет Васька.

— Будет,— сказал я. И подумал, что ничего еще не кончено.

Мы затолкали чертежи в карман и опять пошли по рельсам. В одной руке я держал Янкину руку, а в другой сжимал Юркину монетку. И все время помнил, что где-то далеко от нас так же шагают Юрка и Глеб. И, наверно, держат в ладонях голубка с искоркой. И помнят про нас.

— Гелька! — вдруг встревоженно сказал Янка.— А ведь нас всего двое!

— Ну и что?

— А капелек надо не меньше трех. Кто еще даст?

Я даже не задумался. Сразу мелькнула в памяти огненная рубашка и веселое лицо.

— Даст,— сказал я.

— Надо, чтобы надежный человек.

— Он надежный. Тот мальчик, что принес от Еремы письмо.

— А, ясно,— откликнулся Янка, и я понял, что он улыбнулся.

Но тут же он печально сказал:

— Нет, Гелька, ничего не получится.

— Почему?

— Ты же скоро уедешь в Ярксон.

Я не сразу ответил. Не так-то легко было ответить. Я вспомнил печальные мамыны глаза и еще многое вспомнил. И отца, и свои тревоги. А Янка ждал, я понимал, что он ждет. Почему-то мне вспомнилось, как он при первой встрече загоразивал скрипку и какое у него было лицо.

И мне показалось, что теперь у него в темноте такое же лицо.

— Нет, Янка,— сказал я.— Не уеду.

Он задыхался так, будто сбросил в траву со спины тяжеленный рюкзак. И заговорил быстро и весело:

— Конечно! Нам же столько сделать надо! И узнать про многое надо!

— Про Клоуна...

— Конечно. А когда будет полнолуние, надо пробраться на свалку. Есть на самом деле ржавые ведьмы или нет?

— По-моему, Ерема не врал,— сказал я.

Справа, от темного горизонта потянул ветерок. Сильно зашелестела трава, ночные кузнечики опять примолкли. Ветерок был зябкий, и я вздрогнул, дернул плечом. И задел им плечо Янки. И только сейчас понял, что мы идем вплотную друг к другу. Не вытягиваем руки, чтобы держаться, а касаемся локтями.

— Янка, ты разве не по рельсу идешь?

— По рельсу.

Рельсы — Янкин и мой — стали ближе. Может быть, бесконечность искала еще одну точку, где параллельные линии могут сойтись?

Снова потянул свежий ветер. Видимо, предрассветный. Янка распахнул куртку. Она была широченная, как плащ. Янка накинул ее на нас двоих. Это нетрудно, если идешь совсем рядом.

Вильям Шекспир в фантастических мирах

В ПРОШЛОГОДНЕЙ НАШЕЙ ВИКТОРИНЕ БЫЛ ВОПРОС, В КОТОРОМ ПРЕДЛАГАЛОСЬ ВСПОМНИТЬ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ШЕКСПИРУ. В СВОЕМ ОБЗОРЕ (СМ. ДЕКАБРЬСКИЙ НОМЕР) МЫ ОТВЕТИЛИ НА ЭТОТ ВОПРОС СУЗБО КОНСПЕКТИВНО. МЕЖДУ ТЕМ ОН ТАКИЛ В СЕБЕ МАТЕРИАЛ ДЛЯ МАЛЕНЬКОГО ЭССЕ, КАКОВЫМ И ЯВЛЯЕТСЯ ПУБЛИКУЕМАЯ ЗАМЕТКА ОДНОГО ИЗ ПОСТОЯННЫХ УЧАСТНИКОВ НАШИХ ВИКТОРИН.

**Несколько мальчишек с томиками Шекспира воровато подкрадывались к дюзам ближайшего астроплана...
А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу**

Великий английский бард и сам не был чужд фантастики. Вспомним тень отца Гамлета, трех ведьм из «Макбета», «Бюрю», в которой многие критики находят утопические мотивы.

И в свою очередь фантастика отнюдь не чужается имени Вильяма Шекспира. Почти невозможно перечислить все НФ произведения, в которых цитируются те или иные творения английского классика, поэтому я этим заниматься не буду.

Однако не могу не процитировать одно признание.

«Из писателей, не принадлежащих к числу фантастов... больше других на меня повлиял Шекспир (в постановках его пьес участвовали мои родители, а какое-то время я сам)...» — писал известный американский фантаст Фриц Лейбер в ответе на анкету журнала «Иностранная литература» (1967, № 1).

По сведениям того же журнала, в 1970 году Айзек Азимов работал над «Путеводителем по Шекспиру».

Но это — к слову. Итак...

Занавес открывается.

Мы в раю. Именно здесь капитан Стормфилд обнаружил великого барда, увенчанного почестями и славой, как, впрочем, он того и заслуживает (М. Твен. Путешествие капитана Стормфилда на небо). Эта идиллия продолжалась довольно-таки долго, однако во второй половине XX века в райские кущи прибывает сенатор Ральф Макслотер и начинает «охоту за ведьмами»,

еще памятную для Америки по временам маккартизма.

«— В ад! В ад, ко всем чертям! Кто там на очереди? Вильям Шекспир? Туда же! Шопен? Все одного поля ягоды — бунтовщики и коммунисты!»

Впоследствии бесноватого сенатора высылают на планету, населенную скорпионами, однако о дальнейшей судьбе Шекспира Владлен Качанов, автор рассказа «Райская жизнь Ральфа Макслотера», по-видимому, ничего больше не знает.

Поэтому давайте предположим, что несправедливо обиженный дух Шекспира отправился в путешествие по фантастическим мирам.

Вряд ли его заинтересовали параллельные миры, ибо на одной Земле Шекспир не писал никакого «Гамлета» (Д. Биксби. Улица одностороннего движения), а на другой само имя Шекспира не вызывает никаких ассоциаций (Г. Гор. Изваяние)...

Не все гладко и в будущем нашей Земли.

Некто Эугеньюш запрограммировал для машины полный Вебстеровский «Словарь Шекспира», задав ей соответствующие алгоритмы и историческую кодировку. Результат — прескверная одноактная пьеса (Е. Войсункий, И. Лукодьянов. Плеск звездных морей)...

Лиха беда начало!

Июн Тихий в своем 28-м путешествии упоминает, что один из его предков — или Каспар, или Иезекиль Тихий — сделался доработчиком окончаний к литературным произведениям. «Есть версии «Отелло», в которых Дездемона душит мавра, а есть и такие, где он, она и Яго живут себе в добром согласии...»

А чего стоит книжный конструктор, где изуродовать «Отелло» по своему желанию предоставляется

каждому?! (С. Лем. Делайте книги сами).

А в далеком будущем?!

Некто Гаспар сравнивает Шекспира с какой-то там словомельницей (Ф. Лейбер. Серебряные яйцеглавы). С другой стороны, Гарри Кримен пытается выдать «Отелло» за свое произведение (В. Зегальский. Писательская кухня). А чего стоят цитаты, приведенные вами в вопросе! (Напомним их: а) «Вчера один из лаборантов упомянул о Шекспире... Я догадался: Шекспир довольно известный литератор, работает в жанре драматургии ужасов. По-видимому, он пишет и сценарии для детективных стереофильмов...»; б) «Вы, конечно, шутите. «Отелло», чудесная древняя драма, плод бессмертной фантазии Шекспи...» Цитаты и впрямь выразительные, не правда ли? — Ред.)

И после всего этого совсем не удивительно, что Дух забыл свое имя и вспомнил его только после блистательной встречи с самим Вильямом Шекспиром, описанной во всем известном «Заповеднике голлинов» К. Саймака.

И возможно, вдвоем они поняли, что хотя кое-где не миновать жестокой кары тому, кто захочет тайком почитать Шекспира или Байрона (О. Хаксли. Прекрасный новый мир), а кое-где жгут книги Шекспира, — тем не менее люди уже начали заучивать его произведения наизусть (Р. Брэдбери. Лучезарный феникс), и даже появились уже люди-книжки и среди них Человек-Шекспир в романе того же Р. Брэдбери «451⁰ по Фаренгейту»...

А вот другой вариант. По раздробленной, вернувшейся к средневековой Земле ходят, жестоко преследуемые властями, «мнемонны», несущие в своей памяти цитаты, стихи, поэмы. Так, мнемон Смит дарит деревне, через которую проходит, два сонета Шекспира (Р. Шекли. Он назвался Смитом)...

И пройдут черные времена, и полетят к Солнцу, со строками Шекспира на устах, герои рассказа Р. Брэдбери «Золотые яблоки Солнца», и будет слушать классические пьесы Шоу, Ибсена, Шекспира астронавт Дэвид Боумен, уходя в свою «Космическую одиссею 2001 года» в романе А. Кларка...

И благодарное человечество скажет примерно так, как сказал Курт Воннегут в романе «Завтрак для чемпионов»:

«— А что же еще священо?

— Ну, например, «Ромео и Джульетта». И вся музыка...»

**П. АБДУЛИН,
Казань.**

На перекрестках времени: год 1984-й

С помощью клубов любителей фантастики и отдельных читателей, откликнувшихся на наше предложение, мы составили список памятных дат НФ на нынешний год. Это первый наш опыт, и мы надеемся, что читатели не только выскажут свое мнение о нем, но, главное, примут участие и в подготовке подобных списков на будущие годы.

Январь, 19. 175 лет со дня рождения американского писателя-романтика Эдгара Аллана По (1809—1849), автора ряда НФ произведений («Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфалля» и других).

Январь, 28. 100 лет со дня рождения швейцарского физика Огюста Пиккара (1884—1962), конструктора и испытателя стратостатов и батискафов, автора НФ повести «Цезарь, Клеопатра и Эйнштейн» (1955, рус. перевод — 1967).

Январь, 29 (февраль, 11). 75 лет со дня рождения популярного советского писателя-фантаста Ильи Иосифовича Варшавского (1909—1974), автора книг «Молекулярное кафе», «Человек, который видел антимир», «Солнце заходит в Дономаге», «Лавка снавидений», «Тревожных симптомов нет».

Февраль. 85 лет со дня рождения известного китайского писателя и общественного деятеля Лао Шэ (1899—1966), автора неоднократно издававшегося у нас фантастико-сатирического романа «Записки о Кошачьем городе».

Март, 4[16]. 100 лет со дня рождения первопроходца советской фантастики Александра Романовича Беляева (1884—1942).

Март, 6. 365 лет со дня рождения французского писателя Савиньена Сирано де Бержерака (1619—1655), автора философско-утопических романов «Иной свет, или Государства и империи Луны» и «Государства и империи Солнца».

Март, 24. 150 лет со дня рождения английского писателя и общественного деятеля Уильяма Морриса (1834—1896), автора социально-утопического романа «Вести ниоткуда».

Май, 19[31]. 85 лет со дня рождения (1899) известного советского писателя Леонида Максимовича Леонова, не раз обращавшегося к фантастике («Дорога на Океан», «Бегство мистера Мак-Кинли», «Мироздание по Дымкову»).

Май, 22. 125 лет со дня рождения известного английского писателя Артура Конан Дойля (1859—1930), автора ряда НФ произведений («Затерянный мир», «Маракотова бездна» и других).

Июль, 6. 20 лет со дня подписания в печать (1964) первого выпуска популярного отечественного альманаха фантастики «НФ» (издательство «Знание»).

Август, 15[27]. 100 лет со дня рождения грузинского советского поэта Александра Виссарионовича Абашиели (1884—1954), автора первого в грузинской литературе НФ романа «Женщина в зеркале».

Август, 16. 100 лет со дня рождения Хьюго Гернсбека, основателя первого американского специализированного НФ журнала, автора переведенного у нас романа «Ральф 124 С 41+».

Август, 20 (сентябрь, 1). 85 лет со дня рождения известного советского писателя Андрея Платоновича Платонова (1899—1951), автора НФ повести «Эфирный тракт» и ряда рассказов.

Сентябрь, 13. 90 лет со дня рождения (1894) известного английского писателя Джона Бойнтона Пристли, автора повести «31 июня» и ряда других НФ произведений.

Сентябрь, 17. 60 лет со дня выпуска на экран (1924) первого советской кинофантастики — фильма «Аэлита», поставленного режиссером Я. А. Протазановым по мотивам романа А. Н. Толстого.

Ноябрь, 26. 90 лет со дня рождения американского математика и философа Норберта Винера (1894—1964), основоположника кибернетики, автора НФ рассказов (один из них, «Голова», напечатан на русском языке в сборнике «Пиршество демонов». М.; 1968).

Декабрь, 3. 80 лет со дня рождения (1904) старейшины американских фантастов Клиффорда Дональда Саймака, хорошо известного нашим читателям по романам «Заповедник гоблинов», «Город», «Все живое» и многим другим произведениям.

Кроме того, в наступившем году

70 лет исполняется 13(26) марта Вячеславу Ивановичу Пальману, автору романов «Кратер Эршота», «Вещество Ариль (Красное и зеленое)», «Два шага маятника»;

60 лет исполняется 20 апреля Владлену Ефимовичу Бахнову, автору НФ сборников «Внимание: ахи!» и «Тайна, покрытая мраком»; 17 августа — Лидии Алексеевне Обуховой, автору повести «Лилит» и других НФ произведений;

55 лет исполняется Владимиру Дмитриевичу Михайлову, автору романов «Дверь с той стороны», «Строжай брату моему» и ряда других книг; Игорю Марковичу Росохватскому, автору романа «Гость» и нескольких сборников повестей и рассказов;

50 лет исполняется Киру Булычеву (Игорю Всеволодовичу Можейко), автору книг «Последняя война», «Чудеса в Гусяре», «Девочка с Земли» и других; Евгению Яковлевичу Гуляковскому, автору романа «Сезон туманов» и ряда повестей и рассказов; иркутскому писателю Борису Федоровичу Лапину, автору книг «Кратер Ольга», «Под счастливой звездой» и других; советскому космонавту дважды Герою Советского Союза Алексею Архиповичу Леонову, хорошо известному и в качестве художника-фантаста; Евгению Сергеевичу Велтистову, автору повестей «Электроник — мальчик из чемодана», «Рэсси — неуловимый друг», «Победитель невозможного» и других.

Обратим, кроме того, внимание на юбилей ряда НФ книг:

200 лет исполняется «Новейшему путешествию, сочиненному в городе Белеве» (1784) В. А. Левшина — первому отечественному произведению о полете на Луну;

60 лет — популярным романам «Блестящий мир» А. С. Грина, «Плутония» В. А. Обручева, «Месс-Менд» М. С. Шагинян;

25 лет — первой книге известных советских писателей-фантастов Аркадия и Бориса Стругацких — повести «Страна багровых туч».

«Ах, если бы воля...»

Валентин
ШУМОВ

Читатели герценовского «Колокола», получив в январе 1864 года очередной, 176-й номер газеты, познакомились с заметкой «П. А. Мартыянов и земской царь». В ней рассказывалось о трагической судьбе стихотворца-крестьянина, сосланного в каторжные работы на пять лет и потом на пожизненное поселение в Сибирь.

Кто же был этот человек, судьба которого заинтересовала Герцена?

Известно, что уроженец села Большой Ключ Корсунского уезда Симбирской губернии Петр Мартыянов был крепостным крестьянином графа А. Д. Гурьева. Отец его Алексей Прокофьевич Мартыянов служил у Гурьева управляющим имением.

Петр научился грамоте при вотчинной конторе, с ранней юности пристрастился к чтению. 19-летний Петр уже помогал отцу заниматься хлебной торговлей, нередко ездил по торговым делам в Рыбинск и другие города. На досуге сочинял стихи.

17 апреля 1854 года «Московские ведомости» опубликовали письмо и два стихотворения Петра Мартыянова. В письме говорилось: «...прочитавши известие о многих патриотических стихах, присылаемых к вам от многих сословий, и не найдя в этих сословиях одного, хотя низкого, но зато коренного русского сословия, я решился пополнить пробел этот и предложить вам стихи... Можно — напечатать, нельзя — оставить; по крайней мере, пробел пополнен».

Получив стихи неизвестного ей автора, к тому же крестьянина, редакция «Московских ведомостей» представила их цензору. Стихотворение «Послание султану» не вызвало возражений: в нем 18-летний автор горячо утверждал, что «врата растворяются златые и русский царь взойдет в Царьград», что «все по-

клонники пророка падут во прах перед крестом».

Но стихотворение «Голос патриота» заставило цензора Назимова насторожиться:

Зачем мимо ратного поля
Судьба меня грязью ведет?
Ах, если бы воля, да воля,
Нашел бы я вам исход.

Слова о воле в одном случае цензор заменил строкой: «Ах, если бы иная мне доля...» Стихи появились в № 46 «Московских ведомостей» за 1854 год с редакционным примечанием: «Такие излияния дороже всех других... Стихотворения крестьянина Мартыянова, особенно первое, обнаруживают самородный талант — и мы приглашаем наших читателей обратить на них особенное внимание».

Одним из первых обратил «особенное внимание» на стихи молодого крестьянина московский генерал-губернатор Закревский. Он запросил у цензора Назимова: кто такой этот поселенец, который жалуется так красноречиво на неволю и грязную жизнь?

Затем последовали запрос симбирскому губернатору и объяснение Петра Мартыянова:

«Стихи, присланные в редакцию «Московских ведомостей», есть собственное мое сочинение. Если же лица, встретившие сомнение, что я, как человек не обучавшийся в учебном заведении, не мог написать стихи, то я готов доказать это вновь на самом деле, имея ввиду то, что усердие и старание все преодолевают в свете. К сему показанию Петр Алексеев Мартыянов руку приложил.»

Как видим, крепостной стихотворец оказался с ершистым характером, не лишенным чувства собственного достоинства. Закревский в письме к симбирскому губернатору отметил с неудовольствием, что оный Мартыянов «обнаружил вольный образ мыслей».

Однако это было только начало вольнодумства Петра Мартыянова. В 1861 году он приехал в Лондон, всерьез занялся изучением политических наук, побывал у А. И. Герцена.

Свои политические взгляды он изложил в письме к царю Александру II, написанном в апреле 1862 года, а также в брошюре «Народ и государство», вышедшей в свет в конце того же года. Письмо к царю Мартыянова было опубликовано в № 132 «Колокола» в мае 1862 года. Оно содержало резкую критику сословно-бюрократических порядков в России и идею внесословной народной монархии во главе с земским царем. Отражая в своих взглядах утопические чаяния крестьянства с царистскими иллюзиями, Мартыянов горячо верил, что в России возможна «монархия народная,

рука об руку союзная с земством, представляющая земство».

Эти мечты кончились для него суровым приговором в сибирскую ссылку.

«Человек, испытанный всеми горями и бедствиями русской жизни, одаренный необыкновенным умом, энергичный, глубоко страстный, Мартыянов сосредоточился весь на вопросе о судьбах русского народа; тут была его поэзия, его религия, любовь и ненависть», — писал «Колокол».

«Колокол» отмечал, что Мартыянов «ненавидел крепостное право и крепостников», что «вина его состояла в его письме... к своему земскому царю», но теперь «пять тяжелых лет научат его не смешивать идеального земского царя с тем, который живет в первой Адмиралтейской части».

15 июля 1866 года «Колокол» сообщил о кончине П. А. Мартыянова: «Он умер в каторжной работе, вся вина его состояла в том, что он свою пламенную любовь к русскому народу смешивал с верой в земского царя. Царь убил его за это».

Судьбы КОЛОКОЛОВ

Юрий
ДУНАЕВ

Издrevле на Руси пели колокола. Маленькие и большие. В скромных звонницах и на богатых колокольнях. Праздничным многоголосием и всполошным звоном набата вещали они о радостных и горьких событиях в жизни народа.

После расправы с непокорными новгородцами царь Иоанн III объявил: «Вечу и колоколу в Новгороде не быть». Знаменитый колокол — голос новгородской вольницы сбросили со звонницы. Мятельный колокол отхлестали кнутами, погрузили на сани и повезли в Москву. Через топи и болота с трудом везли бронзового бунтаря царские слуги, а когда добрались до Валдая, оказалось, что все пути размыты, и царь отдал приказ разбить опальный колокол. «Новгородские предания» К. Случевского рассказывают нам о событиях 1478 года.

Разбили колокол, разбили!..
Сгребли вальдайки медный сор,
И колокольчики отлили,
И отливают до сих пор...

Необычна судьба одного из углических колоколов, который попал в... длительную ссылку. «Летом 1591, мая в 15 день,— сказано в летописи,— в древнем городе Угличе погиб восьмилетний царевич Дмитрий — сын покойного Ивана Васильевича Грозного и пятой супруги его Марии Нагой».

Было ли то убийство или подверженный эпилепсии Дмитрий сам зарезался, установить трудно. Легенда же утверждает: было убийство. И видели его соборный сторож Максим Кузнецов и поп Федот по прозвищу Огурец. Они ударили в набат. Сбежался народ.

Нагие обвинили Битяговских в убийстве царевича и подняли против них жителей Углича. Разъяренная толпа побила Битяговского, Качалова и Волохова камнями. А в народе слух прошел: Годунов убийц подослал. В Угличе вспыхнул бунт...

Борис Годунов за сыск принялся круто. Жестоко расправился с восставшими угличанами. Соборный сторож Максим Кузнецов и Федот Огурец первыми на лобное место взойшли. Многих угличан отправили на плаху, других погнали на каоторгу, причем у каждого было отсечено ухо...

— А колокол в Сибирь,— распорядился Борис.— Бить его плетью, вырвать язык и в Сибирь на вечное поселение...

Его сбросили с колокольни, били кнутами, отрубили одно ухо, а о провинности и мерах наказаний высекли на колоколе соответствующий текст. Весь путь с верхней Волги за Урал, до сибирской столицы Тобольска шли триста угличских ссылных мужиков, попарно скованных, и волоки за собой на деревянных санях колокол-бунтарь весом сорок девять пудов и двенадцать фунтов.

В главном городе Сибири воевода князь Лобанов-Ростовский велел опальный колокол в приказной избе запереть и записать такую сделать: «Первоссылный неодоушвенный из Углича».

Не один век провел бронзовый бунтарь в ссылке. И здесь, в сибирской стороне, он не умолкал. Первоначально его голос звучал «в церкви Всемилостивого Спаса, что на Торгу, а потом на Софийской (соборной) колокольне был часобитным». В шестидесятих годах прошлого века путешественник С. Максимов, побывавший в Тобольске, отмечал: «До сих пор в Тобольском Кремле, подле архиерейского дома, в особенном, огороженном месте висит ссылный угличский колокол... в товариществе других четырех, по-

добранных под тон, и отличается от них урезанными (отломанными) ушами, но с целым языком, зато с обгрызанными краями. Уши его надломлены и края биты — по русскому народному преданию — в наказание за преступление: бил в набат, звук давал, народ собирал; народ возмутился и злодейство учинил — кровь пролил в самосуде».

В 1849 году жители Углича обратились к правительству с просьбой о помиловании медноголового ссылного и возвращении его на родину. Синод затребовал на колокол положительную характеристику из Ярославля, но материалов не собрали, и колокол остался в ссылке.

На проходящей в Екатеринбург-Екатеринбург-Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 года демонстрировалась модель ссылного колокола, изготовленная скульптором Ф. С. Ляхмайером. После выставки в Угличе вновь заговорили о возврате крамольного колокола. И только в 1892 году, через триста лет, было «официально доказано», что срок наказания истек, колокол получил «помилование» и возвратился на родину. В наши дни этот колокол находится в краеведческом музее Углича.

Еще один колокол провел свою жизнь в ссылке. В 1618 году набатный колокол Московского Кремля нарушил послеобеденный сон царя Федора Алексеевича. Разгневанный правитель приказал нарушителя спокойствия снять с колокольни и сослать в Никольско-Карельский монастырь навечно...

Вряд ли на какой-либо другой колокол, как на херсонесский, заведено такое обширное досье, в котором содержится и дипломатическая переписка, и государственные акты. Его жизнь наполнена событиями. Изготовленный на старинном русском заводе, внешне ничем не примечательный, простой строгой формы, без всяких украшений, но обладающий своеобразным мелодичным звоном, колокол нес свою мирную службу в Херсонесском монастыре, выполняя культовые обязанности и, по совместительству, роль набережного маяка.

Но вот в 1854 году французы захватили Херсонес и превратили монастырь в военный склад. Уходя из Крыма, они, как солдата, пленили и колокол: сняли с монастырской колокольни и вывезли его во Францию. На чужбине пленник не потерялся на интендантских складах. За прекрасный звон он был подвешен на одной из башен знаменитого Нотр-Дама (собора Парижской богородицы) и десятки лет услаждал слух парижан.

Российское правительство не раз обращалось к французскому с просьбой вернуть колокол на родину. В севастопольском городском архи-

Царь-колокол

е хранится любопытный документ: «Дело № 40 о возвращении из Франции колокола, плененного в Крымскую кампанию и висевшего в башне храма в Париже в 1898 г. ...13 августа 1912 года. Французское правительство будет счастливым отдать России колокол Херсонесского монастыря, как новый залог дружбы...»

Через шестьдесят лет колокол возвратился в Херсонес и был водружен на новую деревянную колокольню, которая выполняла также роль сигнального поста: в туман и в зимние штормы раскатистый колокольный звон помогал морякам определить свое местонахождение.

Великая Отечественная война 1941—1945 годов оставила на нем следы пулей и осколков. В наши дни черно-зеленый от времени старинный колокол висит на каменных опорах в пятидесяти метрах от берега, близ полуразрушенного монастыря.

В 1599 году Андрей Чохов, создатель царь-пушки, по указу Бориса Годунова отлил колокол в две тысячи пудов. Однако короткой оказалась жизнь бронзового великана. Во время пожара он сорвался с деревянной башни, на которой висел посреди Кремля, и разбился. Царь Алексей Михайлович повелел использовать обломки этого колокола для отливки нового гиганта весом в восемь тысяч пудов. Пригласили иностранных специалистов. Изумившись замыслу русского царя, они просили на изготовление колокола не менее пяти лет.

Но вот явился к царю неизвестный мастер Емельян Данилов. Ему

«колокольное дело в обычай» и указ царя он взялся выполнить в течение одного года. Алексеевский колокол был отлит даже ранее истечения срока. Однако через несколько месяцев колокол-исполин разбился от невольного удара. Данилова тогда и не было в живых. Стали искать, кто мог бы перелить громадный колокол. Вызвался «совсем еще безбородый» литейщик Александр Григорьев, в будущем знаменитый государев мастер. Он справился с делом умело и быстро — всего за 10 месяцев. Успенский колокол — отец царь-колокола был почти равен по весу своему знаменитому потомку. В 1668 году колокол-гигант установили на звоннице Кремля. Но этот великан, как и его предшественники, не сохранился до наших дней. Через 46 лет он погиб во время большого московского пожара...

Императрица Анна Иоанновна повелела перелить григорьевский колокол, разрушившийся от пожара в 1701 году, в новый, более крупный, добавив две тысячи пудов бронзы, чтобы было десять тысяч пудов. За отливку гиганта взялся Иван Моторин с сыном Михаилом.

В 1735 году самый великий на свете царь-колокол был готов. Но услышать голос его не довелось ни мастеру, ни потомкам: не успели колокол поднять из ямы, как в 1737 году в Москве случился новый большой пожар. Боясь, что колокол расплавится, сбежавшийся народ стал поливать его водой. Раскаленный металл треснул, и от колокола отвалился кусок весом 720 пудов. Подняли колокол лишь в 1836 году и установили на земле на территории Кремля. И только этот великан остался живым свидетелем искусства русских литейщиков. И люди дивятся не только гигантским размерам, но и прекрасной орнаментовке и рисункам, какими отделана поверхность царь-колокола.

Таковыми их видели современники

Валентин ВАСИЛЬЕВ

В 1850 году в омской тюрьме был составлен статейный список о каторжанах, сидящих там. Одна запись гласила: «Федор Достоевский, 28 лет. Лицо чистое, белое, глаза серые, волосы светло-русые, на лбу над левой бровью небольшой рубец. Телосложения крепкого. Ранжирная мерка 2 аршина 6 вершков. Осужден за принятие участия в преступных замыслах распространения письма литератора Белинского».

Сейчас мы с интересом читаем этот полицейский документ, потому что в нем в какой-то мере нашел отражение внешний облик великого русского писателя.

Читая произведения Пушкина и Гоголя, Тургенева и Достоевского, М. Горького и Чехова, нам, естественно, хочется знать, какими они были в жизни, как выглядели. Их современники, на наше счастье, оставили также свидетельства.

Благодаря И. И. Пущину мы знаем, каким был Александр Пушкин при поступлении в лицей: живой, курчавый, быстроглазый мальчик. Спустя почти два десятилетия перед русскими офицерами на Кавказе предстал их любимый поэт — простой в обращении, очень подвижный хохотун и забяйка, с большими ясными глазами, в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе, с белыми блестящими зубами, о которых он очень заботился, как Байрон. Он имел белую кожу и вьющиеся капитановы волосы. Носил щегольский черный сюртук, блестящий цилиндр на голове. Был чрезвычайно добр и сердечен.

Кстати, внешне очень напоминал Пушкина замечательный советский писатель и ученый Ю. Н. Тынянов. Это заметил пришедший в сентябре 1925 года поступать в Институт истории искусств юный Иракий Андроников. Правда, Тынянов «бакенбарды в то время уже не носил — это было слишком похоже и вносило элемент несерьезности. А похож он был не только лицом, но и телосложением».

С помощью современников поэта мы можем представить себе живого Михаила Юрьевича Лермонтова.

Наружность его была замечательна, свидетельствовал писатель И. И. Панаев. Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие, умные и пронзительные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго.

Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах, по мнению И. С. Тургенева, возбуждала неприятное ощущение. Но, добавлял Тургенев, присущую мощь тотчас сознавал каждый. Известно, что он до некоторой степени изобразил самого себя в Печорине.

Мы многое знаем о внешности и пристрастиях Николая Васильевича Гоголя. Он имел русые волосы и коричневые глаза, роста был ниже среднего, немного сутуловат и глуховат на одно ухо. К вину пристрастия не обнаруживал, но любил вкусно поесть. Очень любил украинские песни, хотя сам пел плохо. С. Т. Аксаков подмечал в нем «что-то хохлацкое и плутоватое».

В октябре 1851 года в последний раз виделся с ним И. С. Тургенев и пораился происшедшей в Гоголе перемене. Если ранее он имел вид приземистого и плотного малоросса, то теперь Тургеневу он показался «худым и испитым человеком... Какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное беспокойство приmeshивались к постоянно пронизывающему выражению его лица».

Николай Васильевич тогда уже был тяжело болен. Спустя несколько месяцев его не стало.

И. С. Тургенев набросал также облик Виссариона Григорьевича Белинского, причем заметил, что известный портрет художника К. Горбунова, выполненный в 1843 году, дает о Белинском «понятие неверное». Это был человек среднего роста, на первый взгляд некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головой. Почти постоянно кашлял. Лицо имел небольшое, бледно-красное, нос приплюснутый, маленькие частые зубы. Густые белокурые волосы падали клоком на белый, прекрасный, хотя и низкий лоб. «Я не видел глаз более прелестных, чем у Белинского, — замечал Иван Сергеевич, — голубые, с золотыми искорками в глубине зрачков, эти глаза... расширились в минуты воодушевления; в минуты веселости взгляд их принимал пленительное выражение приветливой доброты и беспечного счастья».

Белинский имел слабый голос, с хрипотой. Ходил обычно большими шагами. Это был искренний, увлекательный человек.

Однажды в кружке Белинского появился коренастый, небольшого

роста, с круглым загорелым лицом и белокурыми волосами, зачесанными в височки, застенчивый провинциал. Одет он был постоянню в длинный сюртук, застегнутый наглухо, с черной косышкой, обмотанной вокруг плотной шеи. Это был поэт Алексей Кольцов. Таким он предстал перед И. И. Панаевым.

А вот впечатление Панаева о первой встрече с молодым Иваном Тургеневым. Он увидел на Невском проспекте очень красивого молодого человека с лорнетом в глазу, с джентльменскими манерами, слегка отзывавшимися фатовством. Молодой литератор явно не чужд был мелочного светского тщеславия и легкомыслия, свойственного молодости.

Известный судебный деятель и литератор Анатолий Федорович Кони в своих воспоминаниях нарицательно назвал черты ряда писателей. Читая их, зримо представляешь Алексея Феофилактовича Писемского: у него огромная голова с широким лбом, с большими навязанте черными глазами и крупными чертами лица, со всклокоченной короткой бородой. Говорил он по-костромски на «о», был большой хлебосол.

А у Ивана Александровича Гончарова Кони находил некоторое внешнее сходство с Обломовым: грузная фигура, слегка апатичный взор красивых серо-голубых глаз. Он был молчалив, скуп на слова, имел склонность к уединению. Другой современник, Р. Сементковский, дополнял портрет: Гончаров имел небольшой рост, носил густые усы и бакенбарды.

Завсегдатаи Малого театра в Москве нередко видели в директорской ложе коренастого мужчину выше среднего роста, широкоплечего, лысого, с рыже-красной окладистой бородой, с лицом чрезвычайно умным и симпатичным. Голос у него был звучный и приятный. Москвичи знали, что это автор многих пьес, идущих в театре, Александр Николаевич Островский.

Посетители редакции журнала «Современник» нередко встречали там двух неразлучных сотрудников. Один из них был старше по возрасту, небольшого роста, белокурый, худощавый, с умными голубыми глазами. Говорил он как бы с усмешкой, имел привычку прибавлять «с» — пет-с, да-с. Другой молодой человек выше среднего роста, с густыми слегка вьющимися темно-каштановыми волосами, с умными добрыми глазами, глядящими через очки, со спокойными, степенными движениями и речью. Это были Николай Гаврилович Чернышевский и Николай Александрович Добролюбов.

Там же, в редакции, за отдельной конторкой иногда стоял пожи-

лой мужчина с серьезным лицом, на котором выделялось большое пенсне в темной черепаховой оправе. Глухим голосом он нередко ворчал, выражая недовольство, и напоминал сердитого директора гимназии. В сущности же это был добрейшей души человек, Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Из свидетельств современников Аптона Павловича Чехова нам известно, каким он был в детстве, в молодости, в зрелые годы. В. Г. Короленко встретился впервые с 26-летним Чеховым. Это был молодой человек несколько выше среднего роста, с продолговатым правильным и чистым лицом, не утратившим еще характерных юношеских очертаний. У него были голубые лучистые глаза, из которых струился неисчерпаемый источник остроумия и веселья.

Таким же предстал Чехов осенью 1887 года перед писателем Н. Д. Телешовым: высокий молодой человек с красивым лицом, с русой бородкой и ясными, немного смешистыми глазами.

Иным увидел И. А. Бунин Чехова в Ялте, уже безнадежно больного туберкулезом — он похудел, потемнел в лице, двигался медленнее, голос его звучал глуше.

Как выглядел Максим Горький, известно по многочисленным фотографиям, портретам. И все же... Константин Андреевич Тренев писал о встрече с великим пролетарским писателем в мае 1916 года в Мустамяках: «На площадке лестницы стоял человек — несомненно Горький, но совсем не похожий на того Горького, которого мы привыкли видеть на портретах. Стриженная ежиком голова, большие рыжие усы, морщинистое лицо. Мне он страшно напоминал знакомого в детстве сапожника, а навстречу мне улыбались изумительной красоты и выразительности голубые глаза». Тогда Алексею Максимовичу шел уже 49-й год.

А каким он был в молодости, поведал Н. Д. Телешов. По словам Николая Дмитриевича, внешность Горького была весьма заметная: высокий, сухощавый, несколько сутулившийся, длинные волосы, закинутые назад, почти до плеч, маленькие светлые усы и бритый подбородок, умные глубокие глаза. Одевался он обычно в черную суконную рубашку, подпоясанную узким ремешком, и носил высокие сапоги.

Так выглядели в жизни те, кого мы нынче почтительно называем классиками русской литературы.

«Золотой поезд»

**Владимир
КОРОБКОВ**

Все, кто читал увлекательную приключенческую повесть уральского писателя Владимира Матвеева «Золотой поезд», помнят, что поезд с ценностями из екатеринбургского банка дошел только до станции Буй. Здесь комиссар Ребров, сопровождавший поезд, и встретился с военным комендантом станции Гусаровым. Узнав, что в Ярославле поднят белогвардейский мятеж и не желая рисковать, Ребров распорядился вести поезд обратно на Урал.

Кто же такой Гусаров? Геннадий Александрович Гусаров родился в 1900 году в деревне Андреевское Костромской губернии. Участвовал в боях с белогвардейцами, награжден боевым орденом Красного Знамени, был ранен и возвратился в Буй, где его назначили военным комендантом станции.

Писатель Матвеев в повести приводит и подлинную телеграмму Гусарова Главжелезному:

«Неизвестный поезд с четырьмя вагонами и вооруженной охраной пробовал прорваться в Ярославль к восставшим.»

Своевременно принятыми мерами воспрепятствовали этому. Поезд задержать не удалось — вышел на Вятку.»

*Комендант станции Буй —
Гусаров.»*

Почему комендант дал такую телеграмму? Гусарову поезд с вооруженной охраной показался подозрительным. Он не знал и не мог знать, что в вагонах были ценности, которые екатеринбургские большевики послали в Москву.

В удостоверении, выданном комиссару Борису Реброву, Уральским Советом было написано:

«...Место назначения поезда и цели его движения составляют государственную тайну...»

Комиссар Ребров свято хранил эту тайну. Поэтому он и не мог объясняться с комендантом Гусаровым. Как известно, поезд благополучно прибыл в Пермь, где ценности были надежно спрятаны и сохранены.

Богатырская жизнь

**Владлен
КОЗИНЕЦ**

**Всяческих много в мире сил,
Но всех их человек сильней...**

СОФОКЛ. «Антигона».

Ученые считают, что любая смерть в наше время, наступившая раньше 100 лет,— смерть преждевременная, точно так же как преждевременна и старость, если она сопровождается признаками дряхлости в 60—70 лет.

Человек, о котором пойдет речь, красноречиво доказал этот научный тезис своей жизнью.

Идя к герою, стоящему на пороге векового юбилея, невольно настраиваешься на философскую волну: годы есть годы. Даже исполины они не щадят.

Однако хозяин при встрече так пожал мне руку, что я почувствовал: жива еще память о богатырской силе.

...Франция и Германия, Швеция и Турция, Норвегия и Америка, Нью-Йорк и Чикаго, Баку и Петербург, города средней России—где только не гремело его имя «Кристап Шульц!»

Афиши, фотографии, дагерротипы сохранили образ богатыря. Удивительной красоты тело: рельеф бицепсов органично сочетается с тонкой, изящной даже талией; выпуклая, словно броней из мышц покрытая, грудь; крупное, костистое лицо с квадратным, четкой линии подбородком; короткая, ежиком—по моде прошлых десятилетий,—стрижка упрямых, блестящих, как сталь, волос. При росте 172 сантиметра—82 килограмма веса. Пропорция Геракла! Вспоминаются строки из древнегреческого гимна, восходящего к первым олимпиадам:

Здоровье — благо высшее для смертных.

Второе — быть красивого сложенья.

Или известное изречение Гегеля: «...формирование гармонически развитого тела... в известной мере есть художественное творчество, аналогичное ваянию...»

В царской России к физической культуре, спорту отнеслись, по меньшей мере, прохладно. Журнал «К спорту» в 1911 году опубликовал признание председателя Московской городской думы Н. Гучкова: «Русское общество относится равнодушно к физическому развитию. В России, даже в Москве физические упражнения стоят не на должной высоте». Каким же спортивным талантом нужно было обладать, чтобы заслужить такие оценки прессы:

«Смел—до безумия. Силен—донельзя. Быстр—до умопомрачения. Ловок—до невозможности».

— У меня было 104 приема,—вспоминает Кристап Кристапович,—я выступал по всем видам борьбы: вольной, классической, поясной. Согласитесь, и по нынешним временам более сотни приемов—немало. Я иногда смотрю борьбу по телевизору—больше двух десятков приемов не насчитаешь. Об этой проблеме, кстати ска-

зать, пекутся сейчас многие любители борьбы, и правила постоянно меняются с целью активизации схваток, есть даже предложения привести схватки борцов к боксерской формуле, по принципу: проиграл—выбыл из борьбы.

Приведем газетную цитату: «На всемирном чемпионате борьбы, проходившем в течение 145 дней во Втором Московском государственном цирке, первый приз получил чемпион мира борец Вейланд Шульц, который принимает вызов от любого чемпиона-борца». Вдумайтесь—145 дней длился чемпионат мира 1923 года, почти пять месяцев! Такие тогда были чемпионаты у профессионалов—боролись до победы, без всякого подсчета очков, и не по шесть минут. Спор между двумя борцами мог длиться сколь угодно—пока один не припечатает другого лопатками к ковру.

— Обычно первая встреча была 20 минут,—вспоминает Кристап Кристапович.—Вторая—сорок. Третья схватка—час. Если на третий день победитель не выживет—на поединок дается три часа. А по три часа бороться можно много дней подряд—до победы.

Это были воистину исполинские поединки. Конечно, современная борьба изобилует множеством новых приемов, комбинаций—«в карете прошлого...» К тому же борьба цирковая несколько отличалась от нынешней спортивной борьбы. Но спортивный смысл, дух соперничества оставался высоким—боролись всерьез, сильнеего выискали бескомпромиссно. Атрибутика чемпионов была чисто цирковой: яркой, праздничной, своеобразной, рассчитанной на привлечение публики, на грани спорта и искусства. Где-то мы иногда утрачиваем эти яркие зрелищные традиции (автор не имеет ввиду Спартакиады народов СССР, Олимпийские игры—речь о рядовых чемпионатах), а ведь, по определению известного специалиста в области эстетики спорта М. Я. Сараф, есть известная общность зрелищности спортивных и театральных действий. Ни то, ни другое не может быть чрезмерно затянута, ни то, ни другое не может быть монотонным. И на стадионе и в театре действуют нормы драматической композиции: завязка, нарастание конфликта, смена жанровых тональностей. Но в первом случае они проявляются стихийно, во втором—само действие организуется по этим принципам.

...У крестьянского парня Кристапа была хорошая латышская фамилия. Но когда дело дошло до профессионального ковра, антрепренеры в голос запротестовали: «Что это за фамилия для афиши—Вейланд? Придумывай себе французский или, на худой конец, немецкий псевдо-

ним». Так он стал Кристапом Шульцем, а со временем — Вейландом Шульцем.

— Закончил я школу в 16 лет, поступил на железную дорогу, где работал отец. Железнодорожники были, помнится, мировые парни, по тем временам — чуть ли не самые грамотные среди рабочего класса. Ну и, естественно, бунтари, революционеры, причем хорошо организованные революционеры. Мне с ними сразу как-то стало по душе — здоровенький был, азартный, ни за словом, ни за делом в карман не лез.

Парнишку поставили работать «рапортером». Должность «завидная»: участок ремонтируемой дороги, обычно километров по двадцать, нужно было пробежать за смену в оба конца — рапорта собирать от старших рабочих. И до работы Кристапу было около пяти километров, этого получалось в день до полусотни километров! Может, тогда и была заложена основа мощи организма будущего богатыря? Наблюдая порой очереди у лифтов, везущих совсем молодых людей до третьего-четвертого этажа, поневоле начинаешь делать нелестные сравнения.

В 1905 году Кристап получил революционное крещение.

— Ранен был, когда флаг нес на демонстрации. Это случилось 13 февраля в Риге. Я тогда уже работал на вагоностроительном заводе. Весь город забастовал, а один маленький заводик за Двиной — не останавливается. Решили всей демонстрацией пойти туда, пристыдить штрейкбрехеров. Дошли до моста, а навстречу — солдаты. Залп! Не сразу и почувствовал, что крозь течет — было бы оружие, хоть сейчас в бой. Я тогда этих «желтопогонников» готов был голыми руками разорвать.

В его жизни еще будет и печально знаменитая петербургская тюрьма «Кресты», и ярославский «Польский замок» — типичная судьба всех, кто открыто ненавидел деспотизм. Не будучи профессиональным революционером, Вейланд стихийно разделял участь тех, кто боролся против произвола и несправедливости, за что и претерпевал от властей.

Кристап любил быть на виду, не скрывал своей силы, ловкости, сноровки, и поэтому рано или поздно он должен был попробовать себя в атлетическом, мужском виде спорта. А когда стал спортсменом, широта натуры, быстро пришедшая популярность свели борца с выдающимися людьми эпохи. На безымянном пальце левой руки, которой он легко вырывал шесть пудов, а трехпудовкой жонглировал до 50—60 раз, — янтарное кольцо в золотой оправе — памятный подарок Шаляпина. Куприн подарил Вейланду свою любимую ручку с золотым пером. Но самой памятной стала первая награда. Можно сказать, что с нее и начался путь в спорт. История этой награды необычна.

В XVII веке польский король Сигизмунд III подарил своему фавориту — воеводе графу Тышкевичу пояс с драгоценными камнями. Реликвия эта переходила по наследству вплоть до последнего в графской династии Тышкевичей — депутата Государственной думы, мецената, большого любителя спорта. Последний из графов учредил пояс в качестве приза победителю чемпионата мира. (Впрочем, граф знал, что делает: создав затем профессиональный клуб борцов, он сполна получил и финансовые

дивиденды, и славу покровителя спорта.) Карьера будущей знаменитости Вейланда Шульца началась в 1907 году как раз с завоевания этой награды — «Пояса короля Сигизмунда III». Шулец упоминается историками спорта в ряду со знаменитейшими борцами своего времени — Поддубным, Спулем, Геккеншмидтом, Заикиным, Лурихом, Шемякиным, Збышко-Цыганевичем.

По-разному сложилась судьба этих людей. Шулец, уже в солидном возрасте, далеко за сорок, закончил карьеру борца и перешел на административную работу. И остаться бы ему долгие годы в директорах, в конце концов он так и ушел на пенсию с должности директора Свердловского цирка, имея 64 года рабочего стажа, да случай распоряжился иначе.

В 1934 году приехал он в Надеждинск — так тогда назывался нынешний Серов. Был там «прогорающий» цирк. На первом же представлении Шульца узнали, стали скандировать. Он вышел на арену, растроганный до слез, поклонился в пояс... и прошел за кулисы переодеваться для боя. Было тогда ему ни много, ни мало — 49 лет. Но по-прежнему сильные руки способны были гнуть железо, в узел завязывать гвозди. По-прежнему не устоять было молодым перед ветераном. И пошли опять аншлаги, гастроли — по Уралу, Сибири, Средней Азии, Казахстану.

«...Свердловск. Артисту передвижного цирка товарищу Шульцу. Благодарю Вас, товарищ Шулец, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Примите мой привет и благодарность Красной Армии. Верховный Главнокомандующий». Предыстория этой правительственной телеграммы обычна для тех лет. Много личных сбережений отдавали люди на укрепление обороны страны. Шулец не стал исключением — его взносы пошли на создание Уральского добровольческого танкового корпуса, на построение эскадрильи самолетов «Советский артист».

И еще один документ периода войны, датированный 11 апреля 1942 года, подписанный командованием Свердловского эвакогоспиталя. **«Уважаемый товарищ Шулец. Командиры и бойцы эвакогоспиталя благодарят Вас за концерт, который мы смотрели с большим удовольствием. Ваша забота о Красной Армии вселяет в нас силы. Поправившись от ран, мы вновь будем громить ненавистного врага — германский фашизм до полного уничтожения».** В который уже раз, потрянув стариной, а в грозном 1942-м было ему уже под шестьдесят, Шулец жонглировал перед бойцами двух- и трехпудовками, гнул подковы, скручивал в жгут пальцами гвозди...

Его помнят и знают все, кто любит борьбу, спорт вообще. В Первоуральске юные борцы проводят традиционный турнир в его честь. Растет поколение спортсменов, подготовленное его учениками в спортивной школе свердловского «Локомотива». А сам Кристап Кристапович внимательно следит за успехами советских борцов на международной арене, огорчается, что нет среди них уральцев.

— Неплохо боролись. Неплохо. Есть что вспоминать, — говорит он в преддверии своего столетия. И видится, и слышится ему задорный цирковой марш, арена, усыпанная блестящими, и горячее дыхание зала.

ПАРА ЛЫЖ

Руслан
ЛЫНЕВ

Рисунок
Е. Охотникова

тера спорта, а лыжники вполне рядовые. Но и нам, рядовым, не все равно, какой у нас с вами инвентарь, кем и как сделан, верно?

Подробный рассказ о том, как делают современные лыжи, занял бы больше времени, чем процесс их изготовления. Но об основных этапах я скажу. Делают лыжи в основном из березы. Из лыжного кряжа. Его везут в Новоятск с лесосек Кировской области, с севера Свердловской, из тюменских краев. Что отличает этот кряж? Прямызна. И чтобы сучков был самый-самый минимум. Затем кряж должен вылежаться полгода, а лучше год, чтобы дойти до кондиции. Хорошие лыжи получают только из выдержанной древесины.

— Это условие,— посоветовал мне главный технолог комбината А. Грачев,— удается выполнять с трудом, потому что слишком уж неритмично поставляют нам кряж лесозаготовители.

На качество это, понятно, отражается.

По внутреннему строению лыжа напоминает коробку с карандашами, уложенными в несколько слоев, плотно подогнанными друг к другу и намертво склеенными. Что значит намертво? Читатель, вероятно, видел немало сложенных лыж. Часть их он, возможно, и сам сломал. Но я уверен: сломы никогда не совпадали со швами, а были поперек их.

На средние слои идет древесина сортами похуже, лучшая — на верхнюю поверхность — шпоновую и на нижнюю — скользящую. Самая лучшая — на ранты, края для упрочения скользящей поверхности.

Для чего вообще лыжи делают не сплошными, а многослойными? Чтобы они не коробились. А значит, подольше служили нам — и чемпионам, и начинающим.

На лыжи они начинают походить с того момента, как в пятом цехе к их многослойной средней части прикрепляют задники и носки, склеивают, прессуют в шаблонах. Затем носки заостряют на двух фреззах, прорезают желоб на скользящей поверхности. Раньше, помню, на беговых лыжах желоба делались шире и глубже, но затем наука подсказала: это лишнее. И сегодня на пластиковых лыжах, например, глубина желобов всего 0,6—0,8 миллиметра.

Так весь не столь уж простой процесс разложен на простейшие операции. Всего их более ста тридцати. Труд, в общем, конвейерный: примерил — вставил — вынул. Индустриализация, и только.

Но ведь не так уж давно все эти операции выполняли не станочники, а совмещал один-единственный лыжный мастер. Сохранились ли такие, что могут целиком сделать пару лыж — от раскрытия кряжа до покраски? Есть, сказали мне. И по-

знакомили с Петром Матвеевичем Гошиным. Он старый мастер, уже на пенсии, но без «лыжной работы» не может.

Человек он, как я понял, без амбиций. Надо — встанет работать и к станку, на самую простую операцию. Но случается, что комбинату нужен его ценный опыт, точные руки, его строгий, безошибочный вкус. Это бывает, когда конструкторы создают новую модель лыж. И нужно сделать эталон. Тут нельзя без Гошина.

Родом он из Карелии. Вырос в детдоме. Работать начал в двадцать девятом году на Петрозаводской мебельной фабрике. Тогда там делали лыжи «Идеал». Конечно, по сравнению с теперешними, даже самыми простыми, тот «Идеал» был далеко не идеальным: тяжелым, громоздким. Но и его смастерить было не просто. Мастер применял тридцать два рубанка. Через год, уже на новой лыжной фабрике, на импортном оборудовании, финском, стали делать двухслойные лыжи. Производительность? Хороший мастер делал, вспоминает Петр Матвеевич, полторы пары в день. Гошин вскоре стал бригадиром, ударником. Ему доверяли выполнять заказы известных в то время лыжников. А когда началась финская война, он был оставлен на брони — делать лыжи.

Осенью сорок первого года фабрику эвакуировали, частично в Пудож, частично сюда, в Кировскую область. Людей увозили в тыл поездом, а станки водным путем — на Волгу, к Горькому, а уж потом сюда, к Кирову. Вместе с оборудованием нагрузили баржу деревянных болванок — тридцать тысяч, чтобы в тылу, не мешкая, начать выпуск лыж для фронта. Караван с баржами не раз бомбили. И Гошин вспоминает, переживал не только за себя и машины, а и за заготовки, которые надо было спасти любой ценой. Как семенной фонд. Как сырье стратегическое.

На новом месте, уже по холоду — стоял ноябрь, — забили сваи, поставили стены. И тут же пустили машины. И уже вскоре под Москвой на лыжи встали целые батальоны.

До войны здесь лыж не делали. Выпускали рамы для парников. И вот уже до конца сорок первого года, за полтора месяца, изготовили тридцать четыре тысячи пар. С той первоначальной поры по сей день на комбинате работают прибывшие вместе с Гошиным из Петрозаводска Т. Данилов, А. Демченко, А. Меки, Е. Кярнянен.

Самым умелым мастерам, как Гошину, поручалось в военное время изготавливать лыжи специальные — пулеметные, у которых носки находились спереди и сзади, складные — для авиадесантников. И он делал.

Ну хватит, хватит нам весь выходящий кислород дома. Хотя бы даже и с книгой. Не лучше ли взять своих домашних или приятеля поехать — и за город. На лыжах! В лес!

Норвежцы утверждают, что лыжи — изобретение их далеких предков. При этом они ссылаются на скальные рисунки четырехтысячелетней давности. Не менее древний «документ», однако, обнаружен и в Забайкалье.

Можно предполагать: в те далекие времена технология изготовления лыж мало чем отличалась от той, которую применил М. Гурьянов, школьник одиннадцати лет от роду. Он сделал так: отыскал березу с нужным изгибом ствола. С изгибом, пояснил он мне, поскольку мать запрячала ему использовать кастрюли для распаривания лыж, как того требует технология.

— И получилось? — спросил я его.

— А как же? Катался. В Подлинском парке.

Это была его первая пара лыж. Сделал он ее более сорока лет назад. Сейчас под началом М. Гурьянова делают около двух с половиной миллионов пар лыж ежегодно. Он директор Новоятского лыжного комбината, крупнейшего в стране и, как утверждают, в мире. Полмиллиона пар новоятских лыж девяти типов отмечены Государственным Знаком качества. Особенно хороши знаменитые лыжи-лебеди типа «Россия». Их просто рассматривать, не касаясь, — и то удовольствие. Трудно поверить, что эти изящные, стремительных форм чудо-лыжи состоят из ста с лишним частей. Но это так.

— Выходит,— решил я проявить догадливость,— изготовить лыжи не легче, чем скажем, шифоньер?

— Гораздо труднее,— уточнил Гурьянов.— Ведь в мебели таких изгибов нет.

Чудеса, подумал я. И почувствовал: у «лыжеделов» своя гордость по отношению к мебельщикам.

Пишу я это и думаю, что большинство читающих — вовсе не мас-

Недаром сегодня у него, кроме наград за мирный труд, включающих медали ВДНХ, есть и военные: за доблестный труд в Великой Отечественной войне, к тридцатилетию Победы.

После сорок пятого года Петр Матвеевич всего лишь раз выполнял военный заказ — делал оружейные лыжи. Но это было по просьбе кинематографистов, снимавших батальные сцены разгрома фашистов под Москвой.

В небольшом актовом зале комбината я видел необычную выставку: продукцию, которую выпускали здесь, в Новоятске, начиная с 1949 года. Вот первая пара той поры. Широкие, бурого цвета, с галтелями, выточенные вручную. Сам облик их говорит о времени, когда главным было сделать пусть без изыска, но как можно больше. Затем идут беговые «Экстра» образца пятьдесят третьего года. Первые многослойные выпуска пятьдесят пятого значатся высшим сортом. Ныне они бы не прошли контроль. Петр Матвеевич хорошо помнит, как трудно давался выпуск многослойных. Вместе с начальником цеха Е. Кярнянен он ездил учиться делать их на родину, в Петрозаводск, в Таллин. Первая пара, более-менее похожая на современные, появилась, судя по выставке, лишь в шестьдесят первом. На них марка «Кировские». Есть здесь «Туристские», они пошире беговых, еще шире охотничьи — у этих для устойчивости на скользкой поверхности прорезаны два желоба. Вот спортивно-беговые «Быстрица», «Старт», далее лыжи, испытанные в Арктике, в многодневном пробеге от Усть-Каменогорска до Москвы. А там детские — «Снежок», «Ветерок». Затем идут изделия других фабрик и комбинатов. По ним ясно видишь, как все теснее сливаются в лыжах труд с красотой. И понимаешь, что новоятским конструкторам, дизайнерам, технологам все труднее соперничать с их коллегами из Мукачева, Пярну, Петрозаводска и Таллина.

А вот и товар зарубежных фирм: «Ярвинен» (Финляндия), «Кнайсл» (Австрия). Сверкание эмблем, надписей, сделанных яркими эмалями, лаками. Прямо-таки лыжный парад. Или бал. Но хозяева — новоятские мастера с их продукцией — не чувствуют себя на этом балу скромнее всех остальных.

А когда-то было, чувствовали. Петр Матвеевич хорошо помнит время, когда наши спортсмены не желали знать иных лыж, кроме зарубежных. И вот — сцена тех времен: в Новоятск приехал известный чемпион с парой лыж, взятых словно для рекламы зарубежной технологии и эстетики. Глядя на такие, не мудрено было вздохнуть простодушно: «Умеют же!» Но тогда повод

для вздоха был иной: одна лыжа сломана. В колодке. А эту поломку исправить нельзя.

— Сделаем, — коротко сказал Гошин, осмотрев. И сделал. На другой день. Совершенно новую лыжу. Если чем и отличную от оригинала, то только в лучшую сторону.

Подобных случаев в пстом еще было не один и не два. В Новоятск все чаще стали наведываться известные лыжники, биатлонисты, их тренеры. И постепенно стало молвой: «гошинские лыжи», «сам Гошин сделал». А тем временем работать гошински на комбинате выучилась большая группа его учеников. Вместе с конструкторами, художниками, испытателями они отработывали формы, осваивали новые сорта древесины, легкие и прочные: бальзу, гикори. Так, в поисках, сложилась новая оригинальная модель лыж экстра-класса. Испытания, проведенные в «СвердНИИдреве», головном «лыжном» институте, показали: модель получилась не хуже лучших зарубежных образцов. А кое в чем и лучше.

Как истый северянин старый мастер Гошин сдержан на слова и жесты, даже скуп. И тем неожиданнее мне вдруг было услышать от него:

— Эти лыжи назвали «Россия». По-моему, это им идет.

И тут он впервые за весь наш разговор улыбнулся.

В 1973 году на международной выставке в Чехословакии они получили диплом первой степени и золотую медаль.

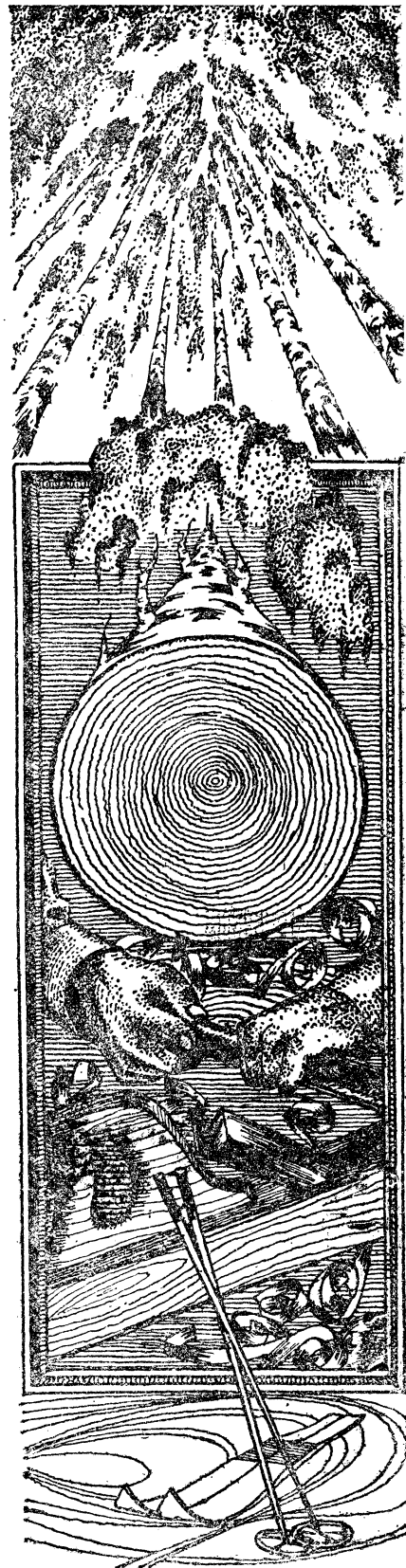
Не лыжи — мечта. На таких люди уже «не ходят», а, лучше сказать, парят над лыжней. Но это, конечно, те, кто умеет. Совершенство спортсмена и искусство лыжных мастеров, слившись, дают нечто совсем новое не только в скорости, а и в красоте, зрелищности бега.

Несколько лет назад во всем мире выпускалось пятнадцать миллионов пар лыж в год. Из них восемь миллионов беговых. Предполагалось, что ежегодный прирост их производства будет составлять десять процентов. Но он коснулся больше горных лыж. Мода на них увлекла очень многих. Что же, горные лыжи тоже вещь.

Однако в Новоятске по-прежнему верны традициям, вкусам, потребности устойчивым, живучим и естественным в нашем народе...

Катить в зимний полдень по лесу или морозный воздух. Любоваться снежным убранством деревьев, нестись с горы, забыв обо всем. Отряхнуть уныние и вялость. Испытать свежесть, бодрость и радость души.

Спасибо за это природе нашей, суровой и щедрой. И спасибо людям, сработавшим для нас вроде бы нехитрый, но очень нужный инвентарь — пару лыж.

ПУШКА СЛАВЯНОВА

См. фото на 4-й стр. обложки

Юрий
АЛАН

Эту модель стальной пушки, лежащей на бархате в старинном футляре из разных пород дерева, неизменно демонстрируют на всех особо ответственных выставках, которые проводит Свердловский историко-революционный музей. И понятно: она связана с именем знаменитого деятеля русской техники Николая Гавриловича Славянова. По крайней мере на это указывает надпись на футляре. И в одном из отчетов Уральского общества любителей естествознания за 1888 год есть строки о том, что сия миниатюра изготовлена на Пермских пушечных заводах вольтовой дугой.

У пушечки не сохранился затвор, и теперь трудно определить, какой он был конструкции. Клиновой, поршневой или, быть может, крановый? Если поршневой, то у затвора была рукоятка, при повороте которой на 180 градусов мини-орудие готовилось к заряданию. А как вообще делали стволы пушек? Применяли сварочное железо. Вокруг сердечника укладывали полосы и стягивали их кольцами. Со второй половины девятнадцатого века стальные орудия имели стенки стволов двух типов — нескрепленные (простая труба) и скрепленные, состоящие из нескольких цилиндров. Они надевались друг на друга с натяжением. Верхний цилиндр называли кожухом. И у музейной пушки виден кожух. Только вопрос: надет ли он на модель так, как требовала заводская технология, или эта геометрия (ствол меньшего диаметра, а кожух — большего) получена просто-напросто на токарном станке, или же миниатюра отлита? Во всяком случае ствол с кожухом соединен не с помощью электросварки. Так никогда не делались многослойные орудийные стволы. Такие возникают самые первые соображения, когда впервые видишь в музее модель пушки, соображения с точки зрения традиционной технологии изготовления стальных орудий... Но ведь пушка-то славяновская, и нет ли в ней сокрытой сварки? Поэтому выводы делать рано...

Мало сохранилось в музеях страны предметов, созданных Н. Г. Славяновым новаторским способом — с помощью, как мы теперь говорим, сварки. Хотя и известно из ведомости, опубликованной в свое время в «Горном журнале», что лишь за три с половиной года уральский инженер Славянов в Мотовилихе произвел полторы тысячи сварочных работ. Где эти раритеты техники теперь, все ли попали в металлолом? В Перми в краеведческом музее можно увидеть так называемый «славяновский стакан». Это многогранник, сваренный из восьми различных металлов. На дне маленького шедевра сварочного искусства прошлого века сохранилась надпись: «1893 г. г. Чикаго. Н. Г. Славянов». И, кажется, других изделий славяновской работы в пермском музее нет.

Историки установили (и об этом пишется во всех биографических книгах о Славянове и в энциклопедиях):

Николай Гаврилович изобрел электрическую отливку металлов в 1888 году. Миниатюрная пушка попала в коллекцию УОЛЕ в том же году, то есть после закрытия Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге (осень 1887 года). Значит, пушечка изготовлена раньше выставочного стакана, то есть в самом начале применения электричества в работе с металлом. Следовательно, с исторической точки зрения она еще ценнее, чем стакан?..

Однако почетный экспонат — пушечка — не до конца разгадан. И с лупой в руках не обнаружить на ней швов! Столь ювелирно они выполнены? Нет, на модель для парадного вида панесено гальваническим способом сплошное покрытие. Значит, швы там, под блестящим слоем? Это кажется вообще сомнительным. По простой логике. Коли пушка должна была демонстрировать искусную сварку, то как в этом могли убедиться те, кто видел ее, если швы не видны и через сильное увеличительное стекло? И потом — делали ли когда-либо на Мотовилихинских заводах сварные стальные пушки? Маловероятно, потому что был бы изрядный риск. Орудийные стволы отливали и просверливали в них отверстия.

И все же вновь примем за исходное, что пушка все-таки изготовлена вольтовой дугой... Но вовсе не собрана из нескольких частей, а отлита по традиции, то есть представляет собой несварную конструкцию. И тогда ее можно будет отнести к Славянову, но уже к другому его изобретению...

Производство стальных орудий в нашей стране в прошлом веке поставил, говоря по-нынешнему, на поток талантливый инженер П. М. Обухов. Пушки из стали высокого качества поставлял и Урал, Мотовилиха. Они были столь долговечны, что служили в армии до пятидесяти лет. Так, может быть, музейная пушка — это просто образец высококлассной военной продукции Мотовилихинских заводов восьмидесятых годов минувшего века? И к сварке она не имеет прямого отношения?

В 1887 году, как мы уже упоминали, в Екатеринбурге состоялась выставка. Николай Гаврилович Славянов был ее экспертом и экспонентом. Он представил для экспонирования динамо-машину, электроизмерительную аппаратуру, дуговые фонари и был награжден большой серебряной медалью Министерства финансов. Пушка могла быть на выставке, но демонстрировала не искусство сварки. Н. Г. Славянов изобрел ее в 1888 году.

Все же сварка тогда, на Екатеринбургской выставке, как новейшее дело, была представлена. Киевский инженер Н. Н. Бенардос предложил сваривать металлы угольным электродом пятью годами раньше, чем на Урале была организована научно-промышленная выставка. К ее открытию уже успело возникнуть в России товарищество с громким названием «Электрогест», которое энергично распространяло в промышленности, особенно в паровозостроении, сварку. Здесь следует напомнить о том, в чем разница между изобретениями Н. Г. Славянова и Н. Н. Бенардоса. В 1982 году по календарю ЮНЕСКО мировая общественность отметила столетие со времени создания способа электрической сварки металлов. Приоритет Бенардоса в осуществлении сварки угольным электродом общепризнан. На IV электротехнической выставке в Петербурге в 1882 году он был удостоен высшей награды Русского технического общества — золотой медали. Позднее ему присваивается звание почетного инженера-электротехника. В год столетнего юбилея сварки люди техники отдавали должное и таланту нашего земляка Николая Гавриловича Славянова. Он осенью 1891 года получил в России (и сразу же в некоторых странах) привилегию на свой способ сварки — не угольным, а металлическим электродом. Славянов называл свое изобретение скромнее: не электрогестом, а электрической отливкой металлов и применил ее для сварки вала паровой машины. В то время он уже стал горным начальником пушечных заводов в Мотовилихе и последовательно внедрял сварку в произ-

водство. Разработал полуавтомат с особой подачей сгорающего электрода, что позволяло сохранить длину дуги постоянной. Дуга Славянова к тому же горела под защитой флюса. Даже неспециалисты, очевидно, знают, что метод сварки Славянова оказался более совершенным, жизнеспособным. И до сих пор во всем мире в принципе не изменился. Славянов применил сварку для исправления дефектов литья (например, колокольного и, кстати, первым в России), для ремонта деталей паровых, паровых машин, артиллерийских орудий. Он построил и первые генераторы для дуговой сварки, преодолевая многочисленные трудности, потому что практическая электротехника в то время еще не накопила достаточно опыта. Обмотки динамо-машин, к примеру, изолировались слюдой, изоляторами служили порой обыкновенные доски.

Отливка металлов по Славянову в конце прошлого века стала распространяться по уральским заводам. В 1891 году профессор П. Худяков издал книгу «Электрическая отливка металлов по способу горного инженера Н. Г. Славянова». В ней он оценил изобретение уральца как крупную новинку, полезную отечественной промышленности. А в декабре того же года у нас, в Екатеринбургe, прозвучало, видимо, первое научное сообщение о сварке. Это произошло на заседании УОЛЕ. Докладывал член этого общества А. Н. Кузнецов. Он продемонстрировал достопочтенной публике несколько образцов «сплавления железа, чугуна и меди со сталью».

Увы, как сказал один из проникательнейших русских поэтов Н. Некрасов: «Русский гений издавна вечно тех, которые мало живут». Николай Гаврилович Славянов, один из замечательных уральцев, не дожил и до пятидесяти лет. Умер в 1897 году. Но успел за короткую жизнь многое, сделал немало значительных изобретений, усовершенствований. И теперь, говоря о самом великом изобретении его, о сварке металлическим электродом, мы вспомним и о другой его идее, тоже оказавшейся долговечной.

Славянов разработал способ удаления газов из расплавленного металла, назвав его в своем духе, просто: электрическое уплотнение отливок. Это было важным предложением, в особенности в производстве артиллерийских стволов. Ведь пузырьки газа, оставшиеся в затвердевшем металле, ослабляли стволы пушек, при испытаниях уже они могли разорваться. Электрическое уплотнение отливок Славянов обнаружил в 1890 году. Однако если предположить, что он мог экспериментально изобрести электричеством из металла газ и несколькими годами раньше, то тогда, быть может, миниатюрная пушка, о которой наш рассказ, демонстрировала именно эту новую технологию литья оружейных стволов? Тогда понятнее, почему на футляре музейной пушки указана фамилия Славянова, и в легенде об экспонате ее так и называют — пушка Славянова.

Итак, нужны более подробные дополнительные доказательства того, что модель стальной пушки сварена по методу Н. Г. Славянова. Это можно попытаться также определить и с помощью современных методов рентгено-спектроскопии или дефектоскопии. Швы, если они есть под покрытием, прорисуются. И тогда модель можно будет отнести к самым ранним образцам славяновской сварки. Вероятнее всего, она вообще займет в хронологическом плане первое место. Требуется также прямые архивные данные и чтобы утверждать: пушка изготовлена методом электрического уплотнения отливки. Но даже если это просто модель обыкновенной пушки, какие делали сто лет назад в Мотовилихе, все равно она в высшей степени ценна, потому что связана с именем одного из создателей сварки, которая за век не только не стала анахронизмом техники, но становится буквально всемогущей в машиностроении, в строительстве, в судостроении и в других отраслях народного хозяйства. Каждая частичка жизни Николая Гавриловича нам дорога и того дороже она станет потомкам.

В двадцатые — тридцатые годы немало опытных тех-

ников и инженеров с прославленной Мотовилихи было направлено на новые предприятия столицы Урала. Кроме других потомков тех посланцев Мотовилихи, хранящих в семейных архивах фотографии и материалы о своих отцах, мне знакома также свердловчанка Ирина Валериановна Крохалева. Она в молодые годы жила в Перми, где работали ее отец и дед, о многих событиях полувековой и больше давности великолепно помнит. Ее отец, Валериан Захарович Крохалев, закончив в 1913 году Томский технологический институт, приехал на Мотовилихинский завод в качестве инженера-механика. И после революции он работал здесь же, написал в двадцатые годы несколько книг технического характера для рабочих-металлистов. Затем В. З. Крохалев преподавал обработку металлов резанием в Свердловском горном институте, трудился над диссертацией...

Познакомив с судьбой своего отца, Ирина Валериановна вдруг вынула из конверта фотоснимки прошлого века и предложила рассказ — уже о бабушке по материнской линии, о К. А. Шафаловиче. И тут я увидел редкие фотографии (некоторые из них она передала в музей), на них запечатлен Николай Гаврилович Славянов!

Оказывается, дед моей собеседницы, Шафалович, учился вместе со Славяновым в Горном институте. Только будущий изобретатель электрической отливки металлов закончил учебу на два года раньше — в 1877 году. И уехал на службу в Воткинский завод, куда его назначили смотрителем механического и токарного цехов. В 1880 году его пригласили на заводы Пастухова в Вятскую губернию. Пробыл он там недолго, менее двух лет, и вновь вернулся на казенные заводы — в качестве управляющего механическими фабриками Пермских пушечных заводов. Здесь он и совершил главное дело жизни, предложив электросварку и применив ее впервые в судостроении. Работал Славянов в Мотовилихе до конца жизни, а каков был служебный путь его одноклассника Шафаловича? После окончания института он тоже едет в Воткинский завод, как и Славянов. Позднее переходит на Мотовилихинский завод — опять же к Славянову. Несомненно (об этом говорит моя собеседница да и снимки), что Шафалович и Славянов были долгие годы в приятельских отношениях. Поэтому так волнуют живые рассказы Ирины Валериановны (она их в свою очередь слышала от бабушки) о черточках характера и образе жизни видного деятеля русской техники Славянова. А именно вот такие. И что Славянов был абсолютно скромным человеком и самозабвенно работал вместо рабочего, когда нужно было поставить какой-либо опыт со сваркой. И что он в свободные часы музицировал. И что посещал любительские спектакли. И что с семьей и друзьями отправлялся на речную прогулку на пароходе. Словом, он жил как будто бы вполне обыкновенной жизнью горного инженера того времени. Однако именно этот человек выплывал радикально новый способ соединения металлов, который оказался не только более экономичным, но и, как он сказал, более эстетичным. Встречаем ли мы, к примеру, в мире растений клепаные конструкции? Повсюду в природе действует изумительная отливка ствол, веток и листьев из молекулярной массы вещества под действием солнечного луча...

Ранее мне думалось, что биография Славянова наверняка вся до тонкостей описана. Однако вот они фотографии, о которых не знают историки техники. Вот слышу волнующий рассказ о Славянове Ирины Валериановны Крохалевой. Живи бы такая-то любовь к памяти о своих предках во всех потомках уральских горных техников, инженеров, мастеровых людей, насколько стала бы богаче наша общая память о том, что умели делать наши деды.

600 ЛЕТ Артиллерии

Огонь в военном деле использовали с давних пор. Вначале это был так называемый «греческий огонь» — горячая смесь, содержащая в своей основе «земляное масло» — нефть. С ним пришлось столкнуться и древним русичам. Горели от греческого огня ладьи князя Игоря. Безымянный автор «Слова о полку Игореве» говорит, что из «пламенных рогов» половцы «живой огонь пушахи». То было огнеметное оружие. Для создания же огнестрельного оружия требовалась взрывная сила, которую и дал порох. Родиной его, по-видимому, были Китай или Индия, где залежи калиевой селитры выступают на поверхности земли. По крайней мере, пушки упоминаются китайскими хрониками еще в VII веке. Позднее китайский алхимик Сунь Сямю описал бурно горящий состав из серы, селитры и древесного порошка. В 999 году при китайском императоре Тжин Тсонго были созданы особые трубки, бросавшие зажженные стрелы на 1000 шагов. В XIII веке арабские народы использовали в войнах «мадфы» — бамбуковые стволы, наглухо запечатанные с одного конца и заряжаемые мелкими камнями и порохообразным веществом с другого конца. В начале XIII века византиец Марк Грек написал трактат «Об огне для сожигания неприятеля», в котором имелось также описание зажигательной смеси. Это был практически оптимальный вариант состава дымного пороха. Остался

только один шаг для перехода европейцев от огнеметного оружия к огнестрельному. Но сделан был этот шаг только в XIV веке. Как пишет один из историков оружия А. Н. Кирпичников, первые выстрелы пушек в Западной Европе прогремели в 1338 году. Массовое распространение пушек в Европе произошло лишь в последней трети XIV века: 1370 год — Швеция, 1374 — Немецкий орден, 1378 — Польша и Чехия.

А когда же русские впервые понюхали порох? Советские ученые В. Г. Федоров и В. В. Мавердин установили, что первые огненные залпы были сделаны со стен Москвы в 1382 году при отражении приступа орд хана Тохтамыша. Причем новое оружие пришло на Русь не с запада, «из немцев», как считалось ранее, а восточным путем. Об этом говорит восточное слово «тюфянг» — ружье или, как его переименовали русские, «тюфяк». В 1376 году войско, ведомое воеводой Боброком, совершило поход в ордынское Поволжье. Против дружин Боброка татары из города гром пушаху», гласит Воскресенская летопись. По-видимому, из Поволжья и были привезены первые тюфяки в качестве военного трофея. По их подобию русскими умельцами были отлиты новые пушки и изготовлено огненное зелье в виде праха, откуда и пошло название пороха.

В 1430 году во время великого стояния на реке Угре русские воины «многих побил татар стрелами и пищалями и отбила их от берега». Монголо-татарское иго пало. «Изумленная Европа», писал Карл Маркс, «была поражена внезапным появлением огромного государства на ее восточных границах». Западной Европе пришлось заметить также и российскую армию, в которую прочно вошло огнестрельное оружие, не уступавшее оружию заносчивых западных соседей.

А. ВАСИЛЬЕВ

ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ

Экономичный способ получения пресной воды из морской является одной из научных проблем, все еще ждущих своего решения. Надо сказать, что человечество очень давно пытается решить эту задачу. Уже Аристотель описывал получение питьевой воды методом кипячения морской. Юлий Цезарь использовал этот метод для водоснабжения своих войск, находившихся в Александрии. Древнегреческие мореплаватели, отправлявшиеся в длительные переходы, готовили пресную воду, пропитывая губки испарениями морской воды. Когда начинала мучить жажда, моряки сосали эти губки. В XVIII веке в Англии была объявлена награда в 10 тысяч фунтов тому, кто найдет простой и дешевый способ превращения морской воды в пригодную для питья. Но только в конце XIX столетия широко распространился метод дистилляции морской воды.

В. РОЩАХОВСКИЙ

ДОМ ДЛЯ ЗОЛОТОЙ РЫБКИ

Появился он в детском парке Metallургического района Челябинска. Главное помещение царства Нептуна — выставочный зал. В стенах его в два яруса смонтированы 38 аквариумов по 650 литров каждый. В них обитают около 50 видов рыб — представители уральских рек и озер, а также тропических вод Африки, Азии и Южной Америки.

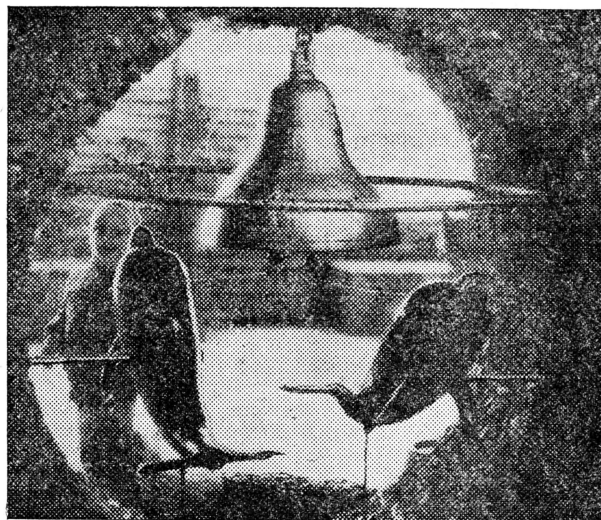
Интерьер аквариума украшают модель парусного фрегата, штурвал, якорь, рыбацкая сеть... Установлены два оригинальных фонтана. В одном среди камышей плавают рыбки, а в другом, что на снимке, «живут» дельфины. Когда дно наполняется водой, звучит колокол, с которым дельфины соединены хвостами.

За содержанием и разведением рыб в зоолаборатории, таково настоящее название аквариума, следят специалисты — ихтиолог и биолог. Лаборатория — это не только необычное зрелище, но и база для кружковой работы с школьниками.

На снимке один из фонтанов.

С. БЕЛКОВСКИЙ

Фото И. Белковского

СТОРОЖА

В середине XVII века юго-восточные границы Русского государства охраняли конные посты засечных сторожей. С ранней весны и до поздней осени они находились в степи, в дозоре. Малочисленность сторож не могла обезопасить мирных жителей от разорительных набегов кочевников. На окраинах государства стали возводиться города-крепости и долговременные оборонительные укрепления — сторожевые черты. Линия оборонительного рубежа проходила по территории нынешних Тамбовской и Пензенской областей, Мордовской АССР.

Гарнизонную службу несли конные и пешие казаки, стрельцы, пушкари, засечные сторожа. С высоких бревенчатых башен дозорные следили за появлением врага из «дикого поля», отделявшего Русь от Крымского ханства.

Прошло более трехсот лет. И вот ныне на трассе Москва — Куйбышев, узкой лентой прорезавшей центр России, возле города Нижнего Ломова появилось необычное для наших дней сооружение — сторожевая башня XVII века. А напротив — бревенчатое придорожное кафе «Сторожа».

На снимке: сторожевая башня на трассе Москва — Куйбышев.

МУЗЕЙ ОДНОГО ЭКСПОНАТА

Каких только музеев нет на свете! И вот еще один. Это необычный музей. В нем один-единственный экспонат.

Что натолкнуло организаторов на мысль о создании подобного музея? Дотошные журналисты сразу вспомнили роман Д. Гранина «Картина», демонстрацию «Джоконды» Леонардо да Винчи у нас в стране и рембрандтовского «Ночного дозора» в Амстердаме. Но как бы там ни было, факт остается фактом: в феврале 1983 года в Пензе открылся музей одной картины.

По беломраморной лестнице вдоль стен, отделанных ракушечником, посетители спускаются в небольшой зал с удобными креслами. Гаснет свет, включаются проекторы, и на экране один за другим проходят фрагменты картины, эскизы, наброски, звучит комментарий в исполнении известных актеров — М. Ульянова и О. Табакова. Затем раздвигается занавес, и в свете рамп зрителям является оригинал картины.

В соседнем зале посетители могут познакомиться с биографией художника.

Первой посетила уютную Пензу картина В. И. Сурикова «Взятие снежного городка» из собраний Русского музея в Ленинграде. Причем, это произведение прибыло в Пензу вторично, спустя несколько десятилетий. Впервые творение Сурикова экспонировалось в провинциальном городке на юго-востоке России в 1892 году.

Со «Взятием снежного городка» за полгода познакомилось около 20 тысяч пензенцев и гостей города. Сейчас музей готовится принять картину Н. Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея».

А. РЕЗНИЧЕНКО

ТВОЙ СВЕРСТНИК В МИРЕ КАПИТАЛА

Английский ученый Седрик Каллингфорд опросил пять тысяч детей в возрасте от шести до двенадцати лет, и оказалось, что только шестеро из них не каждый день смотрят допоздна телевизионные передачи. При этом все другие юные телезрители мало что запоминают. Единственное, что врезается в их сознание, — сцены насилия (а такими сценами, в частности сценами издевательств над стариками и людьми, страдающими какими-либо физическими недостатками, телеэкран в Англии переполнен). Многие дети испытывают страх — опасаются, что сами они могут оказаться жертвами насилия.

В Рио-де-Жанейро (Бразилия) начинает действовать детское полицейское подразделение. 8—14-летние блюстители нравственности и порядка, как рассчитывают их взрослые коллеги, помогут в борьбе с торговлей наркотиками. Среди подростков эта торговля приняла в капиталистических странах огромный размах: мир иллюзий «спасает» юных от ужасов реальной жизни. Их не страшит даже явная опасность отравления. Кстати, подготовительный курс для детей-полицейских предусматривает изучение правил оказания первой помощи пострадавшим от наркотиков.

С юных лет японцы обязаны не оспаривать проповедуемых им истин, слепо следовать указаниям старших. Этого добивается школа. Для поступления в высшее учебное заведение обычных школьных знаний недостаточно, поэтому многие школьники годами посещают специальные дополнительные занятия, частные курсы. Ежегодно сотни подростков, не выдержав перегрузок, кончают жизнь самоубийством. При поступлении в колледж каждый абитуриент должен прежде всего думать о своем поведении на экзаменах. Юный японец, карабкающийся вверх по социальной лестнице, готов стать послушным винтиком в механизме капиталистического общества.

В США число людей, живущих ниже официально установленного «уровня бедности», превысило в минувшем году 34 миллиона. В разряде бедных — каждая третья негритянская семья, но и бедняков-белых стало больше на 3 процента. В Англии треть всех зарегистрированных безработных (общее их количество превысило 3 миллиона) — молодые люди.

В школах Великобритании, где узаконена порка учеников, в среднем каждые 19 секунд совершается экзекуция. В одной из средних школ графства Лестершир дети подвергаются телесным наказаниям только за то, что улыбаются на уроках. Один школьник был выпорот за это в течение года 18 раз, другой — 14 раз. А всего в этой школе были наказаны за улыбку 32 подростка.

В НОМЕРЕ

- А. Кердан 2 Небо — трудная работа... Стихи
В. Пашин 3 Зависть. Рассказ
6 Следопытский телеграф
Б. Ефремов 8 Хлебом едины
Ю. Курочкин 12 Всею голова
В. Соколовский 15 В четырнадцать лет...
25 «Ведь это значит — мы пойдем друг друга...»
И. Корниенко 26 Три ноты в школьном хоре
28 Краеведческая копилка
С. Шитин 31 Черновиков у жизни не бывает. Стихи
Е. Колезев 32 Кружева из бересты
О. Капорейко 33 В круге жизни
В. Крапивин 36 Праздник лета в Старогорске. Повесть. Окончание
66 Мой друг фантастика. Калейдоскоп
68 Краеведческая копилка.
В. Козинец 72 Богатырская жизнь.
Р. Лынев 74 Пара лыж
Ю. Алан 76 Пушка Славянова

Рисунок на 1-й стр. обложки З. БАЖЕНОВОЙ

Редакция:

- Ю. БОРИСИХИН,
заведующий отделом публицистики
В. БУГРОВ,
редактор отдела научной фантастики
Л. БУДРИНА,
технический редактор
М. БУРАНГУЛОВА,
корректор
Л. ГОНЧАРОВА,
секретарь-машинистка
А. КОНОНОВА,
заведующая редакцией и отделом писем
Ю. ЛИПАТНИКОВ,
заведующий отделом науки и техники
Е. ПИНАЕВ,
художественный редактор
Н. ШИРОКОВА,
редактор отдела следопытской жизни

Адрес редакции:

620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8
Телефоны:

- 51-22-40 (секретариат),
51-55-56 (отделы писем, публицистики, науки и техники),
51-09-71 (отделы прозы и поэзии, научной фантастики),
51-53-20 (отделы краеведения, следопытской жизни)

«Уральский следопыт», 1984 г.
Рукописи не возвращаются. Сдано в набор 30.09.83. НС 11213.
Подписано к печати 27.12.83. Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 3.
Высокая печать. Усл. печатных листов 8,82.
Усл. кр.-отт. 10,5. Учетно-издательских листов 10,7.
Тираж 298 000. Заказ 530. Цена 40 коп.
Типография издательства «Уральский рабочий»
Свердловск, пр. Ленина, 49.

Зоркий объектив

Евгений БИРЮКОВ

В самом первом номере журнала «Советское фото» (апрель, 1926 год) нарком просвещения А. В. Луначарский писал: «Фотография нужна каждому на всю жизнь, она нужна и ребенку во все время его учения, она нужна и когда он будет взрослым, когда из него создастся ученый или практический деятель».

На Урале работа с юными фотолюбителями началась после возникновения областной детской технической станции в 1927 году. Была оборудована лаборатория и открыты фотокурсы для руководителей пионерских и школьных кружков. Проводились конкурсы на лучший снимок, в журнале «Делай все сам» (приложение к газете «На смену!») печатались советы юным фотолюбителям, рекомендовались самодельные конструкции — «Фотоаппарат юнтех».

В январе 1928 года в Свердловск приезжал А. В. Луначарский, он интересовался и делами фотолюбителей. Конкретные шаги были предприняты в производстве аппаратуры, артель «Фототруд» с 1929 года стала специализироваться на выпуске дешевых любительских и детских фотоаппаратов «Пионер», «Комсомолец», «Лилипут», «Малютка» и других. Вышла в свет книга Д. Буниновича «Фотография для школьника».

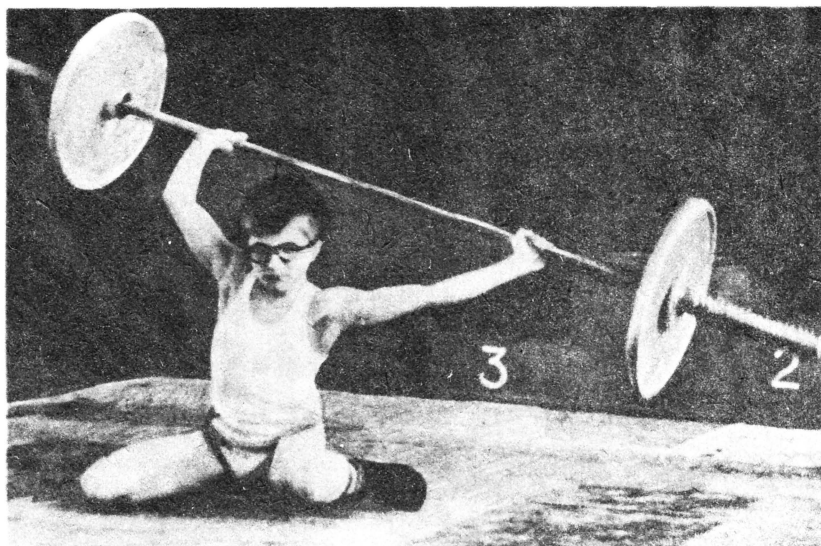
К 20-летию ВЛКСМ (ноябрь 1938 года) состоялась первая Всесоюзная выставка работ юных фотолюбителей, а через год в августе 1939 года был проведен Всесоюзный день юного фотолюбителя. В ряде городов прошли слеты, встречи с юными фотомастерами, с редакциями газет и журналов, однодневные фотоконкурсы, консультации по техническим и творческим вопросам. Газета уральских пионеров «Всходы коммуны» регулярно печатала фотоснимки детворы. Уместно еще раз процитировать А. В. Луначарского: «Нельзя забывать и художественные стороны фотографии — ее творческого значения. Сноровка, умение, внимательность, аккуратность, которых она требует, имеют громадное педагогическое и воспитательное значение». В наше время — тем более.

Художественные критерии стали главными в оценке работ, присылаемых на фотоконкурсы наших дней. Последний смотр юных фотолюбителей Свердловской области — «Зоркий объектив 83» — собрал работы более тридцати коллективов. Среди них были «ветераны» этого традиционного конкурса — фотокружки Нижнего Тагила, Каменска-Уральского, были и коллективы-новички, например, фотокружок поселка Костино. Первое место получила коллекция фоторабот клуба юных техников при Доме культуры города Арамили. Их подборка снимков оказалась лучше именно в художественном отношении.

На снимках: работы юных фотолюбителей из Свердловска: Сергея Мурашова «Утро в лесу», Кирилла Шпицина «Сестричка», Андрея Плотникова «Неудача».

«Сестричка», Шиницин Кирилл
(г. Свердловск)

«Неудача», Плотников Андрей
(г. Каменск-Уральский)

«Утро в лесу», Мурашов Сергей
(г. Свердловск)

Пушка Славянова

Читайте стр. 76-ю.

